

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМАТИКИ РЕЧИ
И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Материалы X Всероссийской научной конференции

Иркутск
Издательство БГУ
2018

УДК 81-42
ББК 74.58
П78

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия

д-р филол. наук, проф. Г.М. Костюшкина (науч. ред.), канд. филол. наук
Н.С. Барбина, аспирант О.Ф. Семенова

П78 Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности : материалы 10-й Всерос. науч. конф. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – 192 с.

ISBN 978-5-7253-2978-0

Издание посвящено проблемам концептуальной систематики речи и речевой деятельности. В первой части исследуются вопросы концептуализации и категоризации опыта в языке, методологии научного знания в когнитивной лингвистике, проблемы языкового сознания. Во второй части поднимаются вопросы речевой коммуникации, теории текста, дискурса, высказывания и его элементов. Третья часть содержит исследования авторов, занимающихся прикладными аспектами концептуальной систематики речи и речевой деятельности – проблемами лингводидактики в области иностранных языков и русского языка как иностранного.

Материалы рассчитаны на широкий круг читателей: ученых-лингвистов, докторантов и аспирантов, преподавателей филологического профиля вузов и средних учебных заведений, студентов бакалавриата и магистратуры.

УДК 81-42
ББК 74.58

ISBN 978-5-7253-2978-0

© Издательство БГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костюшкина Г.М.</i> Концептуальная систематика в исследованиях речи и речевой деятельности	5
---	---

ЧАСТЬ 1. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

**(проблемы концептуализации и категоризации опыта в языке,
методология научного знания в когнитивной лингвистике,
проблемы языкового сознания)**

<i>Барбина Н.С.</i> Лингвистический дизайн научной картины теории аргументации	11
<i>Богданова С.Ю.</i> Квантитативные и корпусные методы в когнитивной лингвистике	17
<i>Верхотурова Т.Л.</i> Наблюдатель как аналитический инструмент в исследованиях по лексической семантике	24
<i>Дахалаева Е. Ч.</i> Концепт «автореферентность» в различных научных контекстах	31
<i>Доржиева Г.С.</i> L'espace de la Notion et la Notion de L'espace Toponymique Quebecoise	37
<i>Колмогорова А.В.</i> Концептуализация нормативных характеристик человека в языке (на примере конструкций <i>всякий вменяемый x</i> и <i>ни один невменяемый x не</i>)	44
<i>Кузьмина Т.Н.</i> Категория «категоричность»	52
<i>Павленок Д.В.</i> Профессиональный код как когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном языковом сознании студентов	60
<i>Пащенко М.А.</i> Метафора как способ установления межконцептуальных отношений	66
<i>Семенова Т.И.</i> Мнимый мир в зеркале прилагательного fake	74

ЧАСТЬ 2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**(проблемы речевой коммуникации, теории текста, дискурса,
высказывания)**

<i>Ван Чжо.</i> Языковая игра как тактический прием в рекламном слогане	84
<i>Воложанина Т.С.</i> Особенности использования тавтологий в интернет-коммуникации	89
<i>Егорова М.А., Сметанина-Крушевски Н.В.</i> Аргументация как одна из неотъемлемых частей диалогического дискурса	97

<i>Ишенина А.С.</i> Английские глаголы воображения через их когнитивные характеристики	103
<i>Козлова Н.Н.</i> Концептуальная систематика фразеологических единиц с колоративом в речи	110
<i>Косова О.А.</i> «Балансирование» между экологичной и неэкологичной интеракцией в интернет-пространстве (на материале дискуссионных форумов о здоровье)	115
<i>Попова Н.Б.</i> Поэтический дискурс: институциональные признаки французского символизма	124
<i>Пушкарева Ю.Г., Языкова А.А.</i> Функция индивидуализации имени собственного в иноязычной рекламе	131
<i>Рыбалко С.А.</i> Официально-деловой стиль русского языка как элемент лингвокультуры	137
<i>Семенова О.Ф.</i> Аргументирующая функция паремических единиц	143
<i>Топка Л.В.</i> Адаптивная функция категоричного речевого поведения.....	148
<i>Ханнанова И.Р.</i> Интенции аргументативных высказываний Дональда Трампа	155

ЧАСТЬ 3. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМАТИКИ

**(проблемы межкультурной коммуникации, перевода, лексикографии,
лингводидактики)**

<i>Бабтракинова О.И.</i> К проблеме освоения англоязычных неологизмов студентами неязыкового вуза.....	161
<i>Зыкова В.А.</i> Организация самостоятельной работы и использование современных технологий в процессе обучения иностранным языкам.....	171
<i>Лидина И.Ю.</i> Реализация компетентностного подхода в обучении иностраных студентов-лингвистов.....	176
<i>Махтина Г.И.</i> Письмо как средство активизации изучаемого материала	181
<i>Троценко Е.Г.</i> Региональный компонент как средство формирования социокультурной компетенции студентов специальности «Туризм»	187

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению проблематики научного направления концептуальной систематики речи и речевой деятельности, где можно выделить 4 области изучения: 1) лингвопрагматическую, 2) стратегическую, 3) жанровую и 4) речемыслительную. Все они объединены общим методологическим принципом когнитивного системообразующего механизма, лежащего в основе построения системы языкового феномена, проявление которого исследователь находит в речи.*

***Ключевые слова:** концептуальная систематика, речь, речевая деятельность, когнитивный механизм, система.*

G.M. Kostyushkina, Irkutsk

CONCEPTUAL SYSTEMATICS IN INVESTIGATIONS OF SPEECH AND SPEECH ACTIVITY

***Abstract.** The article deals with the problem elucidation of the scientific branch of conceptual systematics of speech and speech activity, where one can reveal four fields of knowledge: 1) lingvopr pragmatic, 2) strategic, 3) that of genre and 4) speech-understanding. All of them are united by one methodological principle of cognitive systematic mechanism, underlying in the base of language phenomenon system formation whose realization the investigator finds in speech.*

***Key words:** cognitive systemic mechanism, speech, speech activity, methodological principle, conceptual systematics.*

Термин «концептуальная систематика» многозначен: в объем его содержания входит не только систематизация языковых фактов, но и их объяснение через выявление их системности – системной организации [1]. Наше внимание привлекает как раз вторая составляющая содержания систематики. Фактор же системности любой науки сегодня очевиден, он не требует дополнительной аргументации. Системность языка была доказана еще в прошлом веке, и процесс изучения и объяснения этой важнейшей характеристики был достаточно длительным. Системным исследованиям были подвергнуты фактически все уровни языка.

Вопрос системности речи и речевой деятельности ученые-лингвисты поставили сравнительно недавно. Впервые на данный круг проблем обратила внимание функциональная лингвистика, теоретические изыскания которой послу-

жили базой для становления лингвистической прагматики, которая в свою очередь стала одной из составляющих базы источников когнитивной лингвистики, где круг исследовательских проблем расширился, затрагивая проблематику речи и речевой деятельности, в которых находит свое реальное проявление естественный язык человека и сам человек в своем языке [2].

Концептуальная систематика речи и речевой деятельности объединяет исследования ученых-лингвистов, разрабатываемых Иркутской научной школой концептуальной систематики в основном в четырех направлениях:

1) *исследования лингвопрагматического характера* с учетом функционально-прагматического фактора языковых феноменов и роли коммуникантов в различных статусах их проявления: социальном, ролевом, психологическом, этнокультурном и др.; конечной целью таких изысканий является построение модели взаимодействия формы, функции и значения языкового явления, что позволяет определить или уточнить его лингвистический статус;

2) *исследования стратегического потенциала* речевого продукта – высказывания, текста / дискурса, что является особенно значимым не только в теоретическом, но и практическом плане для решения задачи успешной коммуникации;

3) *исследования жанровой систематики речи*, включая как построение речевой классификации жанров на основе их детерминирующих характеристик, так и выявление их системообразующего механизма;

4) *исследования проблем речевой деятельности*, включая когнитивный механизм смыслообразования, проявляющийся в речевых эффектах, которые приводят к выявлению систематики языкового сознания через речевые реализации.

Лингвистические исследования *первого направления* уже стали закономерностью в научных трудах ученых. Сегодня необходимо учитывать коммуникативно-прагматическую роль говорящего и думающего субъекта коммуникации в научных исследованиях в области речи и речевой деятельности. Антропологический фактор стал приоритетным методологическим принципом современного языкознания (см. [3]).

Ученый-лингвист использует речевой материал (корпус примеров) для изучения языковых феноменов в решении теоретических проблем в лингвистике, всякий раз системно моделируя изучаемый феномен. Без выявления системности исследовательского корпуса речевого материала не обходится ни одна научная работа в сфере лингвистики. Ученый или устанавливает заново лингвистический статус изучаемого феномена, или уточняет его. Так, например, лингвистический статус такого явления, как языковая игра традиционно определяется как намеренное нарушение языковых норм и правил определенного языка в особых целях (развлекательных, комических, эстетических, рекламных и др.). Ее лингвистический статус далеко неоднозначен, это может быть и отдельный речевой жанр, и семейный идиолект (семейное арго), и особый лингвистический код, который образуется в результате асимметрии формы и содержания, когда прежняя форма получает новое содержание и, наоборот, старое содержание получает новую форму.

В научном исследовании Ван Чжо языковая игра получает лингвистический статус тактического хода для реализации коммуникативных стратегий (презентативной, персуазивной, или аргументирующей и экспрессивно-оценочной), каждая из которых обладает определенным набором тактик. Выявленная тактика оперирует языковой игрой как тактическим ходом, т.е. эффективным инструментом для манипулятивного воздействия на потенциального потребителя товары или услуги в рекламной коммуникации [4].

Концептуальная систематика данного речевого феномена (языковой игры) определяется путем выявления его когнитивного системообразующего механизма, заключающегося во взаимодействии его формы (фонетической, лексической, грамматической), стратегий и тактик, применяемых для выбора формы и речевого смыслового эффекта.

Научные исследования, направленные на изучение стратегий и тактик участников коммуникации в использовании речевого материала, приводят к теоретическим исследованиям *второго направления*, которое связано с выявлением стратегического потенциала коммуникативных систем и их составляющих (высказывания, текста, дискурса, коммуникативного акта и коммуникативной ситуации в целом, коммуникативных процессов, включая процессы наррации, дескрипции, аргументации и т.д.). Область изысканий в этом направлении сегодня является весьма актуальной и значимой для решения проблем успешной коммуникации. На наш взгляд, проблематика эколлингвистики – нового формирующегося направления – напрямую связана с разработкой задач данной области знаний.

Третье направление концептуальной систематики речи и речевой деятельности затрагивает проблемы речевой генристики. Конечного списка речевых жанров нет. Безусловно, какие-то из них отмирают (например, некоторые ритуальные жанры – похоронный, свадебный, проводы в армию, крещение и т.п.), какие-то появляются вновь, как, например, интернет-жанр, рекламный, различного рода арго (молодежный, студенческий, воровской и т.п.), которые стали интенсивно изучать сравнительно не так давно. Для их закрепления в языке необходимо выявление их системных признаков, а затем построение жанровой системы коммуникации. В результате без выявления когнитивного системообразующего механизма также не обойтись. В данном случае, возможно, в основе такого механизма будут лежать выявленные в ходе специальных исследований основные и вспомогательные (периферийные) признаки жанра, в каждом случае свой набор признаков, где устанавливается своя системная организация.

Термин «речевая деятельность» уточняется сегодня наименованием «речемыслительная деятельность» [5], поскольку речевой процесс как деятельность обусловлен мыслью, сознанием человека, которое сегодня изучить нельзя напрямую, а лишь косвенно, прибегая к различного рода методикам и процедурам. Так, активно используемая методика ассоциативного эксперимента при помощи процедур анкетирования, устного опроса, учета реакций на стимулы и т.д. позволяет построить системную категориальную модель языкового национального

сознания в определенной области знания. Например, в научной работе Д.В. Павленок выявляется когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном языковом сознании студентов французов и русских путем свободного ассоциативного эксперимента. В результате автор пришел к выводу, что в основе когнитивного системообразующего механизма относительно предмета исследования лежит неповторимый код профессии исследуемых лингвокультур, который определяется структурированными по степени важности представлениями студентов о профессии преподавателя. Профессиональный код преподавателя в языковом сознании студентов, полученный путем контент-анализа семантической структуры лексем-стимулов и прямых и обратных реакций на них, позволил построить систему ассоциативного поля, включающего ядерную зону с определенными семантическими группами [6].

Как видим, в основе концептуальной систематики речи и речевой деятельности во всех ее четырех областях проявления есть один общий, объединяющий их компонент. Это когнитивный системообразующий механизм. В научном исследовании, как только этот механизм удастся выявить, автор-исследователь получает новые результаты. Мы определяем данный механизм как важный лингвистический методологический инструмент, который позволяет моделировать систему изучаемого явления, без построения которой невозможно ни одно лингвистическое исследование [7].

X Всероссийская научная конференция посвящена проблемам концептуальной систематики речи и речевой деятельности, поскольку изучение любого языкового явления начинается с анализа и формирования корпуса примеров, актуализированных в речи в процессе речевой деятельности, которые на следующем этапе исследования подвергаются систематизации. Систематика, т.е. моделирование системы изучаемого явления, в настоящее время все шире привлекает концептуальный и когнитивный факторы с опорой на его антропоцентрическую направленность.

В первой части сборника материалов X Всероссийской конференции по проблемам концептуальной систематики речи и речевой деятельности находит место обсуждение проблем или методологического плана (см. статьи д.ф.н., проф. С.Ю. Богдановой, д.ф.н., проф. Т.Л. Верхотуровой, асп. Д.В. Павленок, к.ф.н. М.А. Пашенко), или проблем концептуализации и категоризации опыта человека, его обыденной и научной картин мира (см. статьи к.ф.н. Н.С. Баребиной, д.ф.н., проф. Г.С. Доржиевой, к.ф.н., доц. Е.Ч. Дахалаевой, д.ф.н., проф. А.В. Колмогоровой, асп. Т.Н. Кузьминой).

Во второй части авторы поднимают проблемы собственно концептуальной систематики речи и речевой деятельности, касающиеся теоретических проблем прагматики и семантики текста, высказывания и его отдельных компонентов (см. статьи асп. О.Ф. Семеновой, асп. Ван Чжо, асп. А.С. Ишениной, к.ф.н., доц. Ю.Г. Пушкаревой, асп. А.А. Языковой, маг. И.Р. Ханнановой), дискурса (см. статью д.ф.н., проф. Н.Б. Поповой), стиля (см. статью маг. С.А. Рыбалко), речевого взаимодействия и речевого поведения (см. статью к.ф.н., доц. О.А. Косовой, к.ф.н., доц. Л.В. Топка).

В третьей части авторы предлагают практическое решение теоретических проблем методики преподавания иностранных языков в вузе (см. статьи О.И. Бабтракиновой, Е.Г. Троценко, к.ф.н., доц. В.А. Зыковой), а также проблем методики преподавания русского языка как иностранного в вузе (см. статьи к.п.н., доц. И.Ю. Лидиной и Г.И. Махтиной).

Предлагаемый сборник материалов X Всероссийской научной конференции по проблемам концептуальной систематики речи и речевой деятельности предназначен для ученых-лингвистов, молодых и опытных, преподавателей иностранных и родного языков, аспирантов, всех, кого интересуют проблемы лингвистической науки в ракурсе ее концептуальной систематики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Костюшкина, Г.М. Концептуальный аспект грамматической синонимии (на материале французского языка) [Текст] / Г.М. Костюшкина, М.И. Запашова // Филологические науки. – 1996. – № 3.

[2] Костюшкина, Г.М. Когнитивный механизм речевой коммуникации [Текст] / Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика речевой коммуникации : коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 9–54.

[3] Хроленко, А.Т. Теория языка [Текст] / А.Т. Хроленко, В.Т. Бондалетов : учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 528 с.

[4] Ван, Чжо. Лингвистический статус языковой игры в рекламном тексте [Текст] / Ван Чжо // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 4А. – С. 132–141.

[5] Костюшкина, Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности [Текст] / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика аргументации : коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 10–70.

[6] Павленок, Д.В. Экспериментальное исследование национально-культурной специфики образа преподавателя в языковом сознании российских и французских студентов [Электронный ресурс] / Д.В. Павленок // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д., 2014. – № 4. – URL: http://www.hses-online.ru/2014_04.html (дата обращения: 2.11.2017).

[7] Костюшкина, Г.М. Роль системообразующего механизма в системных исследованиях языка и речи [Текст] / Г.М. Костюшкина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 68–74; Костюшкина, Г.М. В поисках системообразующего механизма в языке [Текст] / Г.М. Костюшкина // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 2 (18). – С. 128–133; Костюшкина, Г.М. Концептуальная систематика языка, речи и речевой деятельности как объект лингвистики [Текст] / Г.М. Костюшкина // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 1. – С. 112–122.

Информация об авторе

Костюшкина Галина Максимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kostushkina@mail.ru.

Kostyushkina Galina Maximovna – doctor in philology, full professor, Department of foreign languages, Baikal State University, Irkutsk, 11, Lenin Str., e-mail: kostushkina@mail.ru.

ЧАСТЬ 1

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ОПЫТА В ЯЗЫКЕ, МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ, ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ)

УДК 81-373.21

Н.С. Барбина, Иркутск

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН НАУЧНОЙ КАРТИНЫ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

***Аннотация.** Многие ученые вполне обоснованно ставят под сомнение существование полноценного лингвистического подхода к аргументации. Это обусловлено и многопарадигмальностью современной лингвистики, и слабой работанностью связей разных подходов к аргументации с лингвистической наукой. Имманентный лингвистический компонент аргументативной практики ведет к необходимости привлечения лингвистического знания в научную картину теории аргументации. В статье показано, каким образом теоретические представления лингвистики, ее метаязык влияет на аргументативные исследования, формируя определенный лингвистический дизайн научной картины теории аргументации.*

***Ключевые слова:** аргументация, лингвистика, метаязык, научная картина, научные парадигмы, подходы.*

N.S. Barebina, Irkutsk

THE LINGUISTIC DESIGN OF THE ARGUMENTATION THEORY SCIENTIFIC PICTURE

***Abstract.** Many scientists reasonably call into question the existence of a full-fledged linguistic approach to argumentation. This is due to the multiparadigmality of modern linguistics, as well as the poor development of the connections of different approaches to argumentation with linguistic science. The immanent linguistic component of argumentative practice leads to the necessity of attracting linguistic knowledge to the scientific picture of the theory of argumentation. The article shows how the theoretical*

representations of linguistics, its metalanguage, affect the argumentative research, forming a certain linguistic design of the argumentation theory scientific picture.

Key words: *argumentation, linguistics, metalanguage, scientific picture, scientific paradigm, approaches.*

Научный ландшафт теории аргументации. Идея написания статьи возникла в связи с необходимостью осветить роль лингвистического знания в теории аргументации. Известно, что область аргументативных исследований сформирована значительным количеством подходов, направлений и частных теорий. Научная картина мира в обсуждаемой области характеризуется межпарадигмальными связями и отношениями, где одни теории выходят на первый план, а другие дополняют их. Так, например, приоритетным направлением в теории аргументации признается логика, без которой не обходится ни одно исследование аргументации. Философская и риторическая перспективы рассмотрения аргументативной проблематики также не перестают быть актуальными. Практический и теоретический потенциал теории аргументации используется многими прикладными дисциплинами, например, педагогика, конфликтология, медицинская деонтология. Инновационные направления включают исследования визуальной, жестовой, межличностной аргументации. Особенностью обрисованного научного ландшафта является слабая разработанность междисциплинарных связей в силу разных взглядов, методов, подходов, терминологии. В плоскости этой проблемы лингвистическая наука занимает выгодное положение: лингвистический аспект является неотъемлемой составляющей феномена аргументации, проявляясь в самом характере ее вербальной выраженности. Наш тезис состоит в том, что лингвистика занимает промежуточное положение между разными подходами к аргументации, и формирует лингвистический дизайн научной картины мира в теории аргументации.

Области взаимовлияния. Явным признаком, подтверждающим влияние лингвистики на научную картину мира в теории аргументации, является то, что эти области имеют тождественные субстанции, а именно, вербальный компонент. Из этого следует, что для описания и исследования этого компонента оказывается востребованной теоретическая база лингвистики с присущим ей метаязыком. Наука о языке характеризуется наличием множества подходов и парадигм с соответствующим терминологическим и методологическим аппаратом. Поэтому в аспекте метаязыка лингвистики указанные подходы и парадигмы формируют тот или иной научный метаязык, или, в терминах О.С. Ахмановой «диалект метаязыка» [1].

Рассмотрим, как проявляется эвристическая роль метаязыка лингвистики по отношению к теории аргументации. Хотя это утверждение может быть убедительно доказано регистрируемым многими учеными трендом современной науки, который заключается в междисциплинарном взаимодействии наук, мы считаем важным подчеркнуть, что метаязык лингвистики или его «диалекты» оказывают влияние на развитие и методологию исследований аргументации.

Проиллюстрируем это на примере лингвистических парадигм, оказавших влияние на аргументологические исследования.

Начнем с влияния логического подхода в лингвистике на аргументологию. Известно, что в авангарде практического и теоретического интереса к аргументации как науки всегда находилась логика. Это обусловлено несколькими факторами. Аргументация является полем применения и концептуализации демонстративной аргументации, связанной с процессами доказательства и обоснования. Поэтому разные виды логик, такие, как классическая формальная, символическая, неформальная логика являлись движущей силой развития научной мысли в аргументологии. При этом совокупность течений в лингвистике, формирующих направление логического подхода или логицизма, господствовавших в языкознании на протяжении многих лет, еще больше укрепила позиции этой науки в исследовании аргументации.

Если приоритет логики в аргументологических исследованиях можно в большой степени объяснить самой научной субстанцией в виде логического измерения, нежели влиянием логического направления в языкознании, то влияние антропоцентрической парадигмы в языкознании на эту область трудно отрицать. Указанная парадигма, по мысли В.А. Масловой, «возвратившая человеку статус “меры всех вещей” и вернувшая его в центр мироздания» [2] дала возможность устранить недостаток, заключающийся в том, что, как отмечает Ф.Х. ван Еемерен, «воспроизводя повседневную практику при логическом анализе аргументов, многие исследователи аргументации абстрагировались от носителей языка, вовлеченных в аргументацию, и, следовательно, от их коммуникативных и интеракционных ролей» [3]. Внимание, которое уделялось аргументации исключительно как к процессу обоснования, стало вызывать неудовлетворенность ученых по ряду причин, среди которых, помимо указанных в цитате Ф.Х. ван Еемерена, приведем еще несколько. Е.В. Лисанюк, разрабатывая логико-когнитивную теорию аргументации в исследовании убеждения в практической аргументации, отводит более скромную роль традиционному анализу отношений между аргументами и тезисами. Более существенную роль ученый видит в холистической трактовке позиций агентов спора [4].

Анализ аргументативной практики показывает, что логика никак не объясняет удивительную убедительность ошибок аргументации, а формально-логическая реконструкция высказываний не приносит особой пользы: «Человеческое восприятие некоторого фрагмента действительности, – полагает Д.А. Бокмельдер, – может напрямую противоречить тому способу его восприятия, который предписывает формальная логика» [5]. Абстрактное исследование логических операций, лежащих в основе рассуждения, ограничивает исследование коммуникативного аспекта и автоматически приводит к монологизму. Это является существенным упущением, как отмечает Ф.Х. ван Еемерен, который считает «бесполезными те подходы к аргументации, которые полностью игнорируют носителей языка, вовлеченных в аргументацию» [6]. В целом можно констатировать, что взгляд на аргументацию сквозь призму антропоцентрической парадигмы, конституирующей различные «диалекты метаязыка» инициировал ряд направлений и подходов.

Текущая исследовательская литература дает основания утверждать, что основные лингвистические веяния нашли отражение в методологии теории аргументации. Так, влияние функциональной лингвистики выразилось в том, что аргументация стала исследоваться с диалогической точки зрения. Авторы первых работ в этом направлении во многом опирались на диалогическую логику. Поэтому, например, в исследованиях А. Наэсса [7] и Р. Кроушоу-Вильямса [8], где аргументация трактуется как часть двустороннего процесса, представлена модель деперсонализированных пропозиций.

Концепция аргументативной грамматики представлена в работе итальянского лингвиста В. Ло Касио [9]. Подход ученого методологически и концептуально связан с генеративной грамматикой Н. Хомского и направлен на анализ категорий, лингвистических условий, синтаксических правил, которые лежат в основе аргументативного текста.

Категория адресата стала предметом изучения в аргументации; в качестве примера таких исследований следует назвать работу Х. Перельмана и Л. Ольбредтс-Титеки [10]. Лингвистическая прагматика, в частности теория речевых актов, представлена в прагма-диалектической теории аргументации. В данном направлении аргументация трактуется как иллокутивно-актовый комплекс. При этом большое значение придается социальному характеру аргументации, а именно, коммуникативным и интеракционным ролям участников [11].

Прочное место в исследовании аргументативной проблематики заняли когнитивные исследования [12]. Уточняя гносеологический статус когнитивистики в этом аспекте, А.В. Колмогорова пишет, что «аргументация из категории феномена логики и языка трансформируется в категорию собственно когнитивную» [13]. Идею когнитивного направления в исследовании аргументации можно выразить высказыванием У. Брокрида о том, что аргументы содержатся не в утверждениях, а в людях [14]. Этим объясняется апеллирование к таким понятиям, как «мышление», «внимание», «обработка информации», «представление знаний», и, следовательно, стремление объяснить наблюдаемые явления с помощью знаний о языке, полученных в смежных науках когнитивного цикла. В центре исследований становятся процессы рассуждений с позиций описания внутренней ментальной деятельности человека. В некоторых когнитивно ориентированных работах прослеживается идея хранения и обработки информации / знаний с последующим изменением ментального состояния субъектов аргументации. Например, в работе А.Н. Баранова [15] аргументация исследуется с точки зрения «приватизации нового знания» адресатом. Интерес представляет и проблема убеждения в когнитивном аспекте, например, в исследовании Д. О'Киф [16]. В работах В.Н. Брюшкина эта проблема анализируется с позиции изменения модели мира адресата [17]. В западной научной традиции сложилось направление по когнитивному моделированию процессов естественных рассуждений, исследованию когнитивных механизмов конструирования значения, принятия решений, которые сопутствуют интеракции сторон, например, в работе Дж.-Л. Дессаль [18].

Следует подчеркнуть, что в когнитивном подходе к аргументации соответствующие исследования подтверждают выявляемую Г.М. Костюшкиной особенность [19]. Эта особенность состоит в том, что изучение когнитивного феномена обуславливает выдвижение на первый план его когнитивной функции, при этом приоритет переходит к изучению концептуально-категориального аспекта объекта лингвистики – концептуальной систематике, включающей концептуальную систематику языка, речи и речевой деятельности.

Если ранее в когнитивном подходе к аргументации делался акцент на исследовании внутренних мыслительных процессов или интерналистский подход, то сейчас мы видим примеры работ, которые принадлежат экстерналистскому подходу в когнитивной науке. В качестве примеров приведем мнение М. Биллиг, отмечающего, что «...многие явления, которые психологи рассматривают как внутренние ментальные процессы, в действительности формируются в дискурсе» [20]. М. Гиллем продолжает эту мысль: «Тот факт, что аргументирование эквивалентно рассуждению не означает того, что это чисто внутренний процесс, который происходит в умах индивидов» [21]. Исследователь пишет о формах «социальной когниции», к которым относятся общественные нормы, идеология, верования, которые оказывают влияние как на формирование аргументов, так и на их восприятие.

По когнитивно ориентированным работам в рамках аргументологии можно судить о происходящей интеграции идей теории распределенной когниции, которая проходит сейчас стадию становления. Когниция в этой теории трактуется не как заключенная в голове или теле индивида, а как распределенная в социуме и окружающей среде. В работе М. Джилберта [22] развивается идея межличностной аргументации и учитываются мультимодальные аргументы для анализа таких составляющих взаимодействия, как эмоции, интуиция, верования, стереотипы. Дальнейшая разработка идеи распределенной когниции содержится в работе А.В. Колмогоровой [23]. Исследователь выделяет отдельный вид аргументативной организации речевого взаимодействия – социально-речевую аргументацию, которая представляет собой процедуру, состоящую в актуализации языковой единицей в определенном контексте имплицитного суждения, имеющего характер социального императива, «знаемого» представителями данного национально-лингвокультурного сообщества. Заканчивая обсуждение когнитивного подхода в теории аргументации, отметим влияние тенденций, бытующих в когнитивной лингвистике, которое проявляется и методологически, и хронологически.

Таким образом, вышеприведенные рассуждения указывают на связь между идеями лингвистики и современным развитием теории аргументации. Эта связь состоит в том, что представления о языке экстраполируются на научное описание аргументации. Мы показали, что между лингвистикой и теорией аргументации существуют области, где задействованным оказывается метаязык лингвистики, включая термины и метакатегории. Приведенные нами примеры показывают, как та или иная теория в лингвистике манифестируется в теории аргументации и задает некоторые теоретические и методологические ориентиры исследова-

дования. В целом можно проследить связь между идеями лингвистики и развитием теории аргументации. Все это говорит о том, что лингвистическое знание влияет на научную картину теории аргументации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ахманова, О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики [Текст] / О.С. Ахманова // Вопросы языкознания. – 1961. – С. 115–121.

[2] Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Изд. центр Академия, 2001. – С. 6.

[3] Еемеерен, Ф.Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях [Текст] / Ф.Х. ван Ееремен, Р. Гроотендост. – СПб., 1994. – С. 18.

[4] Лисанюк, Е.Н. Логико-когнитивная теория аргументации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.07 [Текст] / Е.Н. Лисанюк. – СПб., 2016. – 50 с.

[5] Бокмельдер, Д.А. Обоснование разумных решений [Текст] / Д.А. Бокмельдер. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – С. 29.

[6] Еемеерен, Ф.Х. ван. Указ. соч. – С. 20.

[7] Naess, A. Communication and Argument. Elements of Applied Semantics [Text] / A. Naess / Translated from the Norwegian by A. Hannay. – Oslo : Allen & Unwin, 1966. – 135 p.

[8] Crawshay-Williams, R. Methods and Criteria of reasoning: An Inquiry into the Structure of Controversy / [Text] / R. Crawshay-Williams. – London : Routledge & Kegan Paul, 2001. – 304 p.

[9] Lo Cascio, V. Grammatica dell'argomentare: strategie e strutture [A grammar of arguing: Strategies and structures] [Text] / V. Lo Cascio. – Firenze : La Nuova Italia, 1991.

[10] Perelman, Ch. The New Rhetoric. A treatise on Argumentation [Text] / Ch. Perelman. – Notre Dame, London : University of Notre Dame Press, 1971. – 576 p.

[11] Aakhus, M. Keeping in touch with Pragma-Dialectics [Text] / M. Aakhus, M. Lewinski, M. Doury, B. Garssen, A.F. SnoeckHenkemans ; ed. by E. Feteris, B. Garssen, A.F. SnoeckHenkemans. – John Benjamin Publishing Company. 2011. – 283 p.

[12] Костюшкина, Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности [Текст] / Г.М. Костюшкина, Н.С. Баребина // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика аргументации : кол. монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 10–70.

[13] Колмогорова, А.В. Место и роль аргументации в коммуникативно-когнитивных процессах / А.В. Колмогорова // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика аргументации / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 169.

[14] Brockriede, W.E. Where is argument? [Text] / W.E. Brockriede // Journal of the American Forensic Association. – 1975. – № 11. – P. 179–182.

[15] Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / А.Н. Баранов. – М. : Ин-т рус. яз., 1990. – 378 с.

[16] O'Keefe, D. Persuasion: Theory and Research [Text] / D. O'Keefe. 2nd ed. – Thousand Oaks, California : Sage Publication, 2002. – 384 p.

[17] Брюшинкин, В.Н. Когнитивный подход к аргументации [Электронный ресурс] / В.Н. Брюшинкин // РАЦИО.ru. – 2009. – № 2. – URL: http://www.ratio.albertina.ru/Ratio_ru/archive/2009_1 (дата обращения 12.06.2016).

[18] Dessalles, J.-L. A computational model of argumentation in everyday conversation: a problem-centred approach [Electronic resource] / J.L. Dessalles // Computational Models of Argument : Proceedings of COMMA, 2008. – P. 128–133. – Amsterdam : IOS Press. – URL: http://www.enst.fr/~jld/papiers/pap.conv/Dessalles_07111264.pdf (дата обращения 14.05.2016).

[19] Костюшкина, Г.М. Когнитивный механизм речевой коммуникации [Текст] / Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика речевой коммуникации : коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 9–54.

[20] Billig, M. Political Communication [Text] / M. Billig, D.O. Sears, L. Huddy and R. Jervis (eds.) // Oxford Handbook of Political Psychology. – New York : Oxford University Press, 2003. – P. 228.

[21] Guillem, S.M. Argumentation, metadiscourse and social cognition: organizing knowledge in political communication [Text] / S.M. Guillem // Discourse & Society. – 2009. – 20 (6). – P. 730.

[22] Gilbert, M.A. Coalescent Argumentation. [Text] / M.A. Gilbert. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – 158 p.

[23] Колмогорова, А.В. Аргументация в речевой повседневности [Текст] / А.В. Колмогорова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – С. 85.

Информация об авторе

Барбина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: svirel@rambler.ru.

Varebina Natalya Sergeevna – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: svirel@rambler.ru.

УДК 81-13

С.Ю. Богданова, Иркутск

КВАНТИТАТИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Пройдя период постановки новых задач и выработки методов исследования, лингвисты когнитивного направления столкнулись с необходимостью обосновать закономерности, отмеченные в том или ином языке, а

также экспериментально доказать наличие тех или иных явлений. Количественные процедуры в настоящее время получили как серьезную теоретическую поддержку, так и огромное количество специальных компьютерных программ, позволяющих быстро и эффективно осуществлять автоматическую обработку естественного языка, проводить статистический анализ экспериментальных данных и обрабатывать массивы размеченных текстов. В статье приводятся некоторые количественные и корпусные методы, все чаще применяющиеся в когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, количественная лингвистика, корпусная лингвистика, коллокат, корпус текстов, хи-квадрат тест.

S.Yu. Bogdanova, Irkutsk

QUANTITATIVE AND CORPUS METHODS IN COGNITIVE LINGUISTICS

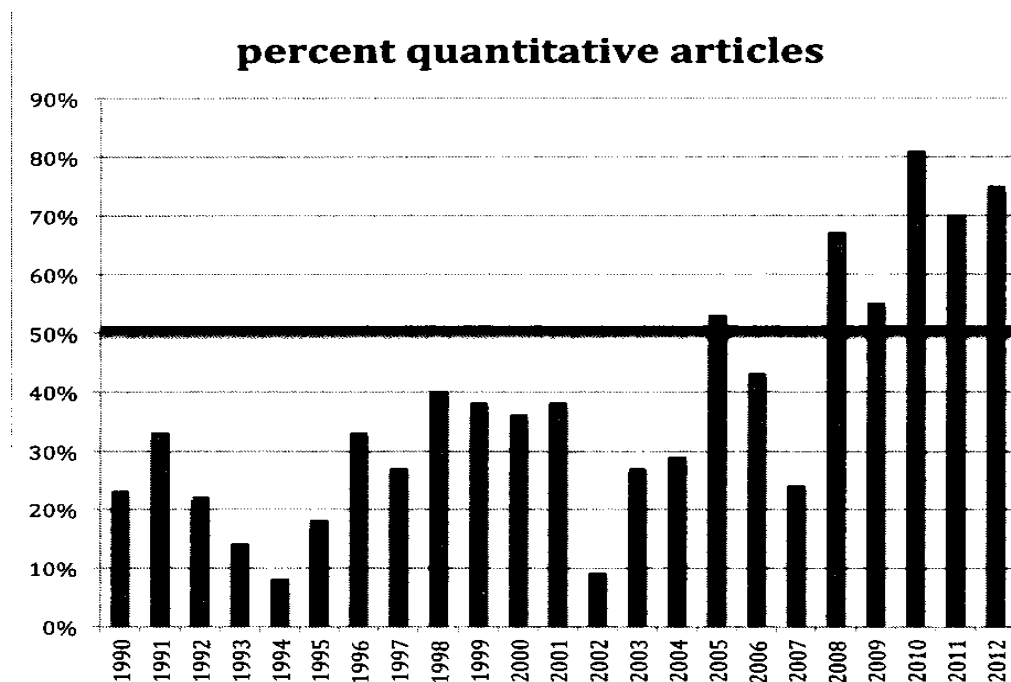
Abstract. *Cognitive linguists, having almost finished setting new objectives and establishing new methodology, now face the necessity to back up the revealed patterns with objective facts as well as to prove the existence of the phenomena by means of experimental data. Nowadays quantitative procedures have got substantial theoretical support and a great number of computational programs, which can process the natural language very quickly and efficiently. The article presents some quantitative and corpus methods which are used in cognitive linguistics.*

Key words: *cognitive linguistics, quantitative linguistics, corpus linguistics, collocate, linguistic corpus, chi-square test.*

Количественная лингвистика является разделом общего языкознания и уже достаточно давно применялась в отечественных исследованиях и за рубежом. В работах известнейших советских лингвистов И.В. Арнольд, И.А. Стернина, М.П. Ивашкина, написанных в 1960-е – 1970-е годы [1] большое внимание уделялось описанию использованных в работе количественных методов исследования. С появлением в конце 1980-х годов нового направления – когнитивной лингвистики – интерес к количественным методам несколько снизился, поскольку перед новой наукой стояли важные задачи по выработке собственной методологии, созданию терминологической базы, определению круга задач, которые могли быть решены в рамках данной парадигмы знания. Кроме того, происходило проникновение идей когнитивной лингвистики в разные сферы науки о языке – синтаксис, морфологию, лексикологию, исследования дискурса и т.д.

В 2013 году под редакцией Л. Янды вышла книга под названием *Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn* [2], в которой были представлены восемь статей, опубликованных в период с 2008 по 2012 годы в авторитетном журнале *Cognitive Linguistics*. В этих статьях при решении задач когнитивной лингвистики использовались количественные методы, среди которых на первом месте был хи-

квадрат тест (chi-square test). В предисловии к книге Л. Янда отмечает общий рост количества работ в журнале *Cognitive Linguistics*, в которых применялись квантитативные методы (рис.).

Процент статей с применением квантитативных методов в журналах *Cognitive Linguistics* с 1990 по 2012 г. [3]

В одной из статей вышеупомянутой книги Мадлен Фальк и Рэймонд Гиббс [4] представляют комбинацию экспериментальных и корпусных данных, отвечая на вопрос о том, как телесный опыт мотивирует метафорические значения. Их исследование фокусируется на различиях в использовании слов *path* и *road* по отношению к физическому опыту и метафорическому пониманию других типов опыта. 24 старшекурсника из университета Санта Круз приняли участие в эксперименте, отвечая на 14 вопросов о своем опыте, связанном с тропинками (*paths*) в противопоставлении дорогам (*roads*). Опросник показал, что информанты ассоциировали с тропинками более проблематичный ландшафт и бесцельное пешее движение, в то время как дороги оценивались как широкие, заасфальтированные и прямые, предназначенные для движения транспорта.

В исследовании был применен хи-квадрат тест, с помощью которого можно проверить, случайна ли измеренная разница какого-то параметра в двух группах, или она является статистически значимой. Чтобы провести этот тест, нужно две независимых переменных и несколько зависимых переменных. Хи-квадрат тест был проведен для каждого вопроса, при этом одной переменной был выбор слова *path* или *road*, а вторая переменная имела отношение к каждому вопросу (например, «более вероятное наличие препятствий» либо «менее вероятное наличие препятствий»). Результат для одного вопроса оказался значимым на уровне $p < 0.05$, результат для еще одного вопроса был значимым на уровне $p < 0.01$, результаты для 10 вопросов были значимыми на уровне $p < 0.001$, и результаты

последних двух вопросов были не значимыми (включая вопрос о присутствии преград и о том, какое слово лучше подходит для обозначения приспособленности для езды на велосипеде).

Данные результаты эксперимента сравнили со словарными дефинициями и примерами из корпуса. 1000 примеров для слов *path* и *road* были получены из BNC, после чего была применена процедура идентификации метафор Прагглез (Pragglejaz Metaphor Identification Procedure), чтобы выявить и расклассифицировать все случаи метафорического использования в выборке.

На абстрактном уровне все метафоры были схожими в том, что в качестве области источника они использовали путешествие (*travel*), а в качестве зоны мишени – разнообразный жизненный опыт. Однако на уровне более детального анализа распределение случаев метафорического использования оказалось существенно различным. Тогда как слово *path* часто обозначало направленность действий и пути существования, слово *road* (с гораздо меньшим общим количеством случаев метафорического использования) скорее ассоциировалось с целенаправленной деятельностью и политическими или финансовыми вопросами.

Вторая группа хи-квадрат тестов с той же первой переменной, но другими вторыми переменными, включающими выбор метафорических типов, показала, что эти результаты являлись существенными на уровне $p < 0.001$. Исследователи приняли данный результат как свидетельство того, что понимание людьми их физического опыта использования дорог и тропинок информирует об их метафорических предпочтениях (*choices*), закрепляя за словом *path* более адекватное описание собственных попыток и борьбы (*struggles*), а за словом *road* – более адекватное описание прогресса в достижении цели.

Самостоятельно рассчитать статистическую значимость наблюдаемых изменений можно, не прибегая к сложным расчетам, поскольку есть программы, размещенные в интернете, позволяющие получить результат, введя свои данные в готовые формы, например, [5].

Тенденция к применению количественных методов, отмеченная Л. Яндой, очевидно, свойственна всему современному этапу развития лингвистической науки, о чем было, в частности, заявлено на конференции Европейского лингвистического общества (The Societas Linguistica Europaea – SLE) в сентябре 2014 года в г. Познань (Польша). Было отмечено, что лингвистика, и даже прагматика, становятся более и более количественными / экспериментальными. В первую очередь, этому способствуют новые информационные технологии, проникшие во все сферы жизни современного общества, включая, безусловно, и науку. Наличие достаточно мощных персональных компьютеров и их повсеместное использование лингвистами повлекло за собой развитие корпусной лингвистики, в первую очередь, обеспечивая лингвистов всех направлений примерами реального употребления естественного языка.

Говорить о корпусных методах сейчас стало важным, поскольку многие корпусы текстов, помимо примеров, дают информацию о частотности не только отдельных слов, но и словосочетаний, а также имеют встроенные статистические

инструменты. Мы далее покажем, как эти методы применяются в когнитивной лингвистике.

Начнем с традиционного использования корпуса как источника примеров. В настоящее время стало возможным с большой долей уверенности реконструировать такие сложные концепты, относящиеся к картине мира страны изучаемого языка, каким является концепт INNERMOST (СОКРОВЕННОЕ), рассматриваемый автором работы как семантическая константа внутреннего мира человека [6]. Привлечение Н.А. Янковой современных методов сбора материала с помощью корпусов текстов BNC, COCA, SOHA позволили ей провести действительно широкомасштабное исследование. Уже с начала первой теоретической главы каждый тезис подкреплялся взятым из корпусов текстов примером употребления лексем-репрезентантов константы INNERMOST, а во многих случаях именно на основе анализа примеров формулировались сами тезисы. Без привлечения баз данных, содержащих сотни миллионов словоупотреблений, найти примеры языковой репрезентации концепта было бы практически невозможно в силу крайне редкой встречаемости данного компонента внутреннего мира в качестве темы обсуждения при крайней важности этой семантической константы для понимания картины мира исследуемого языка.

Изучение процессов концептуализации пространственной и темпоральной сфер стало возможным с привлечением такого корпусного метода, как метода поиска коллокатов – слов, встречающихся в непосредственной близости к ключевому слову. «Необходимо также отметить, что не частотные в отдельности, коллокаты ключевого слова могут быть объединены в тематические группы, относящиеся к той или иной семантической области. Так, установлено, что большая часть коллокатов темпоральных наречий со значением мгновенности (*immediately, instantly, instantaneously, at once; forthwith, right away, straight away, promptly*) принадлежит таким тематическим группам, как «ментальная сфера», «передача информации» и «фазовость действия». Отобранный в корпусах текстов BNC и COCA [<http://corpus.byu.edu>] эмпирический материал по-новому предстает перед исследователем, открывая наиболее важные и частотные модели с точки зрения выражения определенных значений, а также позволяет проследить языковую концептуализацию явлений, относящихся к ментальной сфере. Обращение к репрезентативному языковому материалу позволяет выделить устойчивые модели употребления синонимов и определить, в чем заключается различие промежутков времени, концептуализируемых каждым наречием, в зависимости от восприятия ситуации. Так, в высказывании *Their lines were curved and beautiful; they were **more instantly recognisable** than the cypress or even the chair* [BNC] присутствует указание на зрительное восприятие. Здесь большой интерес представляет актуализация степени проявления признака, поскольку, согласно словарным дефинициям наречия *instantly*, временной промежуток, обозначенный им, минимален. Однако возможность использования данного наречия в сравнительной конструкции свидетельствует о том, что мгновение может иметь большую или меньшую протяженность с точки зрения наблюдателя, категоризирующего конкретную ситуацию» [7].

Метод поиска коллокатов применяет и С.А. Виноградова, выявляя частотность употребления взаимозаменяемых атрибутивных и адъективных сочетаний в современном английском языке. Сравнительный анализ проводится на основе того же портала корпусов [<http://corpus.byu.edu>], в котором анализируется количество предъятий в различных текстах ста наиболее частотных сочетаний. К примеру, сравниваются употребления относительного прилагательного *flinty* с существительными (*flinty + N*) и однокоренного существительного *flint* в атрибутивной функции (*flint + N*). На 100 самых частотных сочетаний существительного *flint* в атрибутивной функции в корпусе найдены 634 примера. Относительное прилагательное *flinty* за этот же период времени (1810–2000) употребляется 214 раз. Самым частотным (25 предъятий) является сочетание *flinty rock*, а вторым по частотности (8 примеров) – сочетание *flinty heart*, где прилагательное выступает в качественном значении: ... *an audience obsessed with mechanical resolutions would have taken his moment of personal discovery into its flinty heart* [СОНА]. Дальнейший анализ показывает, что данное прилагательное чаще употребляется в метафорическом (качественном) значении ‘hard and unyielding’. Для передачи относительных значений ‘of flint’, ‘containing flint’ более предпочтителен номинативный атрибутивный эквивалент прилагательного. Самыми частотными являются сочетания *flint implement* и *flint tool* (30 примеров). Объясняя причины сохранения употребления относительных прилагательных, автор видит их в разветвленности семантических структур данных прилагательных, наличии в них метафорических и метонимических, а также фразеологически связанных значений, поскольку «семантические структуры относительных прилагательных, пусть и не настолько разветвленные, как у качественных прилагательных, богаче, чем у соответствующих атрибутивных существительных» [8].

В периодическом издании *Когнитивные исследования языка* за 2017 год [9] корпусным исследованиям в когнитивном анализе языка и речи посвящен целый раздел (с. 478–515), что, несомненно, свидетельствует о проникновении корпусных методов в эту сферу лингвистики. Обобщая тот вклад, который корпусная лингвистика уже сделала и который может быть сделан в ближайшее время, Е.Е. Голубкова выделяет проблемы когнитивной лингвистики, которые подлежат исследованию корпусными методами: это проблемы семантики разноструктурных единиц номинации от устойчивых словосочетаний до идиом, концептуализации действительности средствами различных языков, прагматических аспектов дискурса и др. Автор также отмечает работы по «автоматической идентификации метафор, использованию корпусов для описания метафорических доменов, поиску показателей членения текста на части, выявлению когнитивных моделей нарратива у отдельно взятых писателей, разграничению устной и письменной речи (особенно на материале *texting*), смене языкового кода в процессе общения» [10].

В заключение необходимо отметить, что намеченная тенденция, несомненно, будет развиваться в рамках обращения лингвистики как науки к экспериментально-доказательной парадигме, и все больше задач когнитивной лингвистики найдут свое решение с помощью современных исследовательских процедур.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Арнольд. – Л., 1966. – 33 с.; Стернин, И. А. К проблеме дейктических функций слова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.А. Стернин. – М., 1973. – 18 с.; Ивашкин, М.П. Синтаксическое и словообразовательное функционирование глагольно-наречных сочетаний типа get up, stand down [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.П. Ивашкин. – Горький, 1973. – 24 с.

[2] Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn [Text]. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2013.

[3] Janda, L.A. Quantitative methods in Cognitive Linguistics: An Introduction [Text] / L. Janda // Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 5.

[4] Falk, M.J. Embodied motivations for metaphorical meanings [Text] / M.J. Falk, W. Gibbs // Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 81–102.

[5] Preacher, K.J. Calculation for the Chi-Square test: An interactive calculation tool for chi-square tests of goodness of fit and independence [Electronic resource] / K.J. Preacher. – URL: <http://www.quantpsy.org/chisq/chisq.htm> (дата обращения 15.05.2018).

[6] Янькова, Н.А. Семантические константы: INNERMOST в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Янькова. – Иркутск, 2011. – 20 с.

[7] Богданова, С.Ю. Темпоральная концептуализация ментальной сферы в высказываниях с наречиями со значением мгновенности [Текст] / С.Ю. Богданова, Н.Н. Коробейникова // Когнитивные исследования языка. – № 30. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 93.

[8] Виноградова, С.А. Корпусные исследования в когнитивном анализе языка и речи [Текст] / С.А. Виноградова // Когнитивные исследования языка. – № 30. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 480.

[9] Когнитивные исследования языка. – № 30. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – 868 с.

[10] Голубкова, Е.Е. Корпусно-когнитивная лингвистика: достижения и перспективы [Текст] / Е.Е. Голубкова // Когнитивные исследования языка. – № 30. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 491.

Информация об авторе

Богданова Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков и лингводидактики, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: rusjar@mail.ru.

Bogdanova Svetlana Yurievna – professor, Chair of Foreign Languages and Linguadidactics, Irkutsk State University, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, 664003, e-mail: rusjap@mail.ru.

УДК 81-13

Т.Л. Верхотурова, Иркутск

НАБЛЮДАТЕЛЬ КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

***Аннотация.** В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики наблюдатель является когнитивно-перцептивным субъектом и, следовательно, первичным концептуализатором. Наблюдатель как аналитический инструмент регулярно используется при анализе лексической семантики. Многие лексические группы и ряды семантически основываются на концепте восприятия и предполагают учет фигуры наблюдателя. В нашей работе были подвергнуты анализу предикаты различных групп, семантика которых восходит к комбинации концепта восприятия с другими концептами.*

***Ключевые слова:** лексическая семантика, наблюдатель, наблюдаемое, концепт, предикат.*

T.L. Verkhoturova, Irkutsk

THE OBSERVER AS ANALYTICAL INSTRUMENT IN RESEARCHERS ON LEXICAL SEMANTICS

***Abstract.** In accordance with the ideas of cognitive linguistics the observer is a perceptive-cognitive subject and, hence, a primary conceptualizer. The observer as an analytical instrument is regularly used when analyzing lexical semantics. Many lexical groups are semantically based on the concept of perception and presuppose that the figure of the observer should be taken into account. In this work predicates have been analyzed belonging to different groups whose semantics has its roots in a combination of the concept of perception with other concepts.*

***Key words:** lexical semantics, observer, the observed, concept, predicate.*

По известному мнению Р. Лангакера, задачей лингвиста, занимающегося концептуально-семантическим анализом языковых феноменов, является «идентификация концептуальных компонентов и освещение сложных концептуальных структур, вызываемых лингвистическими выражениями» [1]. Языковые фе-

номены при этом представляют собой концептуально-семантические совокупности, которые обнаруживаются в определенных схемах нейронной активности [2]. Отсюда следует, что субъект восприятия и сознания, иначе говоря, наблюдатель, воплощающий телесный опыт, «обнаруживает себя» в структуре концептов.

К понятию наблюдателя весьма активно прибегает создатель «когнитивной грамматики» Р. Лангакер (см., напр., [3]). Для его работ фигура наблюдателя необходима по следующим причинам: в соответствии с постулатами когнитивной грамматики семантика множества языковых единиц различного уровня не сводится к так называемой «объективной реальности и ситуации». Существуют многовариантные процессы концептуализации, зависящие от различных факторов восприятия-наблюдения, иными словами наблюдателя. К факторам, влияющим на то, как будет восприниматься объект / ситуация, относятся перцептивная значимость, салиентность некоторых параметров ситуации, их смена / чередование; некоторые стороны ситуации могут выходить на первый план и представлять собой фигуру, другие элементы, напротив, становятся фоном (задним планом); различные ракурсы восприятия также влияют на ее концептуализацию [4].

Лексикализация пространственных отношений в большой степени предполагает использование наблюдателя в качестве инструмента анализа языковых единиц, относящихся к этой сфере. Однако можно утверждать, что понятие наблюдателя может функционировать системным классификатором всей лексической системы языка. Оказывается, что тематические лексические группировки, целые семантические классы слов «чувствительны» к наблюдателю, который выявляется при анализе разнообразных контекстов употребления слов различной частеречной принадлежности.

В нашей работе сопоставляется эмпирический материал фрагментов картины мира русского и английского языков и выявляется фигура наблюдателя (субъекта восприятия) и феномен наблюдаемого, неизбежно возникающего вместе с наблюдателем в единой ситуации наблюдения. Нас интересуют такие группировки или ряды слов, которые восходят к концепту восприятия, а значит, наблюдателя, не только эксплицитно, но и имплицитным образом. Например, множественные ряды глагольных речевых предикатов включают в себя лексические единицы русского и английского языка, семантика которых содержит перцептивно-оценочный / интерпретативный компонент, свидетельствующий о наличии наблюдателя. Этот элемент выражен в каждой отдельной лексической единице коммуникативных предикатов по-разному и в различной степени, ср.: *фыркнуть* и *snort*, семантика которых выражает, прежде всего, концепт коммуникации, но и «задевает» концепт наблюдателя, точнее наблюдаемого – характер специфического речевого действия: *Выдумал тоже! – фыркнула она. – С чего ты решил, что они готовятся к смерти?* [5]; *“Certainly not,” she snorted* [6].

В российском языкознании фигуру наблюдателя рассматривали как дейктический (семантический) компонент, скрытно, имплицитно присутствующий в семантике отдельных слов, лексико-семантических рядов и даже целых классов слов. В работах Ю.Д. Апресяна [7] наблюдатель терминологически определяется

как «фиктивный актант», не имеющий синтаксического выражения; Е.В. Падучева [8] называет его «наблюдателем За кадром». Иначе говоря, с одной стороны, наблюдатель – дейктический компонент значения целого ряда глаголов, и как таковой «не имеющий права» на место в поверхностной структуре высказываний, а с другой стороны, в нем самом обнаруживаются – вопреки его дейктичности! – определенные семантико-концептуальные характеристики. Например, в рамках семантического поля перцептивных глаголов: 1) наблюдатель может соотноситься с визуальным, аудиальным и другими видами восприятия; 2) произведенное наблюдателем наблюдение может быть кратковременным строго перцептивным актом или более сложным когнитивным процессом / состоянием, включающим элементы оценочной интерпретации; 3) наблюдатель может быть задан в контексте высказывания как совершенно конкретное лицо, но может функционировать и как неопределенно-личная и/или собирательная фигура.

Если вывести наблюдателя в ранг синтаксически выражимых компонентов высказывания, то можно получить существенное расширение аналитических возможностей этой категории. Существуют перцептивные глагольные предикаты, выражающие ситуацию наблюдения, представляющую собой перцептивно-когнитивное взаимодействие наблюдателя и наблюдаемого, характеризующееся самыми различными параметрами. В высказываниях с такими глагольными предикатами для наблюдателя существуют обязательные субъектные или объектные позиции.

Ниже мы будем анализировать совокупности глаголов различной семантики, но имеющие отношение к процессам / состояниям восприятия. Мы опираемся на следующую когнитивно-лингвистическую теоретическую позицию по отношению к анализируемым лексическим подсистемам и группам. Все выделяемые нами для целей анализа подгруппы и парадигмы языковых форм существуют в языке в качестве неопределенных множеств. Мы полагаем, что именно неопределенные, не имеющие жестких границ множества лексических единиц соотносятся с основополагающими свойствами человеческого познания – относительностью и приближительностью. Современная общенаучная парадигма основывается на том установленном факте, что человек как субъект познания (и вместе с тем речи) может обладать только более или менее неопределенной информацией [9]. Неопределенные множества любых лексических групп представляют собой открытые, нестабильные системы, которые естественным образом гармонируют с общей хаотичностью и динамикой работы мозга [10]. Исследуемые группы, таким образом, не имеют границ, и всякое значение отображает «рисунок» обобщенной ситуации наблюдения, к которой имеет отношение группа в целом. Такой «рисунок» схож по своим характеристикам с фракталом – приближительной копией сложного, нелинейного целого (см. подробнее о фракталах и фрактальности [11]).

В первую очередь следует обратить внимание на парадигму собственно перцептивных предикатов. Восприятие представляет собой многоэтапный процесс, в котором выделяется ряд стадий. Глаголы собственно чувственного вос-

приятия имеют отношение к первичной стадии, т.е. к уровню сенсомоторной когнитивной обработки, репрезентации объектов и местоположения в среде. Этот этап невозможно охарактеризовать как явно целенаправленный процесс или акт, скорее он произволен и неконтролируем. Поэтому манифестация концепта восприятия начального этапа может опираться на лексические метки *внезапно, неожиданно, вдруг*, ср.: *увидеть внезапно (неожиданно, вдруг)*. Высказывания с предикатами восприятия могут сообщать о нежелательности, и даже «принужденность» восприятия, ср.: *Он внезапно увидел неприятную сцену ссоры, сам того не желая*; см. также: *April 17, 2018 So sad to see this vibrant, sassy, strong, kind, good humored, loving woman pass, but comforted by knowing what a robust and meaningful life our former First Lady Barbara Bush led* [12].

Прототипическое действие воспринимается визуально, поэтому концепты действия взаимосвязаны с концептом восприятия, иначе говоря, имеют отношение к наблюдению и / или наблюдателю. Глаголы перцептивных действий *смотреть* и *look* являются главными во внушительных рядах предикатов перцептивного действия, значения которых модифицируются разнообразными приставками, предлогами, наречиями и т.п., см., например: *look at, look round / around, look out of, look into, look through, look away* и многие другие. Ср. в русском: *смотреть, высматривать, выглядывать, просматривать, рассматривать, заглядывать, разглядывать* и множество других. Глаголы перцептивных действий входят в огромное поле акциональных предикатов, в его периферийный сегмент. Перцептивные действия по необходимости являются агентивными, ср.: *смотреть* – «направлять взгляд, чтобы увидеть кого-что-н.» [13]; *look* – [at] to turn the eyes so as to see something or see in the stated direction [14]. Ср.: *He смотри на меня; Don't look at me*. Предикаты перцептивных действий имеют в своих высказываниях субъектную позицию для наблюдателя.

Глаголы со значением показа также являются акциональными предикатами. Компонент «восприятие» содержится в их семантике и выражен в словарных дефинициях: *показать / показывать* – «дать увидеть, представить для рассмотрения, показывания» [15]: *Покажи книгу товарищу. Он показал билет при входе*; ср. в английском языке предикат *show* – «[T] (to) – to offer for seeing; allow to, cause to be seen»: *He showed his ticket at the door. Show me the way to the nearest bank, please* [16]. В семантике таких предикатов наблюдатель имеет двоякую функциональную ипостась: адресата и реципиента. Если адресат показа не имеет возможности или желания увидеть наблюдаемое (показываемое), то он не может являться реципиентом, ср.: *Она показывает детям забавные картинки, но они не смотрят (но им не видно)*. Допустим, эллипсис наблюдателя как адресата в синтаксисе высказывания, но наблюдатель «обязан» присутствовать в когнитивной ситуации наблюдаемости, характеризующей действия показа.

Множество акциональных перцептивных глаголов включает в себя глаголы и глагольные словосочетания, выражающие «семиотические» действия: всем известно, что общение может реализовываться за счет общепринятых, знаковых действий. Эта группа выражает сочетание акциональных и перцептивных компонентов: *подавать знак, поманить, сигнализировать, махать (рукой, чем-*

либо в качестве знака, сигнала), подзывать кивком и т.п.; *wave (to, at), beck on (to), sign (to), signal* и т.п. Субъектная позиция в высказываниях занята субъектом семиотического действия: *Когда мы проезжали через город, два полицейских подали нам сигнал остановиться. – As we passed through the town, two policemen signaled us to stop* [17]. Синтаксическая позиция наблюдателя – это позиция косвенного дополнения. Наблюдаемое – производимые субъектом сигнального действия *знаки* или *сигналы*. Наблюдаемое может получить «фрагментарное» выражение в высказывании: имеется только имя лица, подающего знаки, но отсутствуют описания знаков-сигналов как таковых (см. вышеприведенный пример); ср. пример, в котором имеется описание наблюдаемых сигналов: *She was signaling wildly, waving her hand* [18].

Ниже мы обратимся к внутреннему наблюдению, к области непрототипического, виртуального восприятия. Оно описывается глагольными предикатами внутренней наблюдаемости. В этой ситуации возникает внутренний наблюдатель, который может осуществлять самонаблюдение и взаимодействует с внутренними состояниями своей психики. В таком наблюдении также должно быть и наблюдаемое, и оно существует, но в виде внутреннего наблюдаемого. К таким предикатам относятся следующие глаголы: *вообразать, представлять* и т.п. / *picture, visualize, imagine* и т.п. В группу предикатов внутреннего наблюдения входит и основной перцептивный глагол *видеть / see*. Ср.: *видеть* – «представлять, вообразать (мысленно или во время сна)» [19]; *see* – «to form a picture of... in the mind, imagine» [20].

«Эта разновидность наблюдаемости уходит в глубины внутреннего мира человека и, таким образом, является самой тонкой и сложной для интерпретации, но и необходимой, интересной и важной для получения наиболее полной и адекватной картины «работы» языка в области эндопсихики [21]» – «системы связей между содержанием сознания и постулируемыми процессами в бессознательном» [22]. В таком случае наблюдаемое (воспринимаемое) представляет собой образ, извлекаемый вольно или невольно из «глубин непространственного универсума нашей психической жизни» [23]. Такие образы являются компонентами психических состояний и процессов, но они могут иметь большую значимость для человека (внутреннего наблюдателя), поэтому они бывают очень яркими, впечатляющими и оказывать на человека большее влияние, чем окружающая его реальная, видимая действительность. Такая внутренняя наблюдаемость описывается вышеприведенные глагольными предикатами «внутреннего наблюдения».

На синтаксическом уровне между высказываниями с предикатами внутренней наблюдаемости и предикатами внешнего восприятия имеется иконическое соответствие, ср.: *Он представил (себе), как он будет выглядеть в этой роскошной машине; If he shut his eyes David could still visualize Polly, even though he had not seen her for ten years; I can still picture my Uncle as I knew him, with his grey suit and curly mustache* [24]. Иконическое сходство свидетельствует о том, что синтаксические структуры высказываний с предикатами внутренней наблюдаемости и когнитивной структуры ситуации наблюдения изоморфны, причем изоморфизм обнаруживается только на синтаксической «поверхности». Дело в

том, что у наблюдаемого в ситуации внутренней наблюдаемости отсутствуют внешние параметры – оно не может быть перцептом внешнего стимульного мира [25]. В свою очередь, наблюдатель в таком случае не есть субъект восприятия в смысле внешнего наблюдения (восприятия), но функционирует в качестве субъекта сознания, «наблюдающего» образы, существующие в его психике.

Итак, различные парадигмы русских и английских глагольных предикатов формируют высказывания, в которых наблюдатель может получать синтаксическое выражение. Различные с точки зрения семантики открытые парадигмы глаголов уточняют параметры ситуации наблюдения: они описывают более или менее точные реплики (фракталы) этой ситуации, делая салиентным тот или иной параметр ситуации. Изоморфизм / неизоморфизм когнитивной модели ситуации наблюдения и синтаксического построения предложений с такими предикатами опирается на семантические различия отдельных глаголов и глагольных парадигм. Поэтому наблюдатель получает различное осмысление: диапазон концептуально-смысловых различий начинается с восприятия *per se*, т.е. строго перцептивного взаимодействия с внешним стимульным миром, и упирается в «чистое» внутреннее созерцание, т.е. взаимодействием с собственным субъективным, образным миром. Каждое отдельное значение глагола представляет собой перцептивный предикат, выражающий самый конкретный «миниатюрный» вариант обязательной модели ситуации наблюдения [26]. Но даже и в этом случае информационное поле, «создаваемое» предикатом, все же характеризуется определенной степенью аморфности и многозначности, соответствуя биологически обусловленной, природной приблизительности и погрешности человеческого восприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Langacker, R.W. The contextual basis of cognitive semantics [Text] / R.W. Langacker // *Language and conceptualization*. – GB : Cambridge University Press (Language, culture and cognition; 1), 1999a. – P. 240.

[2] Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2001. – 261 с.

[3] Langacker, R.W. A view from cognitive linguistics [Text] / R.W. Langacker // *Behavioral and brain sciences*. – 1999b. – Vol. 22. – 625 p.

[4] Langacker, R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar [Text] / R.W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – P. 35.

[5] Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) // Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

[6] Longman Dictionary of Contemporary English. – London : Longman Dictionaries, 1990.

[7] Апресян, Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995б. – 767 с.

[8] Падучева, Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «За кадром» [Text] / Е.В. Падучева // Слово в тексте и словаре. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 2000. – С. 185–201.

- [9] Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 312 с.
- [10] Пригожин, И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени [Текст] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 240 с.
- [11] Волошин, А.В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства [Текст] / А.В. Волошин // Синергетическая парадигма, линейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 213–246.
- [12] Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/see> (дата обращения 02.05.2018).
- [13] Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985.
- [14] Longman Dictionary of Contemporary English. Op. cit.
- [15] Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998.
- [16] Хорнби, А.С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа (Специальное издание для СССР) [Текст] / А.С. Хорнби. – М. : Рус. яз., 1982.
- [17] Longman Language Activator Dictionary. Op. cit.
- [18] Юнг, К. Г. Аналитическая психология / пер. и ред. В.В. Зеленского. – СПб. : МЦНК и Т «Кентавр» : Ин-т личности. ИЧП «Палантир», 1994. – С. 18.
- [19] Longman Dictionary of Contemporary English. Op. cit.
- [20] Longman Language Activator Dictionary. Op. cit.
- [21] Юнг, К.Г. Указ. соч.
- [22] Юнг, К.Г. Указ. соч. – С. 126.
- [23] Юнг, К.Г. Указ. соч.
- [24] Хорнби, А.С. Указ. соч.
- [25] Верхотурова, Т.Л. Фактор наблюдателя в языке науки [Текст] / Т.Л. Верхотурова : монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008.
- [26] Верхотурова, Т.Л. Указ. соч.

Информация об авторе

Верхотурова Татьяна Леонтьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Институт филологии, иностранных языков и массмедиа, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: taverkh@mail.ru.

Verkhoturova Tatyana Leontyevna – doctor in Philology, professor, Department of English Philology, Irkutsk State University, 8, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: ivanov@rambler.ru.

КОНЦЕПТ «АВТОРЕФЕРЕНТНОСТЬ»
В РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ КОНТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «автореферентность» в соотношении с синонимичными концептами. Рассматриваются этимологические, словообразовательные и семантические аспекты данного концепта. Приводятся различные трактовки «автореферентности» из ряда работ по логике, филологии и искусствоведению. Определяется потенциал данного понятия для лингвистических исследований, в частности, для изучения автореферентных интернет-жанров (жанровых форм сети Интернет, предназначенных для самопрезентации личности коммуниканта).

Ключевые слова: автореферентность, концепт, этимологические, словообразовательные и семантические аспекты, интернет-жанры.

E.C. Dakhalaeva, Ulan-Ude

THE CONCEPT «SELF-REFERENCE» IN VARIOUS SCIENTIFIC CONTEXTS

Abstract. The article deals with the concept of «self-reference» in relation to the synonymous concepts. The etymological, word-formative and semantic aspects of this concept are considered. The author gives various interpretations of «self-reference» from different works on logic, philology and art history. The potential of this concept for linguistic research is determined, in particular, for the study of self-reference Internet genres (genre Internet forms aimed for self-presentation of the communicator personality).

Key words: self-reference, concept, etymological, word-formatting and semantic aspects, Internet-genres.

Работы многих отечественных лингвистов посвящены всестороннему изучению языка интернета. Большая часть их направлена на классификацию различных языковых явлений виртуального пространства. Так, помимо прочего, в рамках современной теории виртуальных речевых жанров мы встречаем множество структурированных и систематизированных типологий сетевых жанровых форм [1].

Общеизвестно, что на современном этапе развития интернет-технологий (Web 2.0) рядовой пользователь обладает многочисленными возможностями для самостоятельного наполнения контента Сети. При формировании в виртуальной среде собственного вербального и невербального пространства веб-коммуникант непрерывно создает дискурс о своей собственной сетевой идентичности (автореферентный веб-дискурс) [2].

В своем диссертационном исследовании Е.В. Солодкова говорит о том, что дискурс коммуниканта о самом себе необходимо определить как автореферентный дискурс. Это особый вид дискурса, в котором структура автореферентности разворачивается в своей «собственной внутренней динамике, что и приводит к порождению одноименного дискурса» [3].

Опираясь на данное определение, в своей статье «Автореферентные жанры интернет-дискурса» мы отмечаем, что автореферентность является важной характеристикой виртуального дискурса. Благодаря этому в жанровом пространстве современной Сети мы выделяем группу интернет-жанров, определяемых как автореферентные (персональный сайт, персональный блог, персональный микроблог, персональный форум и пр.) [4].

При исследовании данного типа речевых жанровых форм нам следует обратиться к изучению самого понятия «автореферентность», которое имеет неоднозначные толкования в различных контекстах. Не только лингвисты и филологи, но и логики, философы, математики, специалисты по информационным технологиям и пр. периодически оперируют данным понятием. Упоминание об автореферентности можно встретить при интерпретации семантических задач, при анализе стихотворных произведений и форм самоименования, при рассмотрении различных форм дискурса и т.д. Многие авторы подчеркивают неясность и многозначность данного термина. Таким образом, данная статья посвящена анализу многозначного термина «автореферентность» и его синонимов, а также интерпретации различных трактовок рассматриваемого концепта.

Отметим, что наряду с термином «автореферентность», в том же самом (или близких) значении используются и его однокоренные формы «автореференция», «самореферентность», «самореференция» и «автореференциальность». Действительно, все эти формы восходят к одним и тем же латинским корням *referre* – сообщать, *referens* – относящий, сопоставляющий [5].

Префиксы «авто-» и «само-» также во многих контекстах являются эквивалентными и синонимичными. Так, префикс «авто-» придает языковым формам значение «сам», «самостоятельный», к примеру «автовозбуждение» [6]. В то же самое время приставка «само-» «служит для образования слов со значением со значением «сам», «самостоятельный», «направленный на самого себя» [7].

Анализ значений суффиксов «-ость», «-енциј» и «-ция», фигурирующих в однокоренных терминах «автореференция», «автореферентность», «автореференциальность», в целом, также позволяет нам сделать вывод об их семантической близости и взаимозаменяемости.

Так, суффикс «-есть (-ость) образует существительные со значением отвлеченного признака или состояния (свежесть, бледность)» [8].

Суффикс -ция (-tion) является латинским суффиксом имени сущностного процесса или состояния. Согласно Й. Йирачек, существительные с суффиксом «-енциј» мотивированы «глаголами со значением отвлеченного действия». К таким существительным, согласно автору, относятся следующие слова: *люминесценция* (свечение тела, возбуждаемое каким-либо источником энергии), *флюоресценция*

(один из видов люминесценции), *фосфоресценция* (свечение, вызванное предварительным освещением и сохраняющееся после прекращения освещения), а также однокоренной к термину «автореференция» физический термин «интерференция», означающий «взаимное усиление или ослабление волн при их наложении друг на друга» [9].

Рассмотрев этимологические и словообразовательные аспекты изучаемого концепта, обратимся к семантическому анализу однокоренных и синонимичных понятий «автореференция», «самореферентность», «самореференция» и «автореференциальность».

Известно, что прежде всего автореферентность определяют как «ссылку на себя» [10]. В таком понимании используются также и термины «автореференция» и «самореференция» в работах философов и логиков: «**Самореферэнция** – явление, которое возникает в системах высказываний в тех случаях, когда некое понятие ссылается само на себя». Ряд авторов также называют данное понятие «самотносимостью» [11]. Подобное явление возникает тогда, когда какое-либо выражение одновременно выступает в качестве функции и аргумента этой же функции. Другими словами, объект указывает на самого себя и оценивает самого себя благодаря самому себе. Подобное положение вещей всегда приводит к логическим парадоксам. Так, при анализе понятия автореференции зачастую в качестве примера рассматривается парадокс Б. Рассела о брадобрее: может ли живущий в деревне брадобрей брить себя, если он бреет всех жителей этой деревни.

Другие авторы рассуждают шире. По их мнению, автореферентность можно наблюдать во множестве явлений, а не только в рамках логических парадоксов: «...образование каких-либо множеств производится с помощью двух операций: выделение общего признака во множестве и нахождения отличия между его элементами. Первая операция автореферентна потому, что любой элемент множества указывает на себя самого, а вторая потому, что элемент множества содержит в себе индекс упорядочения ("позиционирования") себя во множестве» [12].

Автореферентность также можно определить благодаря ряду синонимов. Так, в качестве эквивалентных по значению выступают следующие логические понятия: «тавтология (повторение), трюизм (общее место), рекурсия (повторение элементов самоподобным образом), *circulus vitiosus* («порочный» или логический круг), «герменевтический круг» (выведение утверждения из самого себя через промежуточные утверждения)» [13]. При этом отмечается, что все упомянутые явления, традиционно воспринимаемые как логические ошибки, выступают в качестве базовых определений для множества категориальных понятий.

Основываясь на традиционном понимании автореферентности, Л.Н. Мун рассуждает об этом понятии как о творческом импровизационном приеме. По словам автора, «автореферентность проявляется в том случае, когда идея (в нашем случае идея создания художественного продукта) действует сама на себя, то есть воспроизводит саму себя» [14]. Л.Н. Мун рассматривает понятие автореферентности на примере разных наук и областей искусства и приходит к выводу

о том, что данное понятие находит свое применение во всех областях практической деятельности человека.

Л.Н. Мун приводит собственный пример автореферентности на примере музыки, а именно голосов фуги, когда каждый из голосов повторяет (имитирует) заданную тему. Подобное производится посредством двух этапов: «а) обнаружением общего признака во множестве (допустим, мотива, композиционной переключки); б) выявлением отличия между его элементами (изменение ритмического рисунка)». Согласно автору, обнаруживая себя, элемент множества тем самым указывает на самого себя, а изменяя ритмический рисунок, элемент опять указывает на себя посредством позиционирования себя во множестве. Все это и является свидетельством явления автореферентности. В заключении своей статьи автор определяет автореферентность в качестве творческого импровизационного приема, который «позволяет в процессе обучения целостно воспринимать окружающий мир и творчески самосовершенствоваться личности» [15].

В работах современных филологов мы наблюдаем следующую интерпретацию рассматриваемого понятия. Так, в статье Ф.Х. Исраповой «Автореферентность рассматривается как способ изображения творчества в стихотворении В. Брюсова «Творчество». Автор также называет автореферентность принципом, в свете которого она и проводит анализ предлагаемого стихотворения.

Особенностью данного литературного произведения является его структура: в каждом из четверостиший читатель наблюдает повторяющиеся строки. Согласно автору статьи, подобное повторение слов и выражений служит для реализации особых авторских замыслов. «На входе художественного текста есть некий мир, но он – не конечная цель текста, как таковой – он не информативен. Этот же мир должен быть удвоен, стать языком описания самого себя, раскрыть собственную сущность, стать сообщением о самом себе, о своей структуре. Информативен как раз дубликат, который мы получаем на выходе текста» [16].

Отметим, что автор называет используемый В. Брюсовым прием повтора автореферентией, а представленное повторенное творчество – автореферентным. При этом Ф.Х. Исрапова не проводит каких-либо различий между однокоренными терминами «автореферентность» и «автореференция». В конце своей работы автор говорит о феномене слияния процесса и результата творчества, что позволяет называть данное стихотворение Брюсова автореферентным.

Анализируя работу Е.А. Лавренчука, посвятившего свое исследование самовоспроизводству социальных сетей, мы приходим к выводу о том, что понятие автореферентности близко по своему значению концепту «аутопойезис». В своей работе автор говорит о том, что масштабное распространение социальных сетей в рамках современной Сети происходит благодаря их неотъемлемому свойству – аутопойезису как имманентной способности к самогенерации и самовыстраиванию [17]. Данное свойство способствует непрерывному процессу перезапуска, усложнения и дальнейшей эволюции таких сложных технологических объектов как социальные сети.

Заклячая все вышесказанное о понятии «автореферентность», мы можем сделать следующий вывод: некоторые интерпретации данного концепта мы можем применить к изучению рассматриваемого нами явления. Напомним, что объектом своего исследования мы избрали автореферентные интернет-жанры. Так, активность пользователя в Сети в целях выстраивания своей сетевой идентичности мы тоже, вслед за Л.Н. Мун, можем назвать творческим импровизационным приемом. Наблюдаем мы автореферентность и в форме многочисленных повторов (по Ф.Х. Исраповой): информацию о себе коммуникант многократно дублирует как в пространстве Сети (в разных социальных сетях), так и в рамках одного пользовательского аккаунта (в вербальной и невербальной форме, в форме наглядности: аудио, видео, графики и пр.). Вся эта совокупная деятельность интернет-коммуниканта, направленная на создание своей сетевой идентичности всеми возможными вербальными и невербальными средствами, в конечном счете, способствует бесконечному процессу развития автореферентных жанров в пространстве Сети (Е.А. Лавренчуку), что, в свою очередь, создает богатый материал для лингвистических исследований.

Отметим, что проведенный нами краткий этимологический, словообразовательный и семантический анализ термина «автореферентность» не является исчерпывающим. Тем не менее осуществленные нами изыскания позволили выявить основные значения данного понятия в логике, математике, литературоведении и лингвистике, а также определить его потенциал для лингвистического исследования автореферентного интернет-дискурса. Кроме того, подобное исследование направлено на выявление глубинного внутреннего смысла автореферентности, что, в конечном итоге означает, что проводимое нами исследование выполнено в русле более широкого системного подхода, направленного на поиск системообразующего механизма в языке, речи и речевой деятельности [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Митягина, В.А. Жанры персонального интернет-дискурса [Текст] / В.А. Митягина, И.Г. Сидорова // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С.107.

[2] Солодкова, Е.В. Женский автореферентный дискурс в английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Солодкова. – Иркутск, 2012. – С. 3–5.

[3] Солодкова, Е.В. Указ. соч.

[4] Дахалаева, Е.Ч. Автореферентные жанры интернет-дискурса [Текст] / Е.Ч. Дахалаева // Вестник Иркутского государственного областного университета. – 2013. – № 4. – С. 24–29.

[5] Референция [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 08.04.2018).

[6] Викисловарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE> (дата обращения 08.04.2018).

[7] Викисловарь. Указ. соч.

[8] О русских суффиксах и их происхождении [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovorod.ru/russian-suffixes.html> (дата обращения 14.04.2018).

[9] Йирачек, Й. Существительные с интернациональными суффиксами в современном русском языке с точки зрения их стилистического качества [Электронный ресурс] / Й. Йирачек. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100508/A_Linguistica_22-1974-1_13.pdf?sequence=1 (дата обращения 10.04.2018).

[10] Автореферентность [Электронный ресурс]. – URL: <http://alephegg.narod.ru/Alphabet/AutoRef.htm> (дата обращения: 20.04.2018).

[11] Самореференция [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 08.04.2018).

[12] Самореференция. Указ. соч.

[13] Автореферентность. Указ. соч.

[14] Мун, Л.Н. Автореферентность как творческий импровизационный прием в образовательном пространстве синтеза искусств и наук [Текст] / Л.Н. Мун [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 2. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (дата обращения 11.04.2018).

[15] Мун, Л.Н. Указ. соч.

[16] Исрапова, Ф.Х. Автореферентность как способ изображения творчества в стихотворении В. Брюсова «Творчество» [Текст] / Ф.Х. Исрапова // Вестник РГГУ. Сер.: «Филол. науки. Литературоведение и фольклористика». – № 11 (54) 10. – М. : РГГУ, 2010. – С. 35–45.

[17] Лавренчук, Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве [Текст] : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.А. Лавренчук. – М., 2011. – С. 7.

[18] Костюшкина, Г.М. В поисках системообразующего механизма в языке / Г.М. Костюшкина // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 4. – С. 121–133.

Информация об авторе

Дахалаева Елизавета Чингисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Россия, Улан-Удэ, ул. Ключевская 40В, e-mail: lizdach@mail.ru.

Dakhalaeva Elizaveta Chingisovna – Phd in philology, Associate Professor. Department of East and European languages, East Siberia State University of Technologies and Management, 670013, Russian Federation, Ulan-Ude, Kluchevstaya Str., 40V, e-mail: lizdach@mail.ru.

L'ESPACE DE LA NOTION ET LA NOTION
DE L'ESPACE TOPONYMIQUE QUEBECOISE

Аннотация. В статье освещается междисциплинарный характер топонимики, который проявляется в ее тесной связи с географией, историей и лингвистикой. Региональная топонимия обладает национально-культурной спецификой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно из истории и культуры народа – носителя языка. Доминирующая в лингвистике антропоцентрическая парадигма ставит основной задачей современного топонимического анализа – изучение становления и развития топонимической системы в тесной связи с жизнедеятельностью человека, процессами восприятия и осмысления им окружающей действительности, с основными факторами, обусловившими процессы означивания среды обитания человеком и нашедшие выражение в определенных языковых знаках.

Ключевые слова: история Квебека, номинация, топонимика, географические названия.

G.S. Dorzhieva, Ulan-Ude

Abstract. The article deals the cross-disciplinary character of toponymics, which is shown in its close connection with geography, history and linguistics. The regional toponymy has national and cultural specifics, as their group and individual meanings are directly derivative from history and the culture of the people – the native speaker. The anthropocentric paradigm dominating in linguistics puts the main task of the modern toponymic analysis – studying of formation and development of toponymic system in close connection with activity of the person, processes of perception and judgment of surrounding reality, with the major factors which have caused processes of naming the habitat by the person and found expression in certain language signs.

Key words: history of Quebec, nomination, toponymic system, place names.

La ville d'Ebla se situe à 60 km au sud d'Alep (la deuxième ville après le Damas), en Syrie, sur la route de Hama, après la bifurcation en direction de Lattaquié, et occupe une position géostratégique, à la porte d'un col commandant l'accès à la Méditerranée. Le site qui se présente sous la forme d'un tell ovale de 60 ha dominé par une acropole centrale a été découvert en 1964 et ses vestiges mis au jour par les équipes du professeur Paolo Matthiae (Université La Sapienza de Rome) en 1968 [1]. C'était une découverte aux conséquences incalculables quand à l'évolution de nos connaissances relatives au troisième millénaire avant Jésus-Christ. Dans les ruines de ce qu'on sait maintenant être la ville d'Ebla, après 15 ans de fouilles, l'équipe de Paolo Matthiae mit

la main sur un trésor d'une valeur sans égale: 15000 tablettes d'argile à écriture cunéiforme, constituant les vestiges des archives royales de cette capitale d'un royaume disparu. Sur ces tablettes poussiéreuses les spécialistes ont déchiffré les noms de plus de 5000 noms de lieux. Par exemple, *Ashtaroth, Sinai, Jérusalem, Hazor, Lachish, Megiddo, Gaza, Joppé, Ur et Damas* sont toutes mentionnées par leurs noms dans les tablettes [2].

On peut dire à juste titre que la toponymie est vieille comme le monde. Mais son étude est beaucoup plus récente. L'originalité et l'exotisme de l'image toponymique d'un territoire dépendent bien sûr, d'une part, de la nature même des noms choisis ou donnés par ses habitants. Mais ils dépendent aussi de la forme dans laquelle ils sont conservés et transmis. Le respect de la culture d'un peuple exige le respect de la toponymie qu'elle a générée. On a longtemps considéré la toponymie française du Québec comme étant moins pittoresque que la toponymie de même langue des Antilles françaises, des îles Saint-Pierre-et-Miquelon, de Terre-Neuve, de certains Etats américains. Selon Christian Bonnelly «la spontanéité toponymique populaire n'a pas toujours eu ici la chance d'atteindre les paliers officiels: un certain snobisme linguistique, la hantise des anglicismes et des emprunts ont eu comme effet d'acceptiser partiellement le corpus toponymique québécois et de le priver dans bien des cas d'une originalité qui l'aurait autrement mieux apprécié» [3].

L'étonnante richesse de la toponymie québécoise découle d'au moins cinq grandes influences différentes: celle des Inuits et des Amérindiens, dont les origines au Québec remontent à plus de 6000 ans, celle de la France qui colonisa la vallée du Saint-Laurent pendant plus de deux siècles; celle de l'Angleterre et celle des Etats-Unis, dont l'apport va sans cesse croissant à partir des années 1760-1780 respectivement; et, bien sûr, la population québécoise elle-même à qui il revient de dénommer la plus grande partie de son territoire. Mais comme il arrive souvent dans ce domaine, bien des noms implantés autrefois ont été perdus depuis ou ont vu leur histoire oubliée.

Pour l'Inuk du Nouveau-Québec, l'espace constitue une catégorie fondamentale de la pensée. Habitué à évoluer dans des espaces considérables du point de vue de leur étendue, son appréhension du monde en subit l'influence. Ses préoccupations étant celles de se nourrir et de pourvoir aux besoins des siens, son espace dénommé, approprié sera la part du territoire qui constitue son périmètre de chasse, d'où une toponymie riche en notations précises qui détaillent chaque pointe, chaque anfractuosité, même peu visible, les photographient mentalement et les dénomment. Quelques exemples nous aideront à percer le secret de la dénomination spatiale inuit. On constate que la vision inuit de l'espace est focalisée sur l'individu lui-même qui se situe au centre de sa propre perception et que le toponyme *Lac Tasialuk* évoque 'le grand lac', et informe sur un élément du paysage par touches contrastives: présence d'eau, de terre, circularité de l'étendue terrestre, importance en étendue de la masse d'eau. Si on atteint *le lac Tasialuk* par une éminence, on recourra à un terme localisateur *kanna*, au sens 'd'en bas', situant le locuteur; le nom du lieu deviendra (Lac) *Tasialuk kanna* [4].

La perception de l'espace et sa transposition toponymique chez les Amérindiens du Québec présentent une certaine similitude avec celle des Inuit. Vivant très près de

la nature, se livrant aux activités de chasse et de pêche, appelés à se déplacer fréquemment, ne disposant que de la tradition orale, ceux-ci ont attribué aux liens qu'ils parcouraient des noms fleurant bon le bois et l'eau, très près de leurs préoccupations existentielles pérégrinatoires ou alimentaires. En voici quelques exemples: a) présence obsédante de l'eau avec *Saguenay* 'source des eaux', *Kénogami* 'lac long', *Péribonka* 'rivière creusant dans le sable'; b) réminiscence de chasse avec *Lac Chigoubiche* 'canard bec-scie', *Rivière Chamouchouane* 'là où l'on voit venir l'original', *Rivière Mistassibi* 'rivière à l'ours' ou encore 3) structure de l'entité dénommée: *Tadoussac* signifie 'mamelles, mamelons' et *Lac Tchitogama* 'lac emmurillé'.

De temps immémoriaux, Amérindiens et Inuit du Québec ont attribué une infinité de noms aux innombrables composantes géographiques du territoire: lacs, rivières, montagnes, lieux de campements ou établissements permanents ou temporaires, portage, points de rencontre, etc. Certaines de ces dénominations sont plus visibles (*Québec* 'là où le fleuve se rétrécit', *Gaspé* 'bout de la terre', *Chicoutimi* 'jusqu'ou c'est profond') et font partie du langage quotidien des Québécois.

Si les appellations autochtones attribuées aux lieux qui peuplent l'espace des premiers habitants du Québec sont marquées au coin de leur nomadisme, centrées sur la nécessité de repérer avec précision les territoires de chasse ou de migration, la toponymie superposée dans certains cas ou imposée dans d'autres par les colonisateurs blancs d'origine européenne véhicule une saisie de l'espace toute pétrie des relents d'une culture plus élaborée, moins près dans l'ensemble de la nature extérieure. Certains toponymes datent des premiers explorateurs et témoignent, en plus de leur culture, de l'influence de ceux avec qui ils sont entrés en contact. D'autres sont contemporains des établissements qui suivront et rappellent un épisode de l'histoire coloniale ou précoloniale (*La Pointe aux Anglais*, *L'Île du Massacre*). D'autres sont plus récents et se réfèrent à un événement fortement ressenti par la population riveraine ou relié à la conjoncture nationale ou internationale (*l'Anse du Naufrage*, *La Plage des Allemands*). D'autres encore signalent le rôle particulier d'un individu ou de certains groupes sociaux dont la mise en valeur du territoire ou le service aux communautés (les entités géographiques) désignées sous le nom de leurs propriétaires successifs, les noms de lieux donnés par l'Église et placés sous le patronage des saints (*Fleuve Saint-Laurent*, *Côte-Saint-Antoine*, *Chute-Saint-Philippe*), les divisions de recensement proclamées en l'honneur d'un personnage célèbre de la Nouvelle France, ou de l'histoire nationale (*Jacques Cartier*, le découvreur du Canada et *Samuel de Champlain* nommé à juste titre «le Père de la Nouvelle-France» ont mérité leurs places au panthéon des grands explorateurs européens). Un grand nombre d'autres enfin concernent tout simplement une caractéristique de l'environnement local (*l'Île aux Cerfeuil*, *le Gros-Morne*), imitant en cela beaucoup de toponymes d'origine amérindienne.

La relation qu'il y a entre un nom de lieu et le nommant se situe dans le temps, et ceci contribue à faire du nom de lieu un témoin du passé. En fait, c'est cette dimension temporelle qui transcende la fonction technique du nom de lieu, et lui permet de transmettre un message culturel qui nous dévoile soit le type de relation entre le nommant et le lieu, le caractère du lieu (tel que perçu), ou encore, le caractère du nommant et de son univers culturel et social. C'est dans ce sens que le nom de lieu est

une clé qui nous ouvre la porte sur l'histoire d'un lieu, sa relation avec ceux qui l'ont côtoyé, remarqué, apprivoisé et nommé.

Il n'existe pas de définition de la toponymie historique. Comme ce qui est historique est souvent synonyme d'ancien, on peut parler de toponymie ancienne, comme étant uniquement celle que l'on retrouve sur les cartes ou les documents anciens. J. Poirier distingue deux contextes principaux d'utilisation de toponymes historiques: 1) la reproduction intégrale de cartes et d'autres documents historiques et 2) l'utilisation des toponymes historiques dans des documents de confection contemporaine [5]. Elle peut inclure autant les toponymes qui se sont maintenus que ceux qui sont disparus de l'usage. Cependant, il est aussi possible, dans un sens plus large, d'interpréter la toponymie historique, non seulement comme un objet, mais plutôt comme une perspective. Dans cette optique, la toponymie historique pourrait être l'étude des noms de lieux actuels, officiels de nom, mais dans une perspective historique. Elle aurait donc pour but d'évoquer le passé, à partir du présent, ou de faire parler la carte actuelle.

Sous le régime français, les noms français, s'implantent sur le territoire, remplaçant ou adaptant la toponymie originale amérindienne. Par exemple, les noms historiques du *Fleuve Saint-Laurent* sont *Rivière de Canada*, *Rivière d'Hochelaga*, *Rivière France Prime* qui remontent au XVIe siècle. Selon J. Poirier il s'agit donc de la gestion des *paléotoponymes*, les noms de lieux historiques qui ont disparu ou qui ont été remplacés par d'autres appellations. Cette catégorie de toponymes ne fait pas partie de la nomenclature officielle [6]. Sous le régime anglais, une nouvelle couche toponymique s'installe, modifiant les toponymes antérieurs. On assiste à des substitutions des traductions partielles ou totales, des métraductions, ou des adaptations.

Au cours du XIXe siècle, un retour partiel des toponymes de langue française et de langues amérindiennes s'effectue. L'influence de l'Église catholique dans la société québécoise devient manifeste dans la toponymie du territoire par l'implantation de nombreux hagionymes (noms de saints). En 1855, une loi du gouvernement du Bas-Canada transforme les paroisses et les missions en municipalités, et retient leurs noms religieux. De plus, la ferveur religieuse qui marque la deuxième partie du XIXe siècle favorise la popularité des hagionymes pour les nouvelles désignations et inspire de nombreux substitutions.

Au début du XXe siècle, alors que la flamme nationaliste s'anime, une aire de francisation s'installe [7]. Cependant, cette dernière se fera au détriment de la toponymie amérindienne, et avec la bénédiction de la jeune Commission de géographie du Québec, l'ancêtre de la Commission de toponymie actuelle. Entre temps, sur les cartes du gouvernement canadien, la toponymie du Québec est à l'image de celle des autres provinces, la langue anglaise y occupant la place de choix. Ce n'est donc que depuis relativement peu de temps, que même ici, il existe ce que l'on pourrait appeler une révérence toponymique.

Quand au processus de recherche en toponymie historique il s'agit d'abord de retracer l'origine du nom de lieu étudié, d'établir le contexte de désignation, de spécifier la signification du toponyme au moment de son apparition, et enfin, de

documenter son évolution. Cette dernière démarche permet de détecter soit les changements de graphie que peut subir un toponyme, incluant les traductions et les métraductions; les changements de signification; le rejet épisodique dont il peut être victime, ou rejet permanent s'il s'agit de toponymie ancienne; tout ceci en ayant le souci de découvrir les causes de ces transformations. La variété de ces causes n'a vraiment de limite que notre imagination: erreur humaine, contact des langues, usure du temps, ou politique [8]. Si l'enquête toponymique peut fournir certaines pistes ou bribes de réponses à ces questions, il va sans dire que les documents anciens et les cartes anciennes constituent des sources de bases de premier ordre pour réaliser ces fouilles toponymiques. Pour le chercheur, la toponymie historique est un outil par lequel il découvre différentes facettes du passé dans un territoire donné. Cette connaissance peut l'aider à reconstituer la végétation de certains milieux, à délimiter les zones d'occupation de certains groupes, à retracer des courants migratoires, à préciser la perception d'un lieu par les habitants.

Tout toponyme comporte une dimension historique. En effet, le toponymiste doit déterminer depuis quand les noms vérifiés ou recueillis sont utilisés et connus des gens. Le nom identifiant une entité récemment dénommée n'aura pas le même poids historique que le nom attribué à la même entité depuis plusieurs années. Ainsi, lorsque plusieurs appellations existent pour une même entité, il doit tenter de découvrir la plus ancienne et la plus répandue. Le toponymiste recherche donc la première attestation écrite du toponyme, c'est-à-dire la date à laquelle il apparaît pour la première fois dans un document ou sur une carte. Le plus souvent, et c'est ce qui détermine sa valeur, un nom de lieu témoigne du vécu de toute une collectivité. Cependant, la date d'apparition d'un toponyme peut parfois être très approximative, tout particulièrement celle des noms de lieux autochtones pour lesquels la tradition orale domine.

Il apparaît donc utile d'identifier, dans la mesure du possible, la première attestation connue afin d'évaluer l'impact historique du toponyme. En plus de mettre sur la piste des sources écrites, les informateurs peuvent parfois préciser des indications au chercheur à ce sujet ou guider ses recherches. Il arrive que des toponymes se modifient au fil des ans. Cette évolution demeure révélatrice soit des préoccupations actuelles de la population locale, soit des transformations physiques qu'ont pu subir certains lieux. *Le lac à l'Anguille*, par exemple, ainsi dénommé parce qu'on y trouvait à l'époque quelques spécimens de ce poisson, peut progressivement être identifié sous l'appellation de *Lac de l'Aqueduc*, la ville y puisant son eau potable depuis peu.

De plus il arrive qu'en raison de variations climatiques, géologiques ou biologiques, un lac puisse s'être transformé en marécage ou bien à la suite du développement d'un noyau de population locale, un hameau (groupement isolé de quelques maisons, en milieu rurale) puisse être devenu un village. Sur les cartes topographiques plus récentes, de nouvelles entités anonymes (lac de retenue, agglomération, etc.) peuvent également figurer. Il convient alors d'y porter attention toute particulière. A ce propos, les monographies de paroisse doivent être privilégiées en raison de la masse d'informations qu'on y retrouve. Les journaux locaux, les dépliants touristiques ou toutes autres sources disponibles peuvent aussi s'avérer très riches en renseignements toponymiques. Même les légendes apportent parfois des

précisions quand à l'origine de certains noms de lieux, encore qu'il faille demeurer prudent car ce genre de source véhicule maintes indications ressortissant à la fabulation.

Il arrive fréquemment que les préoccupations de l'historien et du linguiste se joignent et se complètent. Ainsi, l'historique du nom pourra permettre au toponymiste de déterminer si, par exemple, le spécifique dans le toponyme *Ile Fox* réfère au patronyme *Fox* ou plutôt s'il correspond à la forme anglaise du mot *renard*. Ou bien encore, l'écriture du spécifique *Plante* dans *Ruisseau des Plante(s)* sera déterminée par sa signification ou son origine. S'il provient du patronyme, la graphie sera *Ruisseau des Plante* (sans *s*); au contraire, on écrira *Ruisseau des Plantes* s'il fait référence à des végétaux.

La transformation, voire le changement pur et simple de noms de lieux, rendent nécessaires les lumières apportées par l'historien et le linguiste. Avec le temps les toponymes peuvent subir de différentes modifications d'ordre linguistique qui peuvent passer d'une langue à une autre, ou encore témoigner de formes dialectales particulières à une région. De plus, des noms peuvent disparaître et être remplacés pour différents motifs. Les autorités en place ou la population apparaissent souvent comme à l'origine de ses substitutions, qu'il s'agisse d'honorer la mémoire d'un personnage qui a fait sa marque localement pour promouvoir la vocation touristique des lieux ou pour tout autre motif.

Mais dans un sens plus général le mérite le plus évident de tout fouille toponymique est de nous donner la chance d'explorer plus à fond notre passé et ce faisant d'enrichir notre mémoire collective. Elle fait ceci de plusieurs façons. La toponymie historique révèle l'information qui permet de transformer le nom de lieu locatif en nom de lieu évocateur, en lui redonnant en quelque sorte son histoire. Elle révèle aussi l'histoire du processus de désignation sur un territoire, faisant des noms de lieux les symboles tangibles de la société qui les forge, de ses mutations, et des rapports de forces qui l'ont caractérisée. Cet apport est saisissant et n'est pas négligeable lorsque l'on se penche sur le cas du Québec [9].

La toponymie permet la récupération de noms disparus, corpus toponymique impressionnant à partir duquel les lieux sans nom pourront se vêtir. Elle éclaire les prises de décisions quand à l'écriture des toponymes actuels. Mais, encore plus important, on peut aussi dire que la toponymie historique favorise non seulement l'acquisition de la connaissance de faits historiques, mais éveille une sensibilité indispensable à la pratique d'une toponymie authentique et juste. La conservation des toponymes, au même titre que la conservation du patrimoine, implique à la fois leur sauvegarde, leur connaissance et leur mise en valeur. Ainsi, le nom attribué à un lieu renvoie moins l'image de son essence, de la nature du réfèrent qu'il identifie que celle d'une partie du bagage culturel et historique du dénommant.

En 2008 le colloque international «Nom. Société. Culture» a été organisé par le Centre des études stratégiques orientales de l'Université de Bouriatie. Plusieurs onomasticiens russes et étrangers y ont pris part. Sur l'invitation de l'Université Henri Dorion et Pierre Lahoud, les savants québécois réputés, ont participé au colloque. Henri Dorion a présidé différentes commissions, dont le GENUG (groupe d'experts des

Nations unies sur les noms géographiques à l'ONU) et, de 1966 à 1972, la Commission d'étude sur l'intégrité du territoire du Québec. Pierre Lahoud est photographe, historien, spécialiste du patrimoine québécois. De retour au Québec Henri Dorion a envoyé une lettre à l'auteur de ces lignes: «Chère collègue, J'ai le plaisir de vous annoncer que nous avons maintenant au Québec, un lac nommé «lac Baïkal». Ses coordonnées géodésiques en sont: 49° 09' 14" 69°14' 18"; Feuillet : 22F/03. Dans quelques jours, je vous enverrai une série de photos prises par mon collègue Pierre Lahoud lors de notre si agréable séjour en Bouriatie. Recevez mes amicales salutations. Henri».

Le toponyme n'est plus le miroir fidèle de ce qu'il désigne, mais le reflet d'un univers souvent étranger à sa nature profonde. Le toponyme signifie moins et connote davantage. Le toponyme devient mémoire.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] URL: [https:// fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/559640](https://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/559640) (consulté le 12.03.18).

[2] URL: [https:// pleinsfeux.org/le-mystere-des-tablettes-debla](https://pleinsfeux.org/le-mystere-des-tablettes-debla) (consulté le 8.04.18).

[3] Bonnelly, Ch. Etude comparée de la toponymie dans divers milieux francophones [Text] / Ch. Bonnelly // 450 ans de noms de lieux français en Amérique du Nord. Allocutions et conférences prononcées lors du I Congrès International sur la toponymie française de l'Amérique du Nord. 11–15 juillet 1989. – Québec, 1986. – P. 533.

[4] Dugas, Jean-Yves. L'espace québécois et son expression toponymique [Electronic resource] / Jean-Yves Dugas. – URL: [https:// www.erudit.org/fr/revues/cgq/1984-v28-n75-cgq](https://www.erudit.org/fr/revues/cgq/1984-v28-n75-cgq) (consulté le 12.03.18).

[5] Poirier, J. La gestion de la toponymie historique: La contribution du Québec [Text] / J. Poirier // Stage international de formation en toponymie. – Québec, 1988. – P. 312.

[6] Poirier, J. Regards sur les noms de lieux. Etudes et recherches toponymiques, 3 [Text] / J. Poirier. – Québec, 1982. – P. 76.

[7] Le français dans l'espace francophone [Text]. – T. 2. – Paris, 1996 ; Le ----

[8] Trépanier, Cécyle. La toponymie historique élément du patrimoine national et bien culturel à préserver [Text] / Cécyle Trépanier // Stage international de formation en toponymie. – Québec, 1988. – P. 305–306.

[9] Noms et lieux du Québec [Text]: dictionnaire illustré. – Québec : Publications du Québec, 2006. – 925 p.

Информация об авторе

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого и французского языков Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета, e-mail: galdor@yandex.ru.

Dorzhieva Galina Sergeevna – doctor of philology, associate professor, professor, department of the German and French languages, IPMC, BSU, e-mail: gal-dor@yandex.ru.

УДК 81:001.4

А.В. Колмогорова, Красноярск

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ**

(на примере конструкций всякий вменяемый x и ни один невменяемый x не)

Аннотация. *На примере контекстных реализаций конструкций всякий вменяемый... и ни один вменяемый... не рассматриваются особенности концептуализации в русском лингвокультурном сообществе нормативных характеристик представителей той или иной подкатегории в рамках категории ЧЕЛОВЕК. Материалом для анализа служат данные корпуса текстов русскоязычного интернета на платформе Sketch Engine. В качестве методов анализа используются анализ сочетаемости, семантический анализ, элементы качественно-количественного анализа. Делается вывод о том, что наиболее связанной с понятием нормы в русскоязычном социуме является концептуализация должных характеристик человека в профессиональной сфере, а наименее – в сфере гендерной и национальной идентичности. В первой наиболее сильно социальному нормированию подвержены профессии врача, физика, журналиста и священника; однако максимального уровня такого нормирования достигает социальная роль родителя.*

Ключевые слова: *норма, концептуализация, корпусная лингвистика, лингвокультура, социальное нормирование.*

A.V. Kolmogorova, Krasnoyarsk

**CONCEPTUALIZATION OF HUMAN'S NORMATIVE
FEATURES IN LANGUAGE**

(based on the analysis of constructions vsjakij vmenjaemij x and ny odyn vmenijaemij x ne)

Abstract. *On the basis of analysis of Russian constructions всякий вменяемый... и ни один вменяемый... не the article features normative constraints influencing the conceptualization of category of "HUMANS" in Russian socio-cultural community. The analysis is based on the data extracted from the corpus of Russian Internet texts available from Sketch Engine platform. The used methodology includes methods of collocational analysis, semantic analysis and elements of quantitative analysis. The*

research leads us to the conclusion that, on the one hand, the normative representations regulate mostly the conceptualization of the characteristics that one must have in professional sphere, and, on the other hand, this regulations concern least of all gender or ethnical characteristics. In the professional world the most constrained by different norms are the professions of doctor, physicist, journalist and priest.

Key words: *norm, conceptualization, corpus linguistics, lingvoculture, social normalization.*

Изучение репрезентации нормативных представлений социального коллектива в языке – одна из классических проблем семантики, которой посвящены работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.М. Николаевой, Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон.

Исследовательская привлекательность категории нормы для лингвистов обусловлена тем, что, во-первых, ее проявления обнаруживаются на разных уровнях функционирования языка, а во-вторых, их изучение проливает свет на само содержание нормативных представлений, закрепленных в идеальной или субъективной картине мира социума [1].

Под нормой в данной работе понимается «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положение вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет в разрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [2].

Объектом исследования является содержание видовой нормы [3], негласно действующей для различных социальных групп, соответствие которой фиксируется при помощи конструкции *всякий вменяемый X...*, а несоответствие – *ни один вменяемый X не...*

Ставятся задачи выявления социальных групп, способных стать объектами подобного видового нормирования, и описания содержания субъективных нормативных представлений современного русского социума, являющихся основанием для оценки таких объектов.

Исследование выполнено на основе анализа корпусов платформы Search Engine.

Конструкции *всякий вменяемый X... / ни один вменяемый X не...* интересны тем, что, с одной стороны, представляют собой редкий случай практически «парного» объективатора субъективной видовой нормы – первая конструкция апеллирует к норме, к неким имплицитным представлениям о «прототипе» некоторой группы, а вторая обозначает аномалию, предваряя указание на действие, качество некоторого субъекта, исключаящие последнего из границ группы в силу несоответствия норме. С другой стороны, как показал первичный анализ метатекстовых данных при работе с НКРЯ, указанные конструкции характерны для современного устного, а также интернет-языка (рис.), что делает их своеобразным «кодом доступа» к актуальным обыденным представлениям о субъективной видовой норме.

Прилагательное *вменяемый*, первоначально принадлежавшее терминологической сфере права в значении ‘по своему психическому состоянию способный нести ответственность перед законом за свои действия’ (офиц.) [4], в последние десятилетия существенно расширило как сферу своего применения, так и семантический объем. Отметим среди относительно новых лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) прилагательного следующие:

1. Y может так охарактеризовать X-а, который, по мнению Y-ка, трезво оценивает ситуацию, принимает взвешенные решения (e.g. *вменяемый человек*).

2. Y так оценивает социального субъекта X, который понимает и разделяет нормы взаимодействия в социально-профессиональном коллективе, членом которого X является (e.g. *вменяемый менеджер*).

3. Y может охарактеризовать так объект или феномен X, если он соответствует ожиданиям некоторой социальной общности или является приемлемым в данной ситуации (e.g. *купить за вменяемые деньги*).

Нас будут интересовать первые два ЛСВ.

Исследовательский подкорпус формировался на платформе Sketch Engine в корпусе TenTen1 1.ru путем простых запросов (тип simple) *всякий вменяемый* и *ни один вменяемый не*.

По запросу *всякий вменяемый* был получен подкорпус из 71 контекста, который после применения отрицательных фильтров *лицо* и *субъект*, уменьшился до 59 контекстов.

По запросу *ни один вменяемый не* с применением тех же отрицательных фильтров был получен подкорпус объемом 525 контекстов.

Для оценки значимости коллокатов применялись индексы T-score и MI, для анализа контекстов – метод семантического анализа.

Конструкция *всякий вменяемый*... Самые высокие индексы T-score и MI получили коллокаты *человек* (4.116 / 9.240), *человека* (3.155 / 8.792), среди предикатов – глагольная форма *должен* (1.721 / 7.427). В подкорпус с коллокатом *человек*, полученном при помощи применения положительного фильтра «form человек», попало 19 употреблений.

Анализ высказываний показал, что конструкция *всякий вменяемый человек* (далее – ВВЧ) при *человек* в имен. падеже является своеобразным триггером для актуализации модусного смысла суждения, выносимого относительно некой сущности X (табл. 1) по модели *Я считаю, что X – P*, где в качестве P могут выступать модальные смыслы: 1) очевидность (P – ‘очевиден’):

(1) *Но вот к чему именно в жизни готовит ученика школа или институт – способен понять всякий вменяемый человек* (Я считаю, что X [умозаключение о предназначении школы] P [очевидно]);

2) доступность (P – ‘доступен, легок для выполнения’):

(2) *Всем этим нехитрым набором может овладеть фактически всякий вменяемый человек* (Я считаю, что X [действия] P [доступны]);

3) естественность (P – ‘естественен’):

(3) Как всякий вменяемый человек, ранее не имевших никаких клиентских отношений с таинственной фирмой ЗАО «Покупки на дом» Ада Николаевна ничего на послание фирмы не ответила, а сразу обратилась в отдел экспертиз и расследований нашей газеты и любезно предоставила нам оригинал письма (Я считаю, что X [действия Ады Николаевны] P [естественны]);

4) прескриптивность (P – ‘обязателен для выполнения’):

(4) Вообще, я считаю, что всякий вменяемый человек в наше время тоже должен свой блог как можно скорее закрыть из принципа, чтобы противодействовать мэйнстриму (Я считаю, что X [поступок ‘закрыть блог’] P [обязателен]);

5) неизбежность (P – ‘неизбежен’):

(5) Прекрасно понимая, что всякий вменяемый человек будет выходить на поле боя, образно говоря, не с клистирной трубкой, а с многоствольным пулеметом (или как они там называются? фазеры?), авторы заранее грозят нам указательными пальцами. Дескать, любители грубой силы будут... ((вслед за авторами) Я считаю, что X [положение дел, когда боец предпочитает мощное оружие] P [неизбежно]).

Вопрос о том, каково содержание признаков, соответствующих видовой норме для категории «человек», – один из нетривиальных вопросов, давно интересующих не только специалистов, но и писателей, философов. Например, в романе Романа Гари «Большая барахолка» нарратор описывает свои поиски нормативных признаков человека следующим образом:

«Как я смутно чувствовал, чтобы быть человеком, недостаточно соответствовать определению, на которое я однажды наткнулся в большой энциклопедии Ларуса («двурукое прямоходящее млекопитающее, наделенное речью и мышлением»).

– Это не монстр, месье, – сказал я. – Это человек, что гораздо хуже. Обыкновенный человек. И вот вам доказательство: у него болят зубы. [...] Никто ведь толком не знает, каковы отличительные признаки человека. Вот я вам и подсказываю: человек – это единственное млекопитающее, у которого могут болеть зубы».

Таблица 2

Описание элементов пропозициональной модели Я считаю, что X – P и содержания представлений о видовой норме для категории «человек»

Модусный смысл (кол-во примеров)	Тип X	Сочетаемость	Содержание нормативного признака
Очевидность (7)	Суждение, умозаключение	ВВЧ + Vментальной активности (поймет, понимает, придет к выводу, знает)	Способность мыслить
Естественность (5)	Мнение, суждение, действие	Как всякий ВВЧ, Y + V (прошед. время)	Наличие приобретенных в социуме привычек и моделей поведения

Модусный смысл (кол-во примеров)	Тип X	Сочетаемость	Содержание нормативного признака
Прескриптивность (4)	Поступок	ВВЧ должен	Способность к подчинению воле, нормам
Доступность (2)	Действие, деятельность	Может / способен + V + ВВЧ	Способность действовать
Неизбежность (1)	Положение дел	ВВЧ + V (буд. время)	Предсказуемость поведения, подчинение определенной логике

Тем не менее, согласно данным проведенного анализа, наиболее часто актуализируемый признак, соответствующий видовой норме для категории «человек» – его способность мыслить, интерпретировать происходящее в социальной и природной реальности; далее по частотности следует признак «наличие приобретенных в социуме привычек и моделей поведения»; за ним – «способность к подчинению воле, нормам», «способность действовать» и «предсказуемость поведения».

За исключением словоформы *человек*, другие коллокаты единичны и, по большому счету малоинформативны.

Таблица 3

Содержание нормативных признаков для субкатегорий категории «человек»

Социально-профессиональная группа	Кол-во	Глагол	Содержание нормативного признака
Обыватель	1	понимает	Способность понимать
Петербуржец	1	придет в удивление	Способность реагировать
Папаша	1	обучает	Способность передать опыт

Конструкция ни один вменяемый X не... При анализе подкорпуса был получен 131 коллокат, способных занимать позицию X. Все они – номинации человека по признакам (1) профессии; (2) социального статуса; (3) социальной роли; (4) рода деятельности; (5) национальности; (6) гендера. Иными словами, данные 6 групп являются субординатными категориями по отношению к суперординатной категории «человек». В свою очередь, по отношению к ним субординатными категориями еще более низкого уровня будут конкретные номинации профессий (*арборист*), социального статуса (*начальник*), рода деятельности (*политик*), социальной роли (*родитель*), национальности (*француз*), гендера (*женщина*).

Нами было выдвинуто две гипотезы: 1) чем выше частотность коллоката – конкретной номинации, тем значимей и содержательней в коллективном языковом сознании представления о видовой норме для данной социальной или профессиональной группы; 2) чем выше процент коллокатов, принадлежащих одной из 6 вышеназванных субординатных категорий, тем больше нормирована эта сфера человеческого существования.

Уточним, что в категорию «профессия» были помещены все коллокаты, к которым применима синтагма «X работает Y-ом», к категории «социальный статус» были причислены коллокаты, отвечающие 2 признакам: они обозначают 1) случайно приобретенный атрибут, не требующий подтверждения правомерности обладания им (например, *житель*) либо 2) атрибут, приобретенный без учета мнения участников сообщества, с которым взаимодействует человек (*начальник*). К категории «социальная роль» были причислены коллокаты, обозначающие неоспоримо заслуженные атрибуты личности человека, но требующие от носителя подтверждения правомерности обладания им, а также приобретаемые с одобрения участников сообщества, с которым взаимодействует человек. Категория «род деятельности» применялась в отношении тех коллокатов, которые номинируют определенный род профессиональных занятий, но, в строгом смысле, не являются профессией (*инвестор*, например).

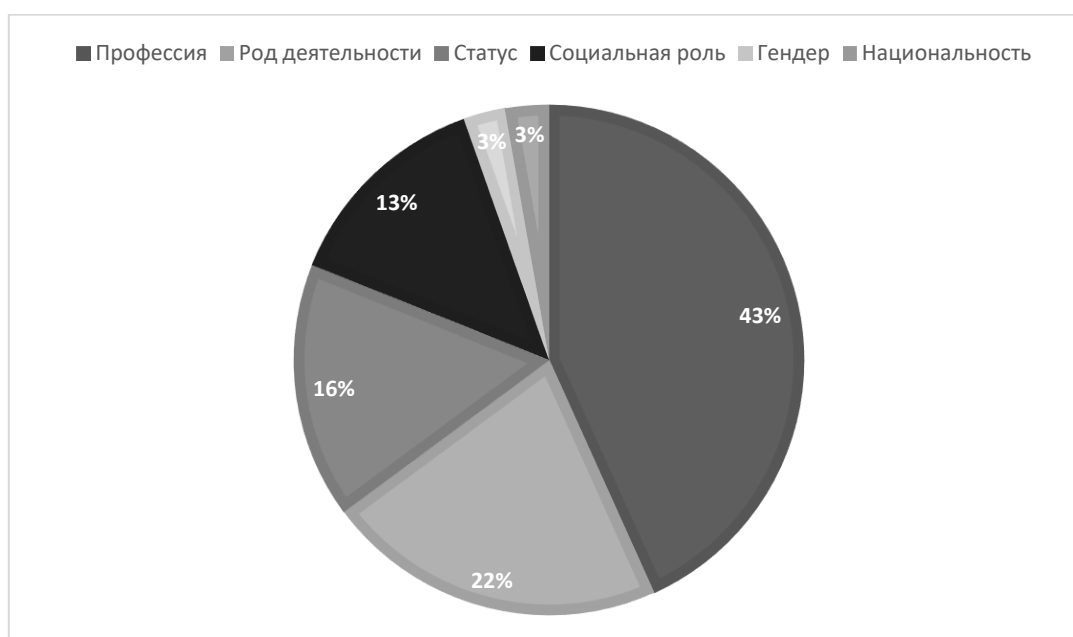
Подсчет абсолютной (АЧ) и относительной частотности (ОЧ) коллокатов (табл. 4) показал, что человеком, род деятельности которого предполагает высокий уровень нормирования, является *политик* – 9 употреблений в заданной конструкции (0,068); статус *руководителя* также предполагает большое внимание к соответствию такого человека нормативным представлениям (7 и 0,053); третье место по частотности (6 и 0,45) употребления в подкорпусе делят номинации *родитель*, *инвестор* и *врач*, репрезентирующие категории «социальная роль», «род деятельности» и «профессия», соответственно. Если учесть, что кроме словоформы *врач* отмечены по 2 употребления коллокатов *доктор* и *медик*, то сфера медицины, в коллективном языковом сознании носителей русского языка, по-видимому, обладает наиболее разработанной видовой нормой.

Таблица 4

Абсолютные и относительные частоты коллокатов

Коллокат	АЧ	ОЧ	Субординатная категория
1. Политик	9	0,068	род деятельности
2. Руководитель	7	0,053	Статус
3. Родитель	6		социальная роль
4. Инвестор	6	0,045	род деятельности
5. Врач	6		профессия
6. Бизнесмен	5	0,038	род деятельности
7. Работодатель	4		социальная роль
8. Житель	4	0,030	статус
9. Женщина	4		гендер
10. Журналист	3		профессия
11. Заказчик	3		социальная роль
12. Клиент	3		социальная роль
13. Менеджер	3		профессия
14. Предприниматель	3	0,022	род деятельности
15. Режиссер	3		профессия
16. Священник	3		профессия
17. Судья	3		профессия
18. Тренер	3		профессия
19. Физик	3		профессия

Коллокат	АЧ	ОЧ	Субординатная категория
20. Гитарист	2		профессия
21. Гражданин	2		статус
22. Дизайнер	2		профессия
23. доктор	2		статус
24. заводчик	2		род деятельности
25. застройщик	2		род деятельности
26. инженер	2		профессия
27. историк	2		профессия
28. медик	2		род деятельности
29. продавец	2	0,015	профессия
30. продюсер	2		род деятельности
31. редактор	2		профессия
32. свидетель	2		социальная роль
33. специалист	2		статус
34. учитель	2		профессия
35. француз	2		национальность
36. эксперт	2		статус
37. юрист	2		профессия

Распределение коллокатов по 6 субординатным категориям: профессия, род деятельности, статус, социальная роль, гендер, национальность

Согласно данным, представленным на рисунке, наибольшему нормированию в русскоязычном социуме подвергается профессиональная сфера, затем (в порядке убывания) – род деятельности, статус, социальная роль и в наименьшей степени – гендер и национальность.

Применение индексов T-score и MI позволило получить данные о наибольшей значимости коллокатов (табл. 5).

*Индексы устойчивости коллокатов, в позиции X в конструкции
ни один вменяемый X не*

Ранжированные по T-score	Ранжированные по MI
Политик – 3.315	Родитель –12.089
Инвестор – 2.837	Политик –12.015
Родитель – 2.645	Инвестор – 11.578
Врач – 2.628	Физик –11.314
Бизнесмен – 2.478	Бизнесмен 11.074
Работодатель – 1.998	Работодатель – 10.028
Предприниматель – 1.997	Предприниматель – 9.528
Житель – 1.997	Священник – 9.410
Физик – 1.731	Житель – 9.402
Заказчик – 1.729	Заказчик – 9.377
Журналист – 1.729	Журналист – 9.291
Священник – 1.729	Гражданин – 8.521
Гражданин – 1.727	Врач – 8.426

Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что независимо от формулы подсчета устойчивости коллокатов, лидерами в этих списках являются сочетания *ни один вменяемый политик не...*, *ни один вменяемый инвестор не*, *ни один вменяемый родитель не*. Очевидно, что концептуализация «должных» характеристик субъекта внутри данных видовых категорий связана с высоким грузом ответственности (социальной – политик, финансовой – инвестор и моральной – родитель), который несут представители данных групп (субординатных категорий).

Таким образом, корпусный анализ лексических единиц, способных занимать вакантную позицию в сочетаниях *всякий вменяемый ... и ни один вменяемый...не*, дает возможность понаблюдать за варьированием степени жесткости социального нормирования внутри категории ЧЕЛОВЕК и ее субординатных категорий в русской лингвокультуре. Результаты свидетельствуют о том, что имманентными характеристиками представителя категории ЧЕЛОВЕК являются его способность мыслить, интерпретировать происходящее в социальной и природной реальности; наличие у него приобретенных в социуме привычек и моделей поведения; способность к подчинению воле, нормам; способность действовать и предсказуемость поведения. Наиболее подверженной социальному контролю, по сравнению с субкатегориями «люди по роду деятельности, статусу, по социальной роли, по гендеру и национальности» оказалась сфера профессиональной деятельности людей, но, будучи рассмотрены вне субкатегорий, в фокусе нормирования оказываются люди тех родов деятельности и социальных ролей, которые несут весомый, с точки зрения социума, груз ответственности – политики, инвесторы и родители.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Урысон, Е.В. НОРМА, ОБРАЗЕЦ, СТАНДАРТ, ЭТАЛОН, ШАБЛОН: заметки о полисемии [Текст] / Е.В. Урысон // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. – М., 2011. – С. 347–358.

[2] Апресян, Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1 : Прагматика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки славян. культур, 2009. – С. 519.

[3] Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 69.

[4] Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 18-е, стер. – М. : Рус. яз., 1987. – С. 75.

Информация об авторе

***Колмогорова Анастасия Владимировна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, e-mail: nastiakol@mail.ru.*

***Kolmogorova Anastassia Vladimirovna** – Doctor in Philology, Full Professor, Head of the Department of Roman Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Svobodny st., 82, 660041, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: nastiakol@mail.ru.*

УДК 801:001.89

Т.Н. Кузьмина, Москва, Иркутск

КАТЕГОРИЯ «КАТЕГОРИЧНОСТЬ»

***Аннотация.** Изучение процесса категоризации предполагает обращение к языковым явлениям, представленным в форме категорий. Статья рассматривает применение экспериментальных методик на материале категории категоричности. С целью представления реального, объективного понимания значения категоричности были проведены рецептивный опрос и ассоциативный эксперимент. Статистический анализ полученных данных позволил выявить и ранжировать по степени эксплицитности прототипические значения категоричности.*

***Ключевые слова:** категория, категоризация, категоричность, рецептивный опрос, ассоциативный эксперимент.*

CATEGORY «CATEGORICALNESS»

Abstract. *Categorization processes research is interconnected with language categories. The article deals with the category “categoricalness” examined with the help of experimental techniques. To introduce real, objective understanding of categoricalness receptive survey and associative experiment were employed. Statistical analyses of given data contributed to introducing and prioritizing prototypical meanings of categoricalness.*

Key words: *category categorization, categoricalness, receptive survey, associative experiment.*

Мы упрощаем людей.
Так работает наш разум – либо да, либо нет.
Всему находим категорию.
Персонаж Оливии Уайлд, «Доктор Хаус»

Категоричные высказывания на первый взгляд ничем не примечательны. В повседневной жизни мы довольно часто сталкиваемся с категоричностью и достаточно легко сможем распознать, категоричен ли наш собеседник в своих взглядах, словах, поступках. Тем не менее задача четкого определения статуса категоричности не представляется тривиальной.

Предложенное нами заглавие работы выбрано неслучайно. Это отнюдь не тавтология и не плеоназм, а попытка категоризировать одну из ключевых компонент человеческого общения и поведения. Почему же категоричность мы считаем ключевой компонентой? Категоричные высказывания обладают мощным прагматическим потенциалом: они способны изменить не только текущие действия, поведение собеседника, но и решающим образом повлиять на ход мыслей, меняя его мировоззрение.

В одном из эпизодов фильма «Воспитание чувств» мы с уверенностью можем маркировать реплику главного героя как категоричную:

(1) *«I don't want to hear any French singing! French singing wasn't on the syllabus last time I looked!» (Никакой французской музыки! В учебном плане она не значилась, когда я его изучал! Перевод наш. – Т. К.; An Education, 2009).*

Не проводя лингвистического анализа высказывания, можно определить категоричность, выраженную в форме приказа и в повелительном, строгом тоне говорящего. Принимая во внимание весь контекст, представленный в фильме, можно судить о роли категоричности в долгосрочной перспективе. Незадачливый отец приказывает своей дочери выключить музыку и продолжать выполнять домашнее задание, не задумываясь, что его фраза отразится не лучшим образом

не только на их с дочерью взаимоотношениях, но и на поведении девочки в будущем. Франция, ее культура, музыка, стихи – это мечта для девочки, а подобный тон отца унижает, оскорбляет сокровенное.

Если продвинуться еще глубже в сущность категоричности, мы увидим, что это не такое однозначное явление, каким кажется на первый взгляд. Категоричность базируется на ассертивности и конфликтогенности [1], которые выступают как два полюса категории «уверенность». Категоричность тесно взаимосвязана с критикой, т.е. с категорией оценочности. Нам также представляется, что категоричные высказывания зачастую отличаются высоким уровнем эмоциональности, поэтому можно предположить взаимодействие категоричности и категории эмотивности. Если человек в своей критике «переходит на личности», то соответственно нарушаются правила категории вежливости. Таким образом, показанная многогранность категоричности может служить указанием и на ее категориальный статус. Исследуя категоричность как категорию, мы не просто сможем дать описание ее выражения в языке в русле традиционной лингвистики, но и попытаемся систематизировать ее структуральные компоненты, выявив ее реальное значение и особенности функционирования в речевой деятельности с позиции когнитивной лингвистики. Именно в данной дисциплине категоризация и выявление категорий осмысления действительности продолжает оставаться приоритетным направлением научных исследований.

Методологическая основа к изучению категорий была заложена плеядой выдающихся отечественных и зарубежных ученых [2]. Первоочередно исследователи обратили внимание на то, как происходит развитие мышления ребенка. Л.С. Выготский, анализируя работу Ж. Пиаже, указывает на существенную разницу виденья мира детьми – открытыми и непредвзятыми и взрослыми, переживающими мир в категориях [3]. Отнесение к какой-либо категории – это самое распространенное развивающее упражнение для ребенка. Мы даем разные по форме, цвету геометрические фигуры и просим распределить их на кружки, квадраты, треугольники. Мы показываем разные картинки для их распределения на категории животных, птиц, растений и т.д. Таким образом, формируется не только вокабуляр ребенка, но и базовый логический аппарат мышления. Как пишет Рескорла Л., уже к двум годам ребенок овладевает знанием о базовых категориях и принципах распределения на эти категории [4].

Категориальный механизм мышления может быть раскрыт путем выявления языковых категорий [5]. Хотя сам процесс категоризации происходит на бессознательном уровне, мы можем попытаться реконструировать его составляющие путем применения экспериментальных методик изучения и описания того или иного коммуникативного явления.

Обращаясь к категоричности, мы обнаружили пробел в толковании термина «категоричность» как в русском, так и в английском языках. Примечательно, что понятия «категория» и «категоричность» являются однокоренными: имея одно происхождение, они разошлись в значениях с течением времени.

Соотношение понятий «категория» и «категоричность»

	Категория	Категоричность
Этимология понятия	греч. <i>κατηγορία</i> «обвинение» от <i>κατηγορεῖν</i> «порицать, упрекать, обвинять» [6]	
Современное толкование	общее понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания [7]	–
Производные прилагательные	категориальный – соответствующий какой-либо категории [8]	категоричный / категорический – безусловный, решительный, четкий, ясный, не допускающий возражений, абсолютный, безапелляционный и т.д. [9]

Как видим, категоричный / категорический определяются через синонимичные прилагательные, которые варьируются в зависимости от словаря. Однако можем ли мы сформулировать определение термина «категоричность» путем преобразования прилагательных в существительные? Полагаем, что нет. К тому же, близкие по смыслу слова-дефиниции все же расходятся в значениях. Безусловный это не обязательно решительный, а решительный не обязательно четкий и ясный. Мы можем сказать «категоричный характер» и «решительный человек», но не можем сказать «ясный характер» или «безапелляционный человек». Мы полагаем, что анализ исключительно лексикографических источников не дает реального значения, особенно если изучаемое понятие является абстрактной категорией, как в нашем случае.

Для более объективного понимания категории категоричности мы провели рецептивный и ассоциативный опросы, целью которых было определение реального содержания понятия «категоричность» экспериментальным путем.

Студентам Московского государственного технического университета мы предложили рецептивный опрос в анонимной форме, направленный на написание субъективных дефиниций. Опрос состоял из 3 заданий:

- 1) продолжите фразу «Категоричность – это...»;
- 2) объясните значение слова «категоричность» человеку, который его в первый раз слышит (иностранцу);
- 3) опишите зрительный образ, который вызывает слово «категоричность»

По результатам опроса можно судить о трудностях, возникших у ребят при формулировке определения, так как не все предложенные задания были выполнены. Полагаем, все дело в том, что распознавание какого-либо коммуникативного явления происходит на подсознательном уровне: в большинстве случаев человек не прибегает к тщательному анализу коммуникативной ситуации. Когда нам говорят «Закройте, пожалуйста, дверь», у нас не возникает желания разобрать фразу на составляющие и, рассуждая над ними, прийти к выводу, что фраза представляет собой просьбу, ее можно отнести к категории вежливости и т.д. То же самое происходит с категоричностью. Высказывание «Быстро закрой дверь!»

в командном тоне, безусловно, является категоричным, хотя для понимания этого нам не приходится проводить сознательный анализ.

Таблица 2

Данные рецептивного опроса

	Задание 1	Задание 2	Задание 3
1	негативный настрой человека	–	мужчина 45 лет, спорящий с другим человеком, с красным от напряжения лицом
2	чувство, при котором человек бросается из крайности в крайность	–	весы, у которых перевешивает одна из сторон
3	резкое отношение к чему-либо	максимальная критика	критикующий человек
4	свойство характера вследствие чего человек поступает только так, а не иначе	когда человек не желает рассматривать другие варианты	бабушка
5	черта характера, заставляющая не менять своих взглядов убеждений	–	серьезный чиновник, строгий учитель
6	качество человека, которое подталкивает его на слишком резкие мысли, слова, действия	человек смотрит на что-то только с одного ракурса	громкий голос, темные глаза
7	явление строгого выбора; четкая структурированность сознания	пренебрежение вариативностью	общество в 1984 Оруэлла
8	–	–	Шипы
9	твердость в принятии решений	–	Дональд Трамп
10	–	если ты попытаешься мне сказать, что небо зеленое, я отвечу, что буду категорично доказывать, что днем оно синее, а ночью его не видно	Стенка

Несмотря на небольшое количество участников (данные частично представлены в табл. 2), проведенный нами эксперимент доказывает, что категории ментального порядка отличаются высочайшим уровнем субъективности, ведь их «творцом и архитектором является субъект говорящий и думающий – человек» [10]. Из 30 работ мы не встретили ни одного повторения, хотя, как видим, предложенные студентами формулировки указывают на тесную взаимосвязь категоричности и человеческого характера, категоричности и поведения человека в обществе. В задании 3, которое было выполнено всеми участниками опроса, мы встречаем не только конкретные примеры образа категоричного человека (мужчина 45 лет, строгий учитель, бабушка, Дональд Трамп) или особенности его

внешности (темные глаза), поведения (громкий голос), но и метафорические обороты (шипы, стенка, весы). Те ребята, которые, казалось бы, не понимают, что такое категоричность и не могут дать определение данному слову, легко справились с 3 заданием и описали их представление категоричности. Таким образом, полагаем, что при формировании любых категориальных структур, в том числе абстрактных, мышление человека изначально «рисует» некий образ данной категории и ее составляющих, а затем «приращивает» к этому образу конкретные примеры, ситуации.

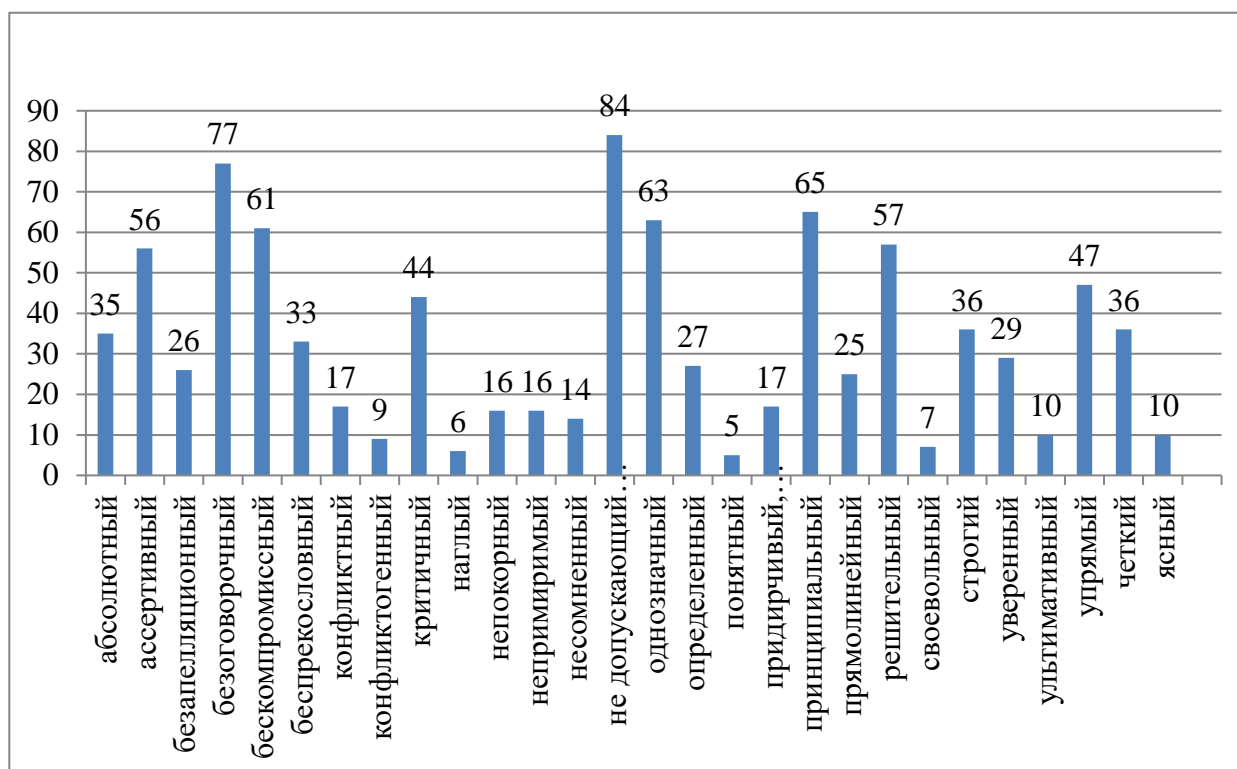
Второй этап исследования – ассоциативный опрос – мы провели среди студентов Байкальского государственного университета. Количество участников опроса составило 182.

Первое задание опроса заключалось в подборе синонимов к слову «категоричный / категорический». Методом сплошной выборки из толковых и тезаурусных словарей русского языка мы составили список из 28 синонимичных прилагательных. Участникам опроса было предложено выбрать 5 определений, отражающих наиболее близкие значения слова «категоричный / категорический»:

• абсолютный	• конфликтогенный	• однозначный	• своевольный
• асертивный (уверенный, стойкий в убеждениях)	(провоцирующий конфликт)	• определенный	• строгий
• безапелляционный	• критичный	• понятный	• уверенный
• безоговорочный	• наглый	• придирчивый, предвзятый	• ультимативный
• бескомпромиссный	• непокорный	• принципиальный	• упрямый
• беспрекословный	• непримиримый	• прямолинейный	• четкий
• конфликтный	• несомненный	• решительный	• ясный
	• не допускающий возражений		

Второе задание было направлено на ранжирование выбранных прилагательных: необходимо было проставить баллы по шкале от 1 до 5 от самого близкого по значению (1 балл) до наименее близкого по значению к слову «категоричный / категорический» (5 баллов). Таким образом, мы попытались выявить прототипические компоненты категоричности.

На рисунке представлены статистические данные, полученные в результате 1 задания. Подписи на вершине столбцов – это количество людей, которые выбрали данное прилагательное, как близкое по значению к слову «категоричный / категорический». Двумя наиболее типичными определениями, характеризующими категоричность, таким образом, являются «не допускающий возражений» (выбор 84 человек из 182) и «безоговорочный» (выбор 77 человек из 182). Следующие три определения отличаются небольшой разницей в сумме: принципиальный (65), однозначный (63), бескомпромиссный (61).

Шкалирование симиляров

Для аналитического представления результатов второго задания опроса мы подсчитали среднее значение выбранных определений (табл. 3). Таким образом, мы получили прототипические значения категоричности.

Таблица 3

Прототипические значения категоричности

№	Определение	Среднее значение
1	не допускающий возражений	2,4
2	безоговорочный	2,62
3	бескомпромиссный	2,73
4	принципиальный	2,9
5	однозначный	3,08

Итак, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Человеческому мозгу свойственно построение дискретных структур [11], т.е. распределение нашего опыта и знания на категории с четкими границами. Процесс коммуникативного поведения при этом не исключение. А в современном перенасыщенном информацией мире человеческая потребность к упрощению и категоризации. Безусловно, возрастает. Изучение коммуникативных категорий способствует достижению глобальной цели современной лингвистической науки – описанию и пониманию когнитивных механизмов осмысления действительности.

2. Предложенные экспериментальные методики исследования категорий, а именно рецептивный опрос и ассоциативный эксперимент, доказали свою валидность и, безусловно, способствовали выявлению более реального, объективного значения категоричности.

3. Тем не менее для представления корректной дефиниции термина «категоричность» как категории данные методики недостаточны. Коммуникативная категория – это, прежде всего, единство лингвистического и экстралингвистического содержаний, поэтому нашим следующим шагом будет комплексное исследование практического материала – категоричных коммуникативных актов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кузьмина, Т.Н. Психолингвистический статус категоричности (на материале русского языка) [Текст] / Т.Н. Кузьмина // Когнитивные исследования языка. Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – М. ; Тамбов, 2016. – Вып. XXV. – С. 830–836.

[2] Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания [Электронный ресурс] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики – 2006. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovye-kategorii-kak-format-znaniya> (дата обращения 12.10.2017); Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.; Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1990. – 631 p.; Rosch, E. Principles of categorization [Text] / E. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale : Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

[3] Выготский, Л.С. Мышление и речь: психологическое исследование [Текст] / Л.С. Выготский. – М. : Нац. образование, 2016. – 368 с.

[4] Rescorla, L. Category Development in Early Language [Text] / L. Rescorla // Child Language 8. – Great Britain, 1981. – P. 225–238.

[5] Костюшкина, Г.М. Когнитивный механизм речевой коммуникации [Текст] / Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова // Концептуальная систематика речевой коммуникации : кол. монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 9–54.

[6] Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-5021.htm> (дата обращения 01.06.2015).

[7] Толковый словарь русского языка Ожегова С.И. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения 16.03.2015).

[8] Ефремова, Т. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения 16.03.2015).

[9] Кузьмина, Т.Н. К вопросу о категоричности высказывания [Текст] / Т.Н. Кузьмина // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой

деятельности : материалы 9-й всерос. науч. конф. (15–16 окт. 2015 г.) / отв. ред. Г.М. Костюшкина. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 119–125.

[10] Костюшкина, Г.М. Роль системообразующего механизма в системных исследованиях языка и речи [Текст] / Г.М. Костюшкина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 68–74.

[11] Кибрик, А. Недискретность в языке, 2013 [Электронный ресурс] / А. Кибрик. – URL: <https://postnauka.ru/video/20877> (дата обращения 11.11.2016).

Информация об авторе

Кузьмина Татьяна Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный технический университет им. Н.Э Баумана; аспирант, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzmina.tat.nik@yandex.ru.

Kuzmina Tatiana Nikolaevna – tutor of the Department of foreign languages, Bauman Moscow State Technical University; post-graduate student, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: kuzmina.tat.nik@yandex.ru.

УДК 81-23

Д.В. Павленок, Иркутск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОД КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Опираясь на системный подход, автор статьи выявляет и описывает когнитивный механизм формирования образа преподавателя в языковом сознании российских и французских студентов. Вводится понятие профессионального кода, рассматриваемого как разновидность кодов культуры, связанных с профессиональной деятельностью преподавателя и определяющих совокупность ценностных установок и ментальных структур, на основе которых носители определенной лингвокультуры опознают и оценивают человека как представителя определенной профессии. При помощи контент-анализа результатов ассоциативного эксперимента выделяются и описываются компоненты профессионального кода преподавателя.

Ключевые слова: языковое сознание; системный подход; когнитивный механизм; свободный ассоциативный эксперимент; преподаватель.

PROFESSIONAL CODE AS A COGNITIVE MECANISM
OF THE PROFESSOR IMAGE FORMING
IN NATIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

***Abstract.** On the basis of the system approach the author of the article elucidates and describes the cognitive mechanism of the professor's image forming in the language consciousness of Russian and French students. A new concept of the professional code of the culture has been introduced and it is determined as a sort of culture codes linked to the professor's professional activities and which determines the total of value attitudes and mental structures based on which the culture members identify and estimate a person as the representative of certain profession. The content analysis of the results of the associative test helps consider and describe components of the professional code of the professor.*

***Key words:** language consciousness; systemic approach; cognitive mechanism; free association test; professor.*

Обращение ученых-исследователей к изучению механизма познания человеком окружающей его действительности привело к смене ракурса исследований в сторону антропоцентризма, согласно которому научные объекты интерпретируются исходя из своей роли для самого индивида, познающего объективную реальность, назначения в процессе жизнедеятельности.

Следует отметить, что наше исследование проходит системно, в рамках системного подхода. В настоящее время данный подход, появившийся в связи с изучением проблем организации и функционирования сложных объектов, широко используется в различных областях научного познания. Для более эффективного изучения научного объекта исследователи, поясняет Г.М. Костюшкина, прибегают к понятию системы, рассматривая объект как внутренне и внешне структурированную организацию, в которой системные (парадигмальные) отношения определенным образом организованы. Основанием такой организации, по мнению исследователя, является концептуально-категориальный или когнитивный механизм, который и делает систему системой. Выявление данного механизма, по мнению автора, является важнейшим звеном в определении глубинной семантики изучаемой языковой системы, которая никогда не проявляется целиком в эксплицитной (в нашем случае вербальной) форме [1].

Для выявления системной организации образа преподавателя в языковом сознании студентов важным элементом является обнаружение воплощения когнитивного механизма формирования исследуемого образа. Для нас таким механизмом является профессиональный код, который определяется при помощи описания полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакций респондентов на основе их дальнейшей классификации исходя из предложенных компонентов и семантических групп исследуемого образа.

Прежде всего, обратимся к рассмотрению общего понятия кода, представленного в толковых словарях. Большинство словарей определяют код в широком смысле, а именно как набор условных знаков и их комбинаций, совокупность правил, норм, соотносящих определенные «значения» с принятыми знаками для дальнейшей передачи, обработки и хранения закодированной информации [2]. В социолингвистике исследователи понимают код как языковую структуру, применяемую как средство коммуникации в определенной ситуации общения [3]. При этом совокупность кодов и субкодов составляет социально-коммуникативную систему сообщества [4]. В нашей работе под кодом мы понимаем особым образом упорядоченную систему знаков, совокупность значений, норм, правил, в основе которой лежат глубинные когнитивные механизмы соотнесения используемых знаков с определенными значениями с целью их дальнейшей трансляции.

Что касается самих кодов культуры, то наиболее полное определение данного понятия дается в Большом толковом словаре по культурологии Б.И. Кононенко, где коды культуры трактуются как множество знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые материализуются в каждом предмете материальной, духовной деятельности человека [5].

Для нашей работы рассмотрение кодов культуры в психолингвистическом и лингвокультурологическом контексте является наиболее плодотворным. Существуют следующие точки зрения на рассматриваемый нами феномен.

В.В. Красных трактует коды культуры как некую культурную «сетку», набрасываемую на окружающую действительность, при помощи которой культура структурирует, категоризирует и оценивает его [6].

Развивая аналогию с «сеткой», Н.Ф. Алефиренко приходит к выводу, что коды культуры создают определенную матрицу, систему координат, на основе которых как раз и функционируют в сознании человека эталоны культуры [7]. При этом важным для нашего исследования представляется мысль данного автора, что, несмотря на то, что эти категории обладают универсальной природой (принадлежат любому человеку), но их воплощение в разных языках не одинаково, т.е. выражение кодов, их соотношение, образы языка, в которых они манифестируют себя, всегда обусловлены конкретной культурой.

В рамках нашего исследования актуальным является понимание культурного кода как набора определенных ментальных структур, на которых базируются процессы переноса культурного знания в культурные значения («означивание») при помощи процесса сопоставления с культурными и ценностными смыслами, свойственными конкретному лингвокультурному сообществу.

Как отмечают многие исследователи в области лингвокультурологии и лингвосемиотики культуры, коды культуры напрямую соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека об окружающем его мире и самом себе. В соответствии с этим выделяют различные виды культурных кодов.

В.В. Красных, указывая на то, что изначально культурных кодов не может быть много, выделяет следующие базовые коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [8].

Г.В. Токарев, предлагая рассматривать в качестве основы формирования и выделения базовых кодов более глубокие культурообразующие принципы (ранние формы религии), определяет данную категорию через базовый образ в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. По мнению автора, базовым элементом антропоморфного культурного кода будет «человек», фетишного – «предмет», биоморфного – «растение» / «животное», анимического – «природная стихия», акционального – «действие» и т.д. [9]. М.Л. Ковшова, основываясь на тематическом принципе, создает классификацию культурных кодов, включающую в себя природный, антропный, соматический, пищевой, цветовой, космический и другие [10]. Таким образом, анализ существующих работ по данной научной проблематике показал, что в большинстве случаев коды культуры вычлняются и анализируются на основе рассмотрения различного рода метафор и идиоматических выражений.

В нашем случае, принимая во внимание наличие этнокультурного компонента в языковом сознании, нам бы хотелось выявить, описать определенные коды культуры, связанные с профессиональной деятельностью преподавателя. Иными словами, профессиональный код – культурный код, преломляющийся в определенной области (в данном случае в области преподавания в высших учебных заведениях). Данный код определяет совокупность ценностных установок и ментальных структур, на основе которых носители определенной лингвокультуры опознают и оценивают человека как представителя определенной профессии.

Профессиональный код играет ведущую роль в функционировании системобразующего когнитивного механизма, моделируя и структурируя определенный компонент системы. Он имеет прототипическую структуру, в основе которого лежит полевой, ассоциативный метод с выделением на основе полевого принципа ядерной и периферийной частей. Для нас представляется наиболее перспективным описание ядерной зоны профессионального кода в структуре когнитивного механизма формирования образа, т.к. именно в ней, на наш взгляд, сконцентрирован прототипный код носителя исследуемой профессии в языковом сознании респондентов.

В качестве метода исследования был выбран свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 250 российских и 250 французских студентов. Испытуемым был предложен список из 16 слов-стимулов, отобранных в процессе пилотажных серий эксперимента.

Полученные ассоциативные реакции были проанализированы на основе выделенных нами группах стимулов, отражающих следующие компоненты исследуемого образа: субъекты учебного процесса – преподаватель / *unprofesseur*, студент / *unétudiant*; профессиональная деятельность преподавателя – преподавать / *enseigner*; формы организации профессиональной деятельности – занятие / *uncours*, экзамен / *unexamen*; оценка профессиональной деятельности – интересный / *intéressant*, скучный / *ennuyeux*; профессиональные качества преподавателя – строгий / *sévère*, авторитетный / *autoritaire*, высококвалифицированный / *(hautement) qualifié*; личные качества преподавателя – умный / *intelligent*, мудрый /

sage; оценка личности преподавателя – справедливый / *juste*, несправедливый / *injuste*; отношение к преподавателю – уважать / *respecter*, критиковать / *critiquer*.

Проведенный таким образом анализ реакций респондентов выявил некоторые особенности профессионального кода исследуемого образа.

1. При рассмотрении ядра прямых ассоциативных реакций на стимул преподаватель / *unprofesseur* было обнаружено, что преподаватель в России – это, прежде всего, *учитель*, работающий в *университете*. Он *учит*, проводит *занятия* и *пары*, дает *знания* студентам, является их *наставником*. С одной стороны, преподаватель воспринимается российскими студентами, как человек *строгий* и *требовательный*, а с другой стороны, *справедливый*, *умный* и *хороший*. Преподаватель же во Франции – это также *enseignant* ‘учитель’, который ассоциируется с процессом обучения (*apprendre* ‘учить’) и обладанием знаниями (*savoir* ‘знания’). Он дает *devoirs* ‘задания’, объясняет *règle* ‘правило’, пишет на *tableau* ‘доске’. Но данный образ больше соотносится с самим процессом обучения: реакции *étude(s)* ‘учеба’, *enseignement* ‘образование’, *cours* ‘урок, занятие’ др. Главное отличие состоит в том, что французы воспринимают преподавателя, прежде всего, как человека, работающего в *école* ‘школе’, а российские респонденты относят его больше к сфере высшего образования (частотная реакция *университет*).

2. На уровне профессиональной деятельности преподавателя оказалось, что для всех участников эксперимента преподавание воспринимается как процесс передачи знаний: *знания*, *давать знания*, *отдавать*, *transmettre* ‘передать’, *donner* ‘давать’. Интересно, что французские студенты напрямую соотносят преподавателя с процессом преподавания (вторая по частотности реакция *prof(esseur)* ‘преподаватель’ на стимул преподавать), в то время как для россиян важна не столько личность преподавателя, сколько качество осуществляемого им процесса обучения (реакции *интересно*, *сложно*, *качественно*, *хорошо*).

3. Связь образов преподавателя и студента обнаруживается не на уровне непосредственного взаимодействия (отсутствие реакции *преподаватель* / *professeur* на стимул студент / *unétudiant* и наоборот), а опосредованно, через формы организации профессиональной деятельности, отношение к преподавателю и т.д. Так, в отличие от французских испытуемых, российские студенты относятся к экзамену достаточно эмоционально: преподаватель принимает экзамен, который вызывает не только *стресс*, но и *волнение*, *ужас*, *кошмар*, *страх* и т.д. А занятие российский преподаватель ведет *интересное*, даже *веселое*, но с другой стороны оно может быть *долгим* и *скучным*. 85 % ядерных французских реакций на стимул занятие вообще носит нейтральный характер: они больше связаны с названиями конкретных предметов (например, *anglais* ‘английский’, *français* ‘французский’, *marketing* ‘маркетинг’). Можно предположить, что российские учащиеся считают, что преподаватель должен вести интересный предмет / занятие, иначе его дисциплину будут считать скучной или он сам будет расцениваться как скучный человек. У французских же респондентов мнение немного другое: хотя им интересны определенные предметы, скучными являются как предметы и занятия в целом, так и конкретные дисциплины, при этом сама личность преподавателя для них не имеет значения.

4. По сравнению с французами образ преподавателя в России отличается большей степенью оценочности. Так, российские студенты считают *преподавателя* авторитетным (вторая по частотности реакция), высококвалифицированным (четвертая по частотности реакция), мудрым (вторая по частотности реакция), справедливым (вторая по частотности реакция), несправедливым (первая по частотности реакция). Интересно отметить, что такое профессиональное качество, как строгость обнаруживается в высокочастотных реакциях анкетированных обеих стран.

Итак, с помощью проведенного нами исследования была сделана попытка описания профессионального кода в структуре когнитивного механизма формирования образа преподавателя. Анализ полученных данных показал, что в языковом сознании российских студентов существует ярко выраженный профессиональный код, представляющий собой некий эталон, совокупность представлений, соотносимых с образом «идеального преподавателя», обладающего набором необходимых профессиональных и личностных качеств, который постоянно соотносится с реально встречаемыми преподавателями, их профессиональными и личностными качествами, отношением к профессиональной деятельности. Французские респонденты не выставляют такую жесткую систему требований к преподавателю и осуществляемому им образовательному процессу, ассоциируя его в основном с учебной деятельностью, учебными предметами, наделяя его лишь таким качеством, как строгость. При этом выявлено, что статус преподавателя во Франции является более высоким, что позволяет выстраивать профессиональное общение со студентами в вертикальной иерархии (на подобии отношений «начальник – подчиненный»), в то время как в России такие отношения реализуются больше в горизонтальной плоскости, что влечет за собой постоянное оценивание преподавателя студентом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Костюшкина, Г. М. Когнитивный механизм речевой коммуникации [Текст] / Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова // Концептуальная систематика речевой коммуникации : кол. монография / под ред. Г. М. Костюшкиной. –Иркутск : ИГЛУ, 2014. – С. 9–54.

[2] Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения 15.04.2018); Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/index.php (дата обращения 15.04.2018).

[3] Словарь социолингвистических терминов [Электронный ресурс] / отв. ред В.Ю. Михальченко. – М. : ИЯ РАН, 2006. – URL: http://www.ilingran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (дата обращения 15.04.2018).

[4] Словарь социолингвистических терминов. Указ. соч.

[5] Большой толковый словарь по культурологии [Электронный ресурс] / Б.И. Кононенко. – 2003. – URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения 20.04.2018).

[6] Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

[7] Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

[8] Красных, В.В. Указ. соч.

[9] Токарев, В.Г. Образ человека в русской картине мира [Электронный ресурс] / В.Г. Токарев. – 2012. – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-010.pdf> (дата обращения 20.04.2018).

[10] Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) [Текст] : дис. ... док. филол. наук : 10.02.19 / М.Л. Ковшова. – М., 2009. – 654 с.

Информация об авторе

Павленок Дарья Валерьевна – аспирант, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: dpravlenok@mail.ru.

Pavlenok Daria Valerievna – post-graduate student, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: dpravlenok@mail.ru.

УДК 81-37

М.А. Пащенко, Чита

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимодействия концептов в концептосфере языка и способов установления межконцептуальных отношений. В статье рассматривается роль метафоры во взаимодействии концептов, приводятся некоторые известные классификации функций метафоры, ее место в структуре концепта, устанавливается соответствие функционального типа метафоры и типа концепта, в структуре которого присутствует метафора. Также выявляются особенности метафоры, основанной на религиозных понятиях. В статье также рассматриваются некоторые результаты взаимодействия концептов, а именно, процесс формирования новых концептов или смыслов уже существующих концептов.

Ключевые слова: межконцептуальные отношения, функциональные типы метафоры, языковой знак

M.A. Paschenko, Chita

METAPHOR AS A WAY OF ESTABLISHING INTERCONCEPTUAL RELATIONS

***Abstract.** The article is devoted to the question of the interaction of concepts in the conceptual sphere of language and ways of establishing inter-conceptual relations. The article deals with the role of metaphor in the interaction of concepts, provides some well-known classifications of metaphor functions, its place in the structure of the concept, establishes the correspondence of the functional type of metaphor and the type of concept in the structure of which there is a metaphor. Also identifies the features of the metaphors that are based on religious concepts. The article also discusses some results of the mutual action of concepts, namely, the process of forming new concepts or meanings of existing concepts.*

***Key words:** interconceptual relations, functional types of metaphor, language sign.*

Концепты, составляющие концептосферу языка, не существуют в нем изолированно друг от друга. Они взаимодействуют, устанавливая связи между понятиями, выраженными языковыми единицами. Концепт, являясь ментальной единицей, представлен в языке языковым знаком – лексемой, фразеологизмом, паремией или требует иной, более сложной формы репрезентации [1]. Многомерность, многослойность концепта позволили определить его как ментальное образование, имеющее полевую структуру [2]. Вместе с тем концепт трактуется как нечеткое ментальное образование [3]. Нечеткость концептов выражается в «проницаемости» номинативных полей, т.е. в возможности установления связей между ними. Языковой знак (лексема, фразеологизм, паремия и др.), обозначающий как основные, ядерные, так и второстепенные концептуальные смыслы, может служить точкой пересечения номинативных полей разных концептов. При этом, языковой знак, попадая в интерпретационную зону номинативного поля другого концепта, испытывает семантические изменения, сохраняя свою форму, т.е. происходит метафоризация. Метафора – это всегда употребление уже готового языкового средства наименования как способа создания нового его значения [4].

Концепт, являясь совокупностью различных смыслов, в процессе его освоения языковой личностью, актуализирует разные признаки и их совокупности, поэтому и языковой знак представляет концепт в языке не полностью, а номинирует лишь те концептуальные признаки, которые релевантны для сообщения [5]. Некоторые концептуальные признаки могут быть актуализированы посредством метафоры. Метафора способна представить концептуальные признаки одного

концепта через языковой знак, номинирующий признаки другого концепта, основываясь на своей семантической двойственности ее значении (свойстве актуального субъекта) и образе ее вспомогательного субъекта [6]. Метафора базируется на коннотациях, которые отражают различное восприятие предметов окружающей действительности – потребительское, эмоциональное или суеверное [7]. В.Н. Телия характеризует процесс метафоризации следующим образом: «Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь "вплетается" и в картину мира, выражаемую языком» [8]. То есть данный процесс можно обозначить как процесс установления межконцептуальных отношений.

Н.Д. Арутюновой выявлены два типа метафоры: идентифицирующий и предикатный. Один из этих типов идентифицирует объект, семантически описывая его как уже существующую реалию [9]. Данный тип метафоры, идентифицируя объект через номинативные средства другого, создает определенный тип отношений между концептами, применяя общее имя к разнородным объектам по признаку простого сходства. Данный тип межконцептуальных отношений строится, помимо метафоры, на валентных связях лексем, номинирующих данные концепты: «оболочкой» в этом случае является периферическое значение концепта, отражающего внешний вид объекта, и является определяемым словом, а содержательная часть – сам объект – выступает в роли определения (напр., луковица церкви). Данный тип межконцептуальных отношений характерен для предметных / бытовых (артефактных и натурфактных концептов) и служит для образования нового предметного концепта.

Другой тип метафоры выполняет когнитивную функцию и формирует новый концепт, организуя его посредством ассоциативных механизмов подобия, и на основе такого моделирования создает предикатный тип значения, отображающий не предметы, а отвлеченные от них признаки признаков [10]. Это создает концепты уже другого порядка. В образовании данных типов концептов участвуют и номинации предметов в их переносных значениях, но они сочетаются с номинациями абстрактных либо мифологических понятий: «языковая картина мира создается красками так называемой конкретной лексики и опредмечиванием процессуальных значений, а также использованием синтаксических конструкций, изначально отображавших отношения между элементами предметно воспринимаемой действительности, в том числе и лицами как производителями физических действий» [11].

Классификация функций метафор, представленная В.Н. Телия, предусматривает деление метафорических номинаций на идентифицирующую (индикативную, вызывающую физический образ объекта), когнитивную (предикатный тип значения, отображающий не предметы, а отвлеченные от них признаки признаков), оценочную, оценочно-экспрессивную (эмотивную), образно-эстетическую [12].

Рассмотрим примеры роли метафоры во взаимодействии концептов, входящих в религиозную сферу, таких, как *Бог* и *дьявол* с концептом *ЧЕЛОВЕК* и рядом других концептов.

Прежде всего, обратимся к словарным значениям лексем, вербализующих одноименные концепты.

1. Человек. Среди словарных определений присутствуют следующие:

1. Живое существо, в отличие от животного. обладающее даром речи, мысли и способностью производить орудия труда и пользоваться ими // Носитель каких-л. качеств, свойств (обычно с определением); личность. 2. Обладатель лучших интеллектуальных или моральных качеств [13].

Следуя словарному определению, выделим такие концептуальные значения, как «носитель к-л качеств, свойств» – физических, моральных и интеллектуальных. Именно эти значения связывают данный концепт с концептами *БОГ, ДЬЯВОЛ*.

2. Бог. *1. Одно из сверхъестественных существ, управляющее какой-л. частью мирового целого, влияющее на ту или иную сторону жизни (в античной мифологии и в некоторых формах религии) // перен. Человек могущественный, обладающий властью над другими людьми. // перен. Человек необычайной творческой одаренности. 2. перен. Предмет поклонения, восхищения; кумир.*

3. Дьявол. *В религиозной мифологии: злой дух, противостоящий Богу, сатана, употр. как бранное слово, а также в некоторых выражениях [14].*

Дьявол. *1. По религиозным представлениям: злой дух, черт, сатана; воплощение злого начала. Д. на грех подбивает. Д. в кого-л. вселился. Глаза горят, как у дьявола. Хитер, умен как д. 2. Разг. О злом, коварном человеке. Настоящий д.! Не верю я этому дьяволу. Этот д. на всё способен. ♦ Желтый дьявол. О золоте, деньгах, властвующих над человеком [15].*

Приведенные словарные значения выявляют особенности метафоры, образуемой на основе религиозных (мифологических понятий):

– перенос свойств абстрактного (мифического) на абстрактное (морально-нравственную и эмоционально-чувственную сферы);

– мифологическая сущность, наделенная определенными качествами (также присущими человеку, но доведенными до совершенства), переносит их на субъект реальности – на человека, выполняя при этом оценочную функцию – передавая субъекту реальности свои свойства – доброту, справедливость, зло, коварство и т.д.

Проанализируем примеры, в которых лексем, вербализующие одноименные концепты-мифологемы, употребляются в метафорическом значении в русскоязычных текстах светского характера (блогах) и взаимодействуют с номинативными полями других концептов:

(1) Это же не просто человек – это Ленин! А Ленин был Самым Человечным Человеком в ранге бога. Как можно похоронить бога? Сенатор Морозов предлагает захоронить Ильича по месту прописки – то есть прямо в Мавзоле (Антон Орехъ. Блог. Эхо Москвы).

(2) Бог не может простудиться. Как будто сам факт простуды может вызвать смятение в народе и поставить судьбу страны под удар. Конечно, ведь

*бог не может простудиться! И теперь уже начинают гадать, как его простуда скажется на избирательной кампании. А вдруг народ, узнав, что **Путин – человек**, предпочтет проголосовать за Грудина или за Бабурина!*

(Антон Орехъ. Блог. Эхо Москвы).

(3) *Ты **Путину** об этом скажи ... **Прямая линия с богом** не за горами* (Г. Гудков. Блог. Эхо Москвы).

(4) ***богу**, то есть **путину** молиться чтоб стал бессмертным и правил вечно...* (В. Шендерович. Блог. Эхо Москвы).

(5) *Создатель литературного языка. **Бог русского языка**. Всеми признанный и чтимый. Сам написал (в «Онегине»):*

Как уст румяных без улыбки;

Без грамматической ошибки

Я русской речи не люблю.

Но это – про устную речь. А к письменной был придирчив до крайности

(А. Минкин. Блог. Эхо Москвы).

В примерах 1–5 номинация *Бог* создает оценочно-эмотивную метафору в интерпретационной зоне концептов *БОГ* в переносном значении *ЧЕЛОВЕК* в значении «человек, наделенный особыми качествами» с персонификацией (*Ленин, Путин, Пушкин*).

(6) *Все люди на вершине **Власти** такие же как мы, со своими эмоциями, увлечениями и т.д., и невероятно глупо требовать от них **божественно безупречного поведения*** (А. Малашенко. Блог. Эхо Москвы).

Когнитивная метафора, в данном примере выполняет эмотивно-оценочную функцию, устанавливая связи между концептами *БОГ* и *НРАВСТВЕННОСТЬ*. Концепт-мифологема в данном случае, является подчиненным концепту *НРАВСТВЕННОСТЬ* и служит определением степени нравственности, т.е. выполняет эмотивно-оценочную функцию. Нового концепта в данном случае не создается, а метафора-определение служит одним из способов актуализации концепта *НРАВСТВЕННОСТЬ*. Взаимодействие концептов происходит в их зонах интерпретации.

Фразеологизмы, являясь одним из способов вербализации концептов, имеют более сложную структуру, и метафора в них несет бóльшую функциональную нагрузку:

(7) *По сравнению с Украиной мы **Божьи одуванчики**. Людей не убивают, Градами по мирным городам не стреляют, людей, как в Одессе, живых не жгут...* (М. Захарова. Блог. Эхо Москвы).

(8) *Сдается мне, что **Божья роса** излилась как раз в направлении департамента МИДа, а не за циничный, лживый и хамский бугор* (М. Захарова. Блог. Эхо Москвы).

(9) *Сакральный вестник «**Божья роса**»* (проект Гоголь в чате).

(10) *Из глубинки и вообще из **Богом забытых углов** «вытаскивались» пацаны, которые, как правило, домой уже не возвращались, а шли на стройки, учиться и т.д., пополняя рабочие кадры страны* (блог передачи Призыв в армию).

Примеры 7–10 показывают возможность употребления «метафоры в метафоре». Фразеологизмы, включающие периферическое значение концепта-мифологемы БОГ и переносного значения имени предметного концепта, сами являются метафорической репрезентацией третьих концептов: фразеологизм *Божий одуванчик* представляет концепт ЧЕЛОВЕК с характеристикой *безобидный*; фразеологизм *Все божья роса* – (словарное толкование: *Разг. Экспрес. Ничто не волнует к-л.*) – реализует концептуальный смысл «равнодушие, бесчувственность» [16], *Богом забытый угол* – провинция, захолустье.

(11) *Дьявол в деталях. Дело в том, что настоящий Дьявол в Кремле!* (М. Королева. Блог. Эхо Москвы).

В данном примере употребления оценочной и оценочно-эмоциональной метафоры (переносных смыслов концепта ДЬЯВОЛ), в первом случае идиома является одним из вариантов репрезентации концепта КОВАРСТВО – одного из ядерных смыслов концепта ДЬЯВОЛ. *Дьявол в деталях* – выражение, означающее, что в любом явлении есть малозаметные составляющие, которые сильно влияют на его суть [17]. Второе употребление лексемы *дьявол* является метафорой, реализующей концепт ЧЕЛОВЕК, связанный, в свою очередь, с концептом КОВАРСТВО (зло).

(12) *Ой, Патриарше, сколько их, дьяволов, на этом сайте! Радующихся убиенным детям. И депутаты среди них, и преподаватели ВУЗов, и руководители политических партий* (Патриарх Кирилл. Блог. Эхо Москвы). В данном примере метафорическое обозначение людей с отрицательными моральными качествами реализует концепт ЧЕЛОВЕК, коррелирующий с концептом ЖЕСТОКОСТЬ (зло).

(13) *Илья Новиков рассказал об адвокатах дьявола и дьяволе адвокатов* (В. Радионов. Блог. Эхо Москвы)

Два употребления переносного значения слова *дьявол*, реализующие смыслы одноименного концепта, являются оценочными метафорами. Первая идиома, сформировавшаяся в профессиональной юридической концептосфере, включает смыслы «защитник (адвокат)», и «зло» и в результате создает новый концепт. Второе выражение является окказионализмом, и объясняется его автором как особое личностное качество, позволяющее иметь особое мнение и заниматься разрешением сложных и противоречивых профессиональных ситуаций. В результате сочетания данных понятий создается концепт, относящийся к идеосфере языковой личности.

(14) *Еще десять лет назад на конкурсе под названием «Имя России» победил Сталин. Потому что сколько бы люди не покупали себе машин, квартир даже, они все равно чувствуют себя обманутыми и ничего с этим уже не поделаешь. Они ждут, жаждут прихода нового Воланда на их землю. Да, дьявола в человеческом облиции, но дьявола справедливого. Дьявола, у которого после смерти осталось лишь две пары сапог (одни мягкие, бесшумные, в которых не слышны шаги Командора), один френч и один военный мундир, победный. Люди мечтают, что придет такой Воланд со своей нечистой силой на нашу землю и покажет сеанс черной магии с последующим разоблачением. ...После*

поражения в Первой мировой немецкий народ потерял почти всё: территории, деньги, собственное имперское величие. Да, он чувствовал себя униженным и оскорбленным в лучших чувствах. И тоже ждал своего Воланда. И Воланд пришел... Что было дальше, Михаил Булгаков уже не узнал, он умер. Зато мы знаем (А. Мельман. Блог. Эхо Москвы).

В данном примере метафорическое употребление лексемы *дьявол* (и синонима-имени *Воланд*) также соотнесено с конкретными личностями (*Сталин, Гитлер*), являющимися формами репрезентации концепта *ЧЕЛОВЕК* и связанных с ним концептов морально-нравственного и политического спектра: *СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ВЛАСТЬ, МОГУЩЕСТВО, ТИРАНИЯ, ВОЙНА* и др. (ДОБРО, ЗЛО).

Примеры показывают, что лексемы *Бог, дьявол* (и их синонимы), вербализующие одноименные концепты, являются точкой пересечения номинативных полей данных концептов с концептом *ЧЕЛОВЕК* в зоне образования метафоры (в интерпретационном поле). В данном случае метафора выполняет оценочную, либо оценочно-экспрессивную функцию [18]), связываясь, таким образом, с концептами, представляющими абстрактные понятия: *ДОБРО* (*справедливость, нравственность*), *ЗЛО* (*коварство, жестокость*) и т.д.

Структура метафорических выражений также различна. При формировании предметных концептов лексемы имеют предметные денотаты, а при создании концептов более высокого порядка встречаются наименования с «двойной» семантикой – конкретной и абстрактной [19], либо мифологемы в сочетании с предметными или абстрактными именами.

Анализ примеров позволяет сделать вывод, что взаимодействия концептов происходят посредством образования метафор обоого типа (по Н.Д. Арутюновой). Метафоризация первого типа – по признаку сходства – вводит номинации значений одного концепта в интерпретационное поле другого, создавая предметные концепты. Метафоризация второго типа создает концепты, основанные на абстрактных понятиях. В этом случае могут возникать новые валентные связи между лексемами, создаются идиомы и тропы, например, ирония и сарказм. В подобных случаях лексическими средствами одного концепта могут актуализироваться смыслы концептов-антагонистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007. – С. 47.

[2] Попова, З.Д. Указ. соч.– С. 77–81.

[3] Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М., 2000. – С. 9.

[4] Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] / В.Н. Телия – 2006. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_66.html (дата обращения 03.05.2018).

[5] Попова, З.Д. Указ. соч.– С. 55.

[6] Блэк, М. Теория метафоры [Электронный ресурс] / М. Блэк. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/black-90.htm> (дата обращения 03.05.2018).

- [7] Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Серия Литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 342.
- [8] Телия, В.Н. Указ. соч.
- [9] Арутюнова, Н.Д. Указ. соч. – С. 333.
- [10] Арутюнова, Н.Д. Указ соч.– С. 334.
- [11] Телия, В.Н. Указ. соч.
- [12] Телия, В.Н. Указ. соч.
- [13] Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – URL: <http://slovariki.org/tolkovuj-clovar-efremovoj/127909> (дата обращения 30.03.2018).
- [14] Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – URL: <http://slovariki.org/tolkovuj-clovar-ozegova/7626> (дата обращения 03.05.2018).
- [15] Кузнецов, Е.А. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Е.А. Кузнецов. – URL: <http://slovariki.org/tolkovuj-slovar-kuznecova/14655> (дата обращения 30.04.2018).
- [16] Всё божья роса. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://phraseology.academic.ru/10809/%D> (дата обращения 30.03.2018).
- [17] Дьявол в деталях [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%8F%D1%85> (дата обращения 03.05.2018).
- [18] Телия, В.Н. Указ. соч.
- [19] Телия, В.Н. Указ. соч.

Список источников примеров

- (1) Орехъ, Антон. Закопать на месте! [Электронный ресурс] / А. Орехъ // Эхо Москвы. 04.01.2018. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/oreh/2123132-echo> (дата обращения 30.03.2018).
- (2) Орехъ, А. Бог не может простудиться [Электронный ресурс] / Антон Орехъ // Эхо Москвы. 13.02.2018. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/oreh/2147392-echo> (дата обращения 30.03.2018).
- (3) Гудков, Геннадий. Потемкинские... зарплаты! [Электронный ресурс] / Г. Гудков // Эхо Москвы. 18.01.2018. Коммент. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/gudkov/2131604-echo> (дата обращения 30.03.2018).
- (4) Шендерович, В. Два смертельных врага России [Электронный ресурс] / В. Шендерович // Эхо Москвы. 22.01.2018 коммент. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/2152970-echo> (дата обращения 03.05.2018).
- (5) Минкин, А. Черное пятно [Электронный ресурс] / Александр Минкин // Эхо Москвы. 23.09. 2013. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/minkin/1163262-echo> (дата обращения 30.03.2018).
- (6) Малашенко, А. Васильева [Электронный ресурс] / Алексей Малашенко // Эхо Москвы. 11.07.2014. коммент. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/malashenko/1357950-echo> (дата обращения 30.03.2018).

(7) Захарова, М. Все божья роса [Электронный ресурс] / Мария Захарова // Эхо Москвы. 22.07. 2014. Коммент. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/mzakharova/1365018-echo> (дата обращения 30.03.2018).

(8) Захарова, М. Указ. соч.

(9) Гоголь в чате. 2018 [Электронный ресурс] // Канал Youtube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0Q2iYVlqCQE> (дата обращения 25.04.2018).

(10) Дорожная карта. Блог передачи Призыв в армию [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 13.07.2014 коммент. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/roadmap/1358980-echo> (дата обращения 25.04.2018).

(11) Королева, М. Дьявол в деталях [Электронный ресурс] / Марина Королева // Эхо Москвы. 04.05.2014. Коммент. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/markorol/1313062-echo> (дата обращения 25.04.2018).

(12) Патриарх Кирилл. О ситуации в Бирюлево – ситуация на грани критической черты [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл // Эхо Москвы. 01.11.2013 Коммент. – URL: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/kirill/17825.php> (дата обращения 13.03.2018).

(13) Радионов, Вадим. Илья Новиков рассказал об адвокатах дьявола и дьяволе адвокатов [Электронный ресурс] / В. Новиков // Эхо Москвы. 29.09.2017. – URL: https://echo.msk.ru/blog/v_radionov/2064468-echo (дата обращения 23.03.2018).

(14) Мельман, А. Рейтинг Воланда 38 процентов [Электронный ресурс] / Александр Мельман // Эхо Москвы. 02.07.2017. – URL: https://echo.msk.ru/blog/melman_a (дата обращения 30.04.2018).

Информация об авторе

Пащенко Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель Читинского медицинского колледжа, 672000, г. Чита, ул. Анохина, 71, e-mail: mar-paschenko@yandex.ru.

Paschenko Marina Anatolievna – Phd in Philology, senior professor of Chita's Medical College, 672000, Chita, Anohin Str., 71, e-mail: mar-paschenko@yandex.ru.

УДК 811-111

Т.И. Семенова, Иркутск

МНИМЫЙ МИР В ЗЕРКАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FAKE

Аннотация. В рамках теории концептуальной интеграции исследуется композиционная семантика словосочетаний с прилагательным fake. Подтверждается гипотеза о том, что результатом концептуальной интеграции слово-

сочетаний с прилагательным *fake* является эмерджентная структура как концептуальный бленд, фиксирующий знание человека о фрагменте обманного мира. Автор приходит к выводу о том, что обращение к закономерностям композиционной семантики может объяснить феномен предсказуемости значения комплексного знака.

Ключевые слова: композициональность, бленд, концептуальная интеграция, ментальные пространства, когнитивная область, составной концепт.

T.I. Semenova, Irkutsk

AS IF REALITY IN THE REFLECTION OF THE ADJECTIVE FAKE

Abstract. *The paper discusses compositional semantics of adjective-noun combinations with the adjective fake. The article makes an attempt to find the relations between formally integrated linguistic structure and conceptually integrated structures. In terms of conceptual blending the adjective fake calls for two input spaces with a disanalogy connector such that an element in one place is real, but in the other is not.*

Key words: *compositionality, blend, conceptual integration, mental spaces, cognitive domain, complex concept.*

Естественный язык используется в применении к разным мирам, представляющим в семантическом пространстве языка ментальное пространство идеального и должного, мифического и эмпирического, реального, видимого и кажущегося. Возможности говорить о мнимом и обманном мирах язык придает очень большое значение. Лексика мнимого или обманного мира включает названия обманных действий и их результатов, названия некоторых поведенческих ситуаций, обманных состояний и свойств, результаты работы воображения, ложные впечатления от реального мира, различные свойства живых существ и артефактов [1]. Значимый фрагмент английской языковой картины мнимого мира вербализуется словосочетаниями с прилагательным *fake*, среди которых обманные действия и их результаты (*fake paintings / diamonds / Cartier watches*), притворство, неискренность (*fake joy / smile*), поддельное оружие (*fake gun*), недостоверная информация (*fake news*), артефакты, созданные в декоративных целях (*fake flowers / walls*), поддельные документы (*fake passport*), фальсифицированные лекарства (*fake drugs*).

Семантика прилагательного *fake* включает когнитивные признаки, актуализирующие определенную структуру знания:

- 1) 'несоответствие действительности' – *not real, not true, untrue, not genuine*;
- 2) 'обманная цель' – *in order to deceive*;
- 3) 'намеренность' – *with intention, so as to, in order that*;
- 4) 'каузация ложного мнения' – *make someone believe*;

- 5) 'внешнее сходство как результат имитации внешних признаков подлинного объекта' – *made to look like a real thing; that seems genuine but is not*;
6) 'нарушение закона' – *illegally made to look like a real one* [2].

Таким образом, в значении лексемы *fake* структурировано знание оценочного характера, которое относится к ментальному (эпистемическому) модусу отрицательной истинностной оценки [3]. Оценочная категоризация по своей природе связана с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и воспроизводит оценочную модель мира. Модусные концепты релятивны, они не существуют отдельно от концептуальных областей, которые подвергаются интерпретации. Соположение модусного концепта и концепта из области определения не сводится к простому суммированию значений, вместе они представляют единое знание [4].

В ходе дальнейшего анализа атрибутивные комплексы с прилагательным *fake* будем рассматривать с точки зрения композиционной семантики как комплексные (составные) знаки, смысл целого в которых не выводится из смыслов составляющих компонентов. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить когнитивные закономерности совмещения смыслов прилагательного и существительного и их взаимодействие в структуре сложного знака, с тем, чтобы установить «вклад каждого из компонентов производного слова в его результативное интегративное значение [5]. В терминах теории концептуальной интеграции прилагательное *fake* выполняет роль языкового маркера, который «подсказывает» создание ментального пространства, бленда (*prompts for a blend*) как концептуальную интеграцию реального сценария и контрфактического [6]. В результате когнитивного взаимодействия этих двух ментальных пространств возникает новая эмерджентная структура (*emergent structure*) как концептуальный бленд, языковым воплощением которого являются атрибутивно-номинативные сочетания с прилагательным *fake* (*fake gun / passport / drugs / designer goods / news*). Таким образом, номинируемый существительным объект в анализируемых комплексах оказывается членом иной категории, категории искусственно созданных артефактов, которые по существенным эмпирическим параметрам имеют высокую степень сходства с подлинным объектом. Следовательно, словосочетание *fake gun* можно рассматривать как результат концептуальной интеграции: референтом реального ментального пространства является *ружье* в совокупности перцептуальных, функциональных, целеполагающих, моторно-двигательных признаков, референтом контрфактического ментального пространства является *намеренно созданный артефакт*, имеющий высокую степень внешнего сходства с настоящим ружьем. Обманчиво сходные объекты создаются и применяются с целью устрашения, как, например, в ситуации ограбления газовой станции под угрозой поддельного пистолета грабителю удалось заполучить денежные средства и скрыться с ними. Черный цвет обнаруженного позднее полицейскими муляжа пистолета усиливал сходство с настоящим пистолетом, что привело к каузации у потерпевшего ложного мнения о том, что предмет, который выглядел, как пистолет, был таковым на самом деле, 1) *Morris County man is accused of using a fake hand gun to rob a gasstation in Warren Township during the*

winter. The robber **got away with an undisclosed amount of money**. Warren detectives found the suspected firearm. It turned out to be **an imitation handgun** been painted black to make it look realistic [7].

Когнитивным основанием новой концептуальной структуры являются перцептуальные признаки (*поддельное ружье походит на настоящее*), моторно-двигательные признаки (*с ним можно осуществлять двигательную активность*), признак целеполагания (*поддельным ружьем, как и настоящим, можно достичь целей устрашения*). В структуру знания языковых единиц с прилагательным *fake* входит концепт ОТРИЦАНИЕ, в сфере действия которого оказываются когнитивные признаки, релевантные для подлинных объектов. Однако, в случае с поддельным ружьем аннулируется функциональный признак (*поддельное ружье не может стрелять*). Таким образом, составной концепт, вербализуемый словосочетанием с прилагательным *fake*, фиксирует знание человека о фрагменте обманного мира, в котором созданные человеком артефакты, имеющие сходство с подлинными, настоящими, существующими в действительности референтами, функционируют как средства каузации ложного мнения, намеренного введения в заблуждение с корыстной целью.

Подделка как лингвокогнитивный феномен структурируется в сознании как совокупность концептуальных признаков, обязательным из которых является сходство настоящего объекта и поддельного артефакта. Признак внешнего сходства вербализуется модусной вставкой *what looked like*, вводящей артефакт, воспринимаемый как объект, который по внешним признакам мог бы быть категоризован как настоящий, подлинный. В примере ниже описывается ситуация обнаружения полицейскими в одной из припаркованных машин объекта, похожего на бомбу, хотя позже выяснилось, что на самом деле это был будильник-игрушка, стилизованный под упаковку с динамитом. Тем не менее владельцу машины было предъявлено обвинение в неумышленной каузации ложного мнения, что спровоцировало ложную тревогу по разминированию объекта: (2) *Daphne Page was arrested Friday after someone spotted **what looked like a bomb** in her car, in a whole food sparking lot. And after five hours of investigation, police determined **it was actually not a bomb - but a clock. Yes, the clock was designed to look like a bundle of dynamite. But apparently, having a fake bomb** in her car while grocery shopping wasn't the best idea. Because now she's charged with **constructing or using a fake fire alarm**. Truth is, may be the best way to bring an end to these unfortunate situations is to not bring **something that looks like a bomb** in public* [8].

Отметим, что артефакт, имеющий сходство с оригиналом, категоризуется как подделка в случае актуализации признака 'умышленное введение в заблуждение'. Однако пока нет умысла выдавать копию за оригинал, нет и обманного действия, (3) *Transporting a Tintoretto, even a **fake one**, across Switzerland isn't a criminal offence* [9]. Речь в высказывании идет о копии картины Якопо Робусти, более известного как Тинторетто, живописца венецианской школы позднего Ренессанса. Чтобы провести подделку через границу, ее позиционируют именно как копию, с тем, чтобы впоследствии выдать ее за оригинал с целью получения выгоды. В ситуации продажи поддельных артефактов «недобросовестный агент»

[10], в терминах Ю.Д. Апресяна, выдавая подделку за подлинник, рассчитывает получить выгоду в ущерб адресату. Наличие признаков интенционального поведения с целью каузации у адресата ложного мнения свидетельствует о когнитивной манипуляции, которая понимается как «отрицательное влияние адресанта на рациональные способности адресата, вследствие которого слушатель легко может быть обманутым» [11]. Модальная рамка в ситуациях обманного действия представлена ментальными состояниями говорящего и слушающего как «Г знает, что не Р», «С думает, что Р». По отношению к тем, кто вводится в заблуждение, употребляются номинации *unsuspecting / unwitting customers, victims* (неподозревающие покупатели, невольные жертвы), (4) *Today's art market commands extraordinary prices, and these prices are strong enticement for forgers to create and sell fake paintings to **unwitting consumers** at high profits* [12]. Люди, покупающие искусные подделки произведений искусства, предметов роскоши, антиквариата, зачастую не подозревают, что вводятся в заблуждение, поскольку их модель мира включает мнение о подлинности приобретаемого артефакта, в то время как модель мира обманывающего содержит знание о неподлинности, о поддельности артефакта.

Мнение о подлинности объекта может вводиться модальной рамкой мнения / полагания *thought to be genuine, what he thought to be*, (5): *Have you ever been left red-faced after purchasing a watch that **you thought** was genuine that in fact turned out to be a fake?* [13]. В примере выше вербализована ситуация обманного действия, в которой человек, покупая брендовые часы, был уверен, что они настоящие, но оказалось, что это подделка и, тем самым, покупатель преднамеренно был введен в заблуждение. Модальная рамка уверенного мнения может быть имплицитной, как, например, (6) *I spent 270000 on a **diamond ring** that turned out to be a fake* [14]. Модальное значение, выражающее отношение говорящего субъекта к пропозиции в условиях конкретной ситуации, может быть выявлено за счет средств коммуникативного контекста. Готовность заплатить 270 000 долларов за кольцо с бриллиантом обусловлена презумпцией уверенности покупателя в подлинности предмета роскоши. Имплицитность модальной рамки в данном случае обусловлена тем, что «способ обозначения воспринимаемого объекта ситуации прямо связан с эпистемическим состоянием сознания того, кто воспринимает» [15].

Знание недобросовестного агенса о неподлинной природе артефакта эксплицируется лексемой *knowingly*, ср: (7) *Mosaic Miami Church leader accused of **knowingly** selling fake works by the Turner prize-winning British artist* [16]. Умышленное введение в заблуждение, в частности, продажа подделок (фейков) является нарушением правовой нормы и предполагает жестко закрепленные социальные оценки в виде судебного разбирательства, (8) *Attorney General Spitzer today announced that he is suing an Orange County art gallery and auction house for selling **fake works** of art over the Internet. According to the suit, the Antique & Design Center sold certain paintings even after **being explicitly told that the paintings were fakes***

[17]. Как явствует из примера, владельцам картинной галереи предъявлено обвинение в продаже подделок под видом произведений искусства, несмотря на то, что они были уведомлены о неподлинной сущности артефактов.

Когнитивные операции, которые происходят в сознании человека при интерпретации конструкции с определителем *fake*, приводят к семантическому следствию: *The fake gun is not a gun*, то есть атрибутивная номинация *fake* лишает субстантив его первичного значения: поддельное ружье – это уже не ружье, а член иной категории, категории подделок. Б.Х. Парти [18] обращает внимание на семантическую аномальность предложений типа *The gun is fake*, мотивируя тем, что несовместимы те значения, которые указывают на несовместимые свойства предмета: ружье не может быть одновременно и настоящим, и поддельным.

Однако семантическая аномальность снимается при введении модусного предиката *turn out*: (9) *The world's most expensive whiskey Macallan 1878 turned out to be a fake after a Chinese businessman paid \$10,000 for a single shot. The unsuspecting victim of the scam was Chinese tourist Zhang Wei, 36, who has now had his cash refunded* [19]. В примере выше языковое воплощение находит когнитивный механизм концептуальной интеграции реального и контрафактического ментальных пространств. Другими словами, одна пропозиция представляет фрагмент модели мира, в которой представлен референт – *самый дорогой в мире виски Macallan Single Malt 1878 года выпуска*, а вторая пропозиция, вводимая модусным предикатом *turn out*, эксплицирует отношение говорящего к информации, обозначенной в первой пропозиции, она для говорящего новая, неожиданная, вызывающая удивление, поскольку расходится с его картиной мира. Китайский миллионер Чжан Вэю, покупая за десять тысяч долларов порцию виски, был уверен, что это подлинный дорогостоящий виски. Развенчание видимости, верификация неподлинного артефакта эксплицируется при помощи модусного предиката *turn out*. Таким образом, высказывания с модусом неожиданности представляют полипропозитивную структуру, в которой одна пропозиция представляет фрагмент модели мира, каким он *кажется*, а вторая пропозиция представляет мир, каким он *оказывается* в действительности, эксплицируя расхождение между поддельным объектом и его подлинным коррелятом.

Графическим способом экспликации поддельных артефактов являются кавычки, которые выполняют функцию «разоблачения»: они передают явно невыраженный смысл каузации ложного мнения. Анна А. Зализняк отмечает функции кавычек создавать эффект, аналогичный эффекту слова *как бы*, кавычки при этом сигнализируют о том, что слушающий должен произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание говорящего [20]. Посредством кавычек маркируется чужое слово и его ретроспективное осмысление: (10) *The Utah woman naively complied when another woman preyed on her sense of solidarity, asking her to help her get out of financial straits by lending her cash and giving her a «polished diamond» as a security deposit. That «diamond» ended up being made of glass, it turned out to be a fake diamond* [21]. Ментальная модель мира обманываемого включает его уверенность в подлинности объекта, позиционируемого как изделие с бриллиантами, что эксплицируется готовностью выдать под

залог этого артефакта значительные денежные средства. Языковое воплощение имеют два входных ментальных пространства: первое, в котором нечто является *изделием из стекла*, и второе, референтом которого является *изделие с бриллиантами*. В результате когнитивного взаимодействия этих двух ментальных пространств возникает новое эмерджентное ментальное пространство, концептуальный бленд, репрезентацией которого является атрибутивно-номинативное сочетание *a fake diamond* как новая концептуальная структура, посредством которой категоризируются ложные артефакты как средства обманного действия с целью получения выгоды.

Принципиально важным, на наш взгляд, является мысль Дж. Тейлора о том, что сочетаемость потенциал прилагательного *fake* обусловлен «не ингерентными свойствами определяемой сущности как таковыми, а ее ролью, значимостью, ценностью в культурном контексте» [22]. Ценность понимается как значимость, важность, польза объекта, но полезность и значимость не являются ингерентными свойствами самого предмета. Приписывание ценности является установлением определенного отношения между субъектом оценки и ее предметом. Следовательно, объектом имитации / подделки является ценностный потенциал сущности, которая входит в область когнитивного взаимодействия человека с миром. Так, фрейм ДОКУМЕНТЫ активизирует знание о функциональной ценности документа в разного рода ситуациях социального взаимодействия, и именно ценностный потенциал данного артефакта оказывается объектом подделки. Вербализованный смысл обманного действия представлен словосочетаниями *fake passport / visa / driving license / marriage certificate / wedding certificate / Ph degree / banknotes*. Фрейм ЗДОРОВЬЕ активизирует представление о здоровье как о жизненной ценности, включенной в общую структуру ценностной ориентации личности. Объектом подделок в этой области человеческого бытия являются фармацевтические продукты, которые имитируют внешние признаки подлинных препаратов. Языковыми знаками медицинских фейков являются словосочетания *fake medicines / drug production / cancer drugs*. В концептуальную структуру словосочетаний с *fake* входит концепт ОТРИЦАНИЕ, в сфере действия которого оказываются когнитивные признаки, релевантные для подлинных сущностей (функция документа; эффективность, безопасность лекарственного средства).

Референтной областью, в которой сходство внешних признаков используется с целью введения адресата в заблуждение, является и фрейм ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ. Престижное потребление базируется на принципе доминирования символических составляющих. Брендная одежда, обувь, аксессуары в течение десятилетий культивируются как символы жизненного успеха, как ценностные ориентиры. Однако приобретать брендовые вещи могут далеко не все, а создавать видимость, кажимость финансовой и социальной успешности хотят многие. Язык реагирует на противоречие между отсутствием финансовой возможности и желанием приобщиться к референтной группе тех, кто может позволить дорогие брендовые вещи, появлением номинаций для обозначения подделок товаров престижных торговых марок, ср.: *fake designer stuff, fake Cartier*

watches, the most flawless replica Rolex, premium copy brands, first copy sunglasses of premium brands, luxury replica watch, Christian Louboutin duplicate, fake luxury goods / brands. Подделка направлена на манипуляцию с ценностным потенциалом, который несет известная торговая марка как семиотически маркированный объект. В дискурсивное пространство входят номинации для людей, осознанно покупающих подделки, ср: *fakocholic, fake buyer, replica enthusiast, replica shopper.* Фейкоголики покупают не конкретную вещь, а социальный символ, знак, определяющий принадлежность его владельца к определенной социальной группе, моделируя тем самым в своем сознании реальность «как бы», в которой они *как бы* носят брендовые вещи, *как бы* приобщаются к ценностям престижного потребления. Дискурсивное пространство фейковой реальности формируют словосочетания со словом *fake*, ср.: *fake industry, fake luxury markets, guides to China fake markets, cheap fake designer stuff, fake designer goods, fake branded things, descent / convincing fakes.* Посредством таких номинаций формируется представление о мнимой реальности, в которой существуют рынки подделок, путеводители по рынкам фейков, подсказывающие, где лучше покупать дешевые, но в то же время «качественные», «приличные», «убедительные», «брендовые», «дизайнерские» подделки. Создание видимости, кажимости успешности, финансовой состоятельности, формирует ценностные ориентиры и модели поведения. Языковым способом маскировки брендовых подделок являются эвфемистические номинации, которые затушевывают негативную истинностную оценку поддельных брендов, профилируют лишь внешнее сходство с оригиналом: *copy, first copy sunglasses of premium brands, premium copy brands (wholes a leandre tail), luxury replica watch, duplicate watch, high-quality replicas, better quality duplicate, the best quality replica, the best imitation bags, a YSL wallet imitation, best imitation on line shop, high-end replica bags, look a like piece, knock-off, clones – реплика, копия, дубликат, имитация брендовой одежды, копии брендов премиум класса, брендовые клоны.* Подделка, таким образом, под прикрытием эвфемистических номинаций переходит в категорию «как-бы брендов» как элемент моделируемой сознанием мнимой, фейковой реальности. В результате происходит «частичное или полное дефокусирование негативной оценки объекта, осуществляемое по ходу переконструирования его образа и создания его более «приятной» или более диффузной «картинки» [23].

Проведенное исследование имеет перспективы в плане дальнейшего изучения когниции – того, как отображаются в языковом сознании специфические особенности и механизмы когнитивных процессов, в частности языковая концептуализация фиктивного удвоения мира, явления разного рода симуляций и концептуальные способы их описания. Когнитивный подход к композиционной семантике атрибутивно-номинативных сочетаний с прилагательным *fake* позволил выявить закономерности взаимодействия смыслов, результатом которого является формирование интегрированной концептуальной структуры, фиксирующей знание о мнимом, обманном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Апресян, Ю.Д. От истины до лжи по пространству языка [Текст] / Ю.Д. Апресян // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2008. – С. 23–24.
- [2] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – Macmillan, Publishers Limited, 2007. – P. 529.
- [3] Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 574–575.
- [4] Болдырев, Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вестник ТГУ. – 2011. – № 1. – С. 14.
- [5] Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 444.
- [6] Fauconnier, G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002. – P. 447.
- [7] British National Corpus [Electronic resource]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (дата обращения 07.12.2017).
- [8] W33.COM. URL: w33.com/2017/05/23/virginia-woman-arrested-after-a-fake-bomb-scare-at-a-whole-foods-parking-lot (Accessed 08.01.2017).
- [9] Shaw, I. Nightwork [Text] / I. Shaw. – СПб. : Антология : КАРО, 2005. – P. 260.
- [10] Апресян, Ю.Д. Указ. соч. – С. 28.
- [11] Дённингхаус, С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики [Текст] / С. Дённингхаус // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – Вып. 14. – М. : Индрик, 2008. – С. 356.
- [12] British National Corpus. Op. cit.
- [13] LOFTYBLOG [Electronic resource]. – URL: <https://blog.lofty.com/how-to-guide/six-tips-for-spotting-a-fake-painting-4> (дата обращения 27.12.2017).
- [14] New York Post [Electronic resource]. – URL: <https://nypost.com/2016/05/11/i-spent-270k-on-a-diamond-ring-that-turned-out-to-be-a-fake> (дата обращения 27.12.2017).
- [15] Арутюнова, Н.Д. Указ. соч. – С. 419.
- [16] SFGATE [Electronic resource]. – URL: <http://www.sfgate.com/crime/article/S-F-dealer-accused-of-selling-fake-Mir-prints-3289340.php> (дата обращения 27.12.2017).
- [17] British National Corpus. Op. cit.
- [18] Partee, B.N. Compositionality and coercion in semantics: The Dynamics of adjective meaning [Text] / B.N. Partee // Cognitive Foundations of Interpretation. – Amsterdam : Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2007. – P. 159.
- [19] New York Post. Op. cit.
- [20] Зализняк, А.А. Семантика кавычек [Электронный ресурс] / А.А. Зализняк. – URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 01.04.2018).

[21] British National Corpus. Op. cit.

[22] Taylor, J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [text] / J.R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – P. 94.

[23] Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования [Текст] / О.К. Ирисханова. – М. : Языки славян. культуры, 2014. – С. 165.

Информация об авторе

Семенова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025, e-mail: tisenenova54@mail.ru.

Semenova Tatiana Ivanovna – Department of English Philology, full professor, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication. Irkutsk State University, Lenin Str., 8, Irkutsk, Russia, 664025, e-mail: tisenenova54@mail.ru.

ЧАСТЬ 2

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ, ТЕОРИИ ТЕКСТА,
ДИСКУРСА, ВЫСКАЗЫВАНИЯ)

УДК 81-42

Ван Чжо, Китайская Народная Республика, Иркутск

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается функциональная роль языковой игры в рекламном слогане. Языковая игра используется в рекламе в нескольких тактиках для трех стратегий: презентативной, персуазивной и экспрессивно-оценочной. Она выступает как тактический прием – инструмент для манипуляции рациональным и эмоциональным сознанием потребителя. Воздействие на рациональное сознание охватывает первые 2 стратегии, а эмоциональным – третью (экспрессивно-оценочную) стратегию.

Ключевые слова: языковая игра, стратегия, тактика, тактический прием, рекламная деятельность, рекламный слоган.

*Van Chgeo, People's Republic of China,
Irkutsk*

PLAY ON WORDS AS A TACTIC INSTRUMENT IN ADVERTISING SLOGAN

Abstract. The article deals with the functional role of the play on words in advertising slogan. The play on words is used in advertisement in several tactics for three strategies: presentative, persuasive and expressive-evaluative. It represents as a tactic instrument for the manipulation by rational and emotional consciousness of a consumer. The manipulation by rational consciousness embraces the first two strategies, and the manipulation by emotional consciousness embraces the third (expressive-evaluative) strategy.

Key words: play on words, strategy, tactics, tactic instrument, advertising activity, advertising slogan.

Современное существование человека в развитом социуме тесно связано с потреблением, недаром сегодня существует устойчивое сочетание «общество

потребления», которое напрямую связано с рекламой и рекламной деятельностью. Рекламу изучают многие науки: психология, социология, журналистика, лингвистика и т.д.

Объектом нашего исследования является рекламный слоган как рекламный девиз, в сжатом виде излагающий основное рекламное предложение, включающий феномен языковой игры, а *предметом* – исследование стратегического потенциала этого явления. В качестве *гипотезы* исследования выступает предположение об особом лингвистическом статусе явления языковой игры. Мы полагаем, что она выступает эффективным тактическим речевым приемом для реализации различных тактик и стратегий в целях воздействия / манипуляции на рациональное и эмоциональное сознание потребительской аудитории.

На первый план при создании и анализе функционирования рекламного текста выходят скорее стратегические, а не собственно лингвистические характеристики. Именно поэтому в языке рекламы может допускаться нарушение языковой нормы, если это необходимо для усиления воздействия, что собственно и лежит в основе языковой игры.

Несмотря на неоднократные попытки изучения языковой игры в различных аспектах, до сих пор стратегический подход к ее изучению не был применен, без которого исследование данного феномена является неполным. Все вышесказанное обуславливает *актуальность* и важность для изучения языковой игры в ее стратегическом плане.

В этом аспекте применение стратегического подхода к изучению языковой игры в рекламном слогане привносит *научную новизну* данного исследования в лингвистике, которая также состоит в том, что языковая игра впервые рассматривается как тактический прием в достижении основной стратегии манипулирования сознанием.

Настоящая работа *нацелена* на исследование языковой игры как тактического приема для реализации основной стратегии создателя рекламного текста. Мы опирались на понимание коммуникативных стратегий Т.А. ван Дейка [1] и О.С. Иссерс [2]. Описание коммуникативных стратегий вообще и в рекламе в частности нашло отражение в работах О.Н. Ивус, О.С. Иссерс, Е.Е. Корниловой, Ю.А. Гордеева, Г.М. Костюшкиной, А.В. Колмогоровой, А.М. Македонцевой, Ю.К. Пироговой, Е.Н. Пищерской, Е.С. Поповой [3] и др. Однако реализация коммуникативных стратегий в рекламном слогане с применением языковой игры еще недостаточно изучена в плане конкретных коммуникативных средств, выражающих интенцию говорящего, без чего определение лингвистического статуса языковой игры, на наш взгляд, является неполным.

Языковая игра как языковой феномен привлекала и раньше внимание исследователей: с философской точки зрения [4.]; с эстетической точки зрения [5]; с психологической точки зрения [6]; с психолингвистической точки зрения [7]; с социологической точки зрения [8]. Специалисты разных областей знания вносят свой вклад в решение проблемы эффективной рекламной деятельности, в методах и приемах успешной подачи рекламируемого товара / услуги. Специалисты

из области социологии исследуют рекламу с точки зрения рекламной деятельности – паблик рилейшнз (RP), влияние рекламы на общественное мнение. Психологи изучают рекламу для решения проблем процессов манипулирования человеческим сознанием, как рациональным, так и эмоциональным, потенциального потребителя товара / услуги, т.е. того, на кого реклама направлена. Экономисты преследуют вполне экономические цели – прибыль от продажи товаров / услуг. Сам же рекламный текст, его структурно-семантические, функционально-стилистические, прагматические особенности привлекают внимание прежде всего ученых-лингвистов.

С лингвистических позиций языковую игру изучали также многие исследователи. При этом принято различать широкую трактовку языковой игры (см., например, [9]), при которой в качестве объекта выступают не только ее языковые особенности, но и смысловые – внешелингвистические, и узкую, при которой исследованию подвергается только ее лингвистический аспект [10]. Чтобы разрешить эту дилемму, необходимо установить ее лингвистический статус, который складывается из взаимодействия ее необычной формы, функции и значения. Языковая игра создается намеренным нарушением языковых и речевых стандартов, формируя новые формы и значения. В этом процессе проявляется закон асимметрии языкового знака. Ее функционально-прагматический потенциал с необходимостью должен включать стратегические особенности ее применения.

Рекламный текст – это целенаправленное социальное действие, включенное в коммуникативную ситуацию, он является составной частью рекламного дискурса, понимаемого как воздействующий (персуазивный) тип дискурса, или рекламной коммуникации.

Языковая игра в рекламном дискурсе выступает тактическим инструментом для реализации всех тактик трех основных выявленных нами стратегий, применимых к рекламному слогану – презентативной, персуазивной, экспрессивно-оценочной, объединенных общей манипулятивной стратегией.

Для презентативной стратегии наиболее значимыми являются две тактики: тактика демонстрации уникальных свойств / качеств рекламируемого товара и тактика создания яркого образа. Например:

(1) *Vanish. Розовый цвет. Доверься ему и пятен нет* [http://www.content-troy.ru/base_slogan/poroshki_i_chistyashie_sredst.html – дата обращения 16.02.2018].

В данном примере мы имеем случай фонетической игры слов на их созвучии (рифме) в тактике демонстрации уникальных качеств товара (стирального средства *Vanish*).

Персуазивная стратегия языковой игры направлена на приведение логических аргументов в пользу рекламируемого товара / услуги. Для достижения своей цели данная стратегия использует четыре тактики: тактику похвалы товара / услуги, тактику апелляции к здоровому образу жизни, тактику показа проблемной ситуации и способа выхода из нее, тактику призыва к действию. Приведем пример языковой игры для тактики показа проблемной ситуации и способа выхода из нее:

(2) *Ваша красота, подобно цветку, нуждается в ежедневной заботе.*

Beauty питает Вашу красоту изнутри! [<http://zhurnaly-online.ru/karavan-kollekcija-istorij> – дата обращения 04.07.2017].

В данном примере языковая игра находит выражение при помощи, во-первых, образного сравнения в стилистическом плане (*Ваша красота, подобно цветку*), во-вторых, метафоры (*красота нуждается в ежедневной заботе*), в-третьих, метафорической метонимии (*Beauty питает Вашу красоту*) – вместо лексемы «крем» автор слогана использовал его красноречивое название *Beauty*, а метафора «питать красоту» необычна сочетанием глагола «питать» (кормить), который обычно открывает валентность для одушевленного имени, и абстрактного имени «красота». Однако самым интересным в данном случае является обыгрывание красоты и названия крема *Beauty*.

Аргументация в данной ситуации сводится к следующим моментам. В качестве тезиса выступает *Ваша красота* (т.е. красота потенциального потребителя / покупателя крема). В качестве аргументов выступают: 1) красота нуждается в постоянной заботе, 2) крем *Beauty* может помочь Вам в этом. Выводное знание сводится к тому, что потенциальному потребителю / покупателю необходим этот крем, его нужно купить.

Экспрессивно-оценочная стратегия использует также четыре тактики: тактику привлечения внимания, тактику отрицания и противопоставления, тактику сравнения и тактику персонификации. Например, для тактики отрицания и противопоставления в китайской рекламе:

(3) 充电 5 分钟 · 通话 2 小时。—— OPPO 手机。(chongdian 5 fenzhong, tonghua 2 xiaoshi) – пер: *Подзарядите в течение всего 5 минут и говорите 2 часа* [https://www.opposhop.cn/?utm_source=baidu&utm_medium=cpc&utm_campaign=PC03902 – дата обращения 25.04.2018].

В данном рекламном слогане имеет место реклама телефона OPPO, где внимание привлекает противопоставление зарядки телефона в течение 5 минут и возможности пользоваться им в течение 2 часов.

В рекламных слоганах языковая игра использует разнообразные средства языка (фонетические, графические, словообразовательные, грамматические, лексико-семантические, стилистические), которые имеют схожие лингвистические характеристики в корпусе примеров разных языков (русского, английского, китайского), что дает основание говорить об универсальности прагматической цели рекламного дискурса в его лингво- и социокультурном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.

[2] Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

[3] Ивус, О.Н. Когнитивно-дискурсивный механизм слогана на одежде : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.Н. Ивус. – Иркутск, 2013. – 22 с.; Иссерс, О.С. Указ. соч.; Корнилова, Е.Е. Слово и изображение в рекламе [Текст] / Е.Е. Корнилова, Ю.А. Гордеев. – Воронеж : Кварта, 2001. – 224 с.; Костюшкина, Г.М. Когнитивный механизм речевой коммуникации [Текст] / Г.М. Костюшкина, А.В. Колмогорова // Костюшкина Г.М. и др. Концептуальная систематика речевой коммуникации : кол. монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 9–54; Македонцева, А.М. Лингвопрагматические характеристики англоязычных креолизованных рекламных текстов малого формата : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.М. Македонцева. – М., 2010. – 198 с.; Пирогова, Ю.К. Основы рекламы : учебно-метод. пособие по специальности «350700 – Реклама» [Текст] / Ю.К. Пирогова. – М. : Изд-во Международ. ин-та рекламы, 2004. – 36 с.; Пищерская, Е.Н. Стратегический потенциал текста баннерной рекламы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 [Текст] / Е.Н. Пищерская. – Иркутск, 2011. – 198 с.; Попова, Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте [Текст] / Е.С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 276–288.

[4] Витгенштейн, Л. О достоверности [Текст] / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1984. – № 8. – С. 142–149; Кант, И. Собр. соч. : в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 510 с.; Хейзинга, Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня [Текст] / И. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992. – 458 с.

[5] Булаховский, Л.А. Словесные средства комического у русских писателей первой половины XIX века [Текст] / Л.А. Булаховский // Русский язык в школе. – 1939. – № 5–6. – С. 44–57; Вулис, А.З. В лаборатории смеха [Текст] / А.З. Вулис. – М. : Худ. лит., 1966. – 144 с.; Борев, Ю. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия [Текст] / Ю. Борев. – М. : Искусство, 1970. – 269 с.; Дземидок, Б.О. О комическом [Текст] / Б.О. Дземидок. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.; и др.

[6] Руденко, Д.И. Философия языка: Путь к новой эпистеме. Язык и наука конца XX века [Текст] / Д.И. Руденко, В.В. Прокопенко. – М. : РГГУ, 1995. – С. 118–143; Эрвин-Трипп, С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия [Текст] / С.М. Эрвин-Трипп // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 336–362; Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений [Текст] / Эрик Берн. – М. : Прогресс, 1988. – 400 с.; Гридин, В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка [Текст] / В.Н. Гридин // Психолингвистические проблемы семантики. – М. : Наука, 1983. – С. 113–119.

[7] Левин, Ю.И. Истина в дискурсе [Текст] / Ю.И. Левин // Семиотика и информатика. – Вып. 34. – М., 1994. – С. 124–164; Нухов, С.Ж. Языковая игра в словообразовании. На материале лексики английского языка : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / С.Ж. Нухов. – М., 1997. – 372 с.

[8] Гридина, Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т.А. Гридина. – М. : 1996. – 566 с.; Нухов С.Ж. Указ. соч.

[9] Гридина, Т.А. Указ. соч.

[10] Данилевская, Н.В. Языковая игра [Текст] / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 657–658; Сковородников, А.П. Игра как прием текстопорождения [Текст] / А.П. Сковородников. – Красноярск : Мир, 2010. – 341 с.; Санников, В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве [Текст] / В.З. Санников. – М. : Языки славян. культур, 2008. – 624 с.

Список источников примеров

(1) http://www.content-troy.ru/base_slogan/poroshki_i_chistyashie_sredst.html (дата обращения 16.02.2018).

(2) <http://zhurnaly-online.ru/karavan-kollekcija-istorij> (дата обращения 04.07.2017).

(3) https://www.opposhop.cn/?utm_source=baidu&utm_medium=cpc&utm_campaign=PC03902 (дата обращения 25.04.2018).

Информация об авторе

Ван Чжо – аспирант кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: whang83@mail.ru.

Van CHgeo – post-graduate student, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: whang83@mail.ru.

УДК 8100

Т.С. Воложанина, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАВТОЛОГИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры использования тавтологий в различных интернет-постах в аспекте их прагматической направленности. Анализируются основные функции, которые выполняются избыточными и переосмысленными тавтологиями при их целенаправленном употреблении авторами данных интернет-постов. На основе данного анализа устанавливаются две основные коммуникативные задачи, реализации которых служат тавтологии, и оценивается насколько пригодны тавтологии к выполнению данных задач.

Ключевые слова: тавтология, интернет-коммуникация, функция, прагматика, реализация.

T.S. Volozhanina, Saint Petersburg

THE WAYS OF USING TAUTOLOGIES IN THE COMMUNICATION ON THE INTERNET

Abstract. *The article deals with the examples of the use of tautologies in the different posts on the Internet. The article analyses the pragmatic dimension of the tautological expressions, i.e. the main functions of redundant and interpreted tautologies which were used deliberately by the authors of the posts. Based on the above-mentioned analysis two main reasons for using tautologies in the posts on the Internet are identified, and the advantages of using tautologies are assessed.*

Key words: *tautology, internet-communication, function, pragmatics, realization.*

Тавтология – смысловая избыточность высказывания – с давних пор привлекает внимание исследователей [1] своей противоречивой, двойкой природой, которая проявляется, с одной стороны, в инвариантной избыточности, а, следовательно, бесполезности их для целей коммуникации, а с другой стороны, в неоспоримом наличии прагматического элемента, который определяет возможность успешного функционирования тавтологических выражений в целенаправленных высказываниях говорящего.

Упомянутый прагматический потенциал тавтологии может находить реализацию в двух случаях: (1) при неизбыточном переосмыслении тавтологических выражений получателями тавтологий, предполагающих, что то или иное тавтологическое выражение было использовано говорящим сознательно и целенаправленно; или (2) если получатель тавтологии считает, что избыточная тавтология была использована говорящим/пишущим не по незнанию или невнимательности, а «умышленно», например, для создания комического эффекта [2].

Выше обозначенные случаи прагматических тавтологий будут рассмотрены в данной статье на примере тавтологических выражений, которые были взяты из различных интернет-сообщений. Мы сосредоточим свое внимание на интернет-постах, которые были опубликованы в различных пабликах социальной сети «ВКонтакте» в период с 2016 по 2018 год. Нами было отобрано и проанализировано около 80 примеров употребления тавтологий в упомянутых интернет-постах на русском и английском языках, подбор примеров производился методом сплошной выборки, анализ выполнялся при рассмотрении тавтологий с прагматического ракурса.

Интернет-коммуникация характеризуется ярко выраженной направленностью на адресанта. Эффективные посты должны «находить отклик в серд-

цах и умах» своих читателей, в противном случае они останутся непрочитанными, а, следовательно, паблики, публикующие их, будут признаны рекламодателями, выступающими спонсорами данных пабликов, непопулярными и, следовательно, окажутся нерентабельными и вскоре прекратят свое существование. Поэтому составители интернет-постов всегда учитывают, насколько публикуемый ими материал привлекает интернет-пользователей, подписавшихся на данные паблики. Этот мониторинг очень просто осуществляется через систему «лайков»: чем больше «лайков» набирает тот или иной пост, тем более вероятно, что его содержание привлекло внимание людей, подписавшихся на этот паблик. В нашей подборке собраны интернет-посты, набравшие очень большое количество «лайков» (как правило, несколько сотен), таким образом, мы можем утверждать, что данные посты были расценены их читателями как интересные, т.е. как коммерчески-успешные в глазах спонсоров этих пабликов. Использование тавтологических выражений для создания коммерчески-успешных постов является еще одним неоспоримым свидетельством высокой прагматичности данного явления языка.

Как показал анализ примеров, тавтологии в интернет-сообщениях употребляются для достижения двух основных целей: (1) мотивирование, вдохновение пользователей интернета на преобразование своей жизни или принятия текущего положения вещей (такие посты мы условно называем морально-мотивирующими); (2) для создания комического эффекта, который является необходимым компонентом огромного количества постов интернета, имеющих развлекательную направленность.

Рассмотрим данные случаи подробнее.

Когда авторы постов в интернете пытаются вдохновить своих читателей на какие-либо поступки или поддержать их в трудную минуту, они обязательно учитывают людей какого рода или вдохновляют и поддерживают. Анализируя посты данной направленности, можно составить обобщенный портрет адресанта этих постов. Как правило, это молодые люди, думающие, сомневающиеся, ищущие себя, им интересны вопросы смысла существования, который они видят в самореализации, нахождении своего предназначения. Все эти характеристики учитываются при составлении постов для такого рода аудитории.

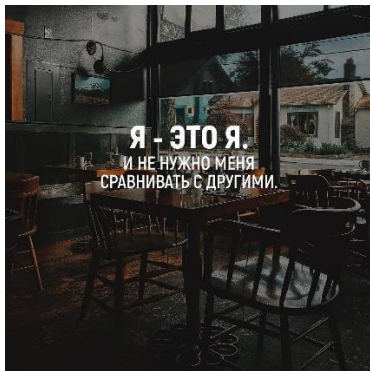
Перейдем к рассмотрению примеров:

(1) Вдохновляя своего читателя, рассказывая ему о смысле жизни, авторы постов говорят, что жить нужно, опираясь только на свои представления о правильной жизни, никого не слушая:

В данном примере использована тавтология N сор N, реализующая стратегию убеждения. Тавтология успешно достигает поставленную цель, поскольку, представляя собой аналитическую истину, она просто не дает возможности кому-либо ее оспаривать.

(2) Объясняя нецелесообразность попыток «жить чужим умом», авторы мотивирующих постов отмечают, что слушать кого-либо бесполезно поскольку каждый человек уникален:

В этом примере также наблюдается использование тавтологии N сор N, направленной на реализацию стратегии убеждения, аргументативный потенциал данной тавтологии весьма значителен, поскольку априорные истины просто нельзя опровергнуть.

(3) Провозглашая уникальность каждого человека, авторы Интернет-постов говорят, что у каждого из нас свой путь, и даже если мы одни на этом пути, и так больше никто не делает, это не значит, что это неправильно, жить нужно прежде всего в согласии с собственной совестью:

WRONG
is **WRONG**,
even if *everyone*
is doing it.

RIGHT
is **RIGHT**,
even if *no one*
is doing it.

В этом примере мы в очередной раз наблюдаем использование тавтологии N сор N для реализации стратегии убеждения, спорить с такими тавтологиями нельзя, поэтому и все высказывание с данными тавтологиями оценивается как неопровержимо истинное.

(4) Давая общую оценку человеческой жизни, составители интернет-постов отмечают, что жизнь в принципе не может быть простой, поэтому очень важно уметь преодолевать сложности, не сдаваться, идти до конца к намеченной

цели: *Единственный способ жить – это жить. Говорить себе: "Я могу это сделать", – даже зная, что не можешь.*

Употребленная в этом высказывании тавтология привлекает к себе внимание использованием нетипичных для использованной конструкции частей речи. Как правило, предикативная тавтология строится путем отождествления существительных, в данном же случае, автор использовал глаголы, что никак не уменьшило ни степень аналитической истинности данного высказывания, ни его аргументативную силу (об аргументации в речи см. подробнее [3]).

(5) Таким образом, перед нами разворачивается философия современного человека, для которого жизнь – это движение вперед. И главное в этом движении – что оно непрерывное, пускай иногда и не очень динамичное:

В очередной раз тавтология с предикативным удвоением использована в целях аргументации. Интересным представляется отметить, что в данном случае предикативному удвоению подвергаются наречия.

Таким образом, нами были рассмотрены 5 примеров использования тавтологий в интернет-постах, мотивирующих пользователей Интернета на осознание собственной жизни и проживания ее «как нужно», а не «как принято». Данные интернет-посты помимо общей философской идеи объединены сходным лингвистическим наполнением, а именно использованием тавтологий с предикативным удвоением в качестве компонента аргументации, как уже отмечалось выше, аргументативная сила данных тавтологий очень высока, что естественно способствует успешной коммуникации. Хотелось бы также отметить, что все эти тавтологии должны быть переосмыслены адресантами по избыточной рестиктивной модели переосмысления [4]. Способ переосмысления однозначно раскрывается в контексте высказывания: иногда последующими репликами (примеры № 2, 4), а иногда – предыдущими (пример № 5, где тавтология использована в качестве аргумента к первому высказыванию).

Теперь приведем несколько примеров успешного использования тавтологий в интернет-постах для создания комического эффекта.

Как известно, создатели современного комического дискурса очень часто прибегают в своих работах к помощи различных тавтологий, поскольку последние при отсутствии проведения операции избыточного переосмысления представляют собой избыточные выражения, служащие показателями неграмотности или невнимательности говорящих, указывающие на их незначительный интеллектуальный потенциал и невысокую способность «думать вообще».

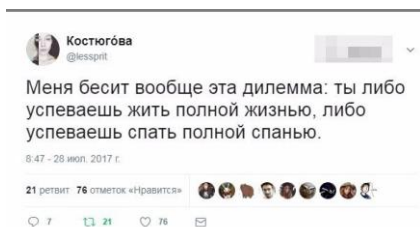
(6) Например, в данном случае автор этого сообщения явно не проанализировала собственную запись на наличие логичности и информативности:

В результате получилось весьма нестандартное тавтологическое выражение, которое не может не вызвать улыбку у любого человека, читающего его.

Нестандартные тавтологии по нашим наблюдениям являются весьма яркой характеристикой интернет-постов комической направленности. В нашей подборке насчитывается достаточное количество тавтологий-неологизмов, т.е. тавтологических выражений, которые не представляют собой устойчивые сочетания, их употребление носит окказиональный характер:

(7) Например, в этом посте устойчивому тавтологическому выражению *жить полной жизнью* противопоставлен окказионализм *спать полной спанью*, который помимо структурной гармоничности вносит в высказывание юмористическую составляющую

(8) В следующем случае крайне популярному сейчас в молодежном сленге слову *жиза* приписывается атрибутив в пост-позиции *жизовая*:

жиза жизовая

ПИШЕШЬ СООБЩЕНИЕ НА ТЕЛЕФОНЕ
@
ОПЕЧАТАЛСЯ
@
ПЫТАЕШЬСЯ СТЕРЕТЬ
@
ЮЮЮЮЮЮ

В результате получается атрибутивная тавтология, которая допускает стандартное для нее избыточное переосмысление по интенсификационной модели. Однако поскольку основная задача, преследуемая автором данного интернет-поста, заключается в создании комического эффекта (на что указывает основное

содержание поста), мы можем утверждать, что рассматриваемая тавтология прежде всего была использована в юмористических целях.

Также нами было замечено, что тавтологии в интернет-постах комической направленности достаточно часто используются в сочетании с примерами простого лексического повтора, который так же выполняет функцию усиления. В результате получается высказывание столь гиперболизированное, что оно просто не может восприниматься всерьез, что и создает необходимый авторам комический эффект:

(9)

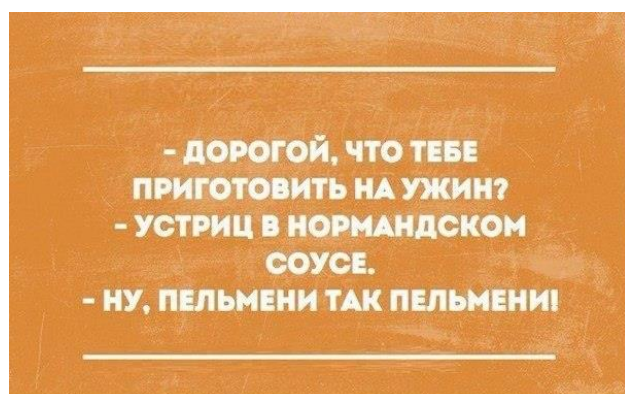

Погода на завтра: Дождь и дожди. Временами дождевые дожди и небольшой дождь внутри большого дождя из дождя.

В приведенном примере мы видим лишь одну атрибутивную тавтологию *дождевые дожди*, все остальные лексемы *дождь* формируют цепочки лексических повторов, одновременно рисуя картину мира, где нет ничего, кроме дождя. В результате этого изображения неправдоподобного чрезмерного наличия дождя создается комический эффект, который и являлся целью автора этого высказывания. Стоит отметить, что данный пост был опубликован пабликом «Типичный Питер», который посвящен описанию города на Неве. Любой житель этого города хорошо знаком со столь дождливой погодой, данное интернет-сообщение обязательно вызовет у него улыбку, пускай и в сочетании с грустным вздохом.

Таким образом, используя тавтологии для создания комического эффекта, авторы интернет-постов нередко прибегают к словотворчеству, однако в нашей подборке примеров есть и стандартные тавтологические сочетания, которые подвергаются стандартной процедуре избыточного переосмысления и тем не менее все равно успешно достигают нужного комического эффекта:

(10)

В данном примере используется валентностная тавтология, которая подвергается стандартной процедуре переосмысления по резигнативной модели и должна быть проинтерпретирована следующим образом: «хорошо, я согласна, пускай будут пельмени», компонент смирения в данном случае создает комический эффект, поскольку девушка «смиряется» совсем не с тем, что было заказано ее собеседником.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что тавтологии могут быть успешно использованы авторами интернет-постов самой различной направленности, реализуя самые различные стратегии говорящего. Все это еще раз подтверждает факт наличия огромного прагматического потенциала у тавтологий, который может быть успешно реализован при их сознательном употреблении говорящими.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рахманкулова, Л.К. Тавтологические конструкции в современном английском языке: функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л.К. Рахманкулова. – Л., 1983. – 195 с.; Зайц О.А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.А. Зайц. – СПб., 2001. – 185 с.

[2] Остапенко Т.С. Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.С. Остапенко. – Иркутск, 2010. – 202 с.

[3] [5] Костюшкина, Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности [Текст] / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Костюшкина Г.М. [и др.]. Концептуальная систематика аргументации : коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 10–70.

[4] Остапенко, Т.С. Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 [Текст] / Т.С. Остапенко. – Иркутск, 2011. – 18 с.

Информация об авторе

Воложанина Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская Набережная, 7-9, e-mail: evita22@bk.ru.

Volozhanina Tatiana Sergeevna – PhD in philology, tutor, Saint-Petersburg State University, University Embankment, 7-9, e-mail: evita22@bk.ru.

*М.А. Егорова, Иркутск
Н.В. Сметанина-Крушевски, Иркутск*

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ЧАСТЕЙ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

***Аннотация.** Коммуникативная функция языка наиболее явно проявляется в диалогическом дискурсе. В данной статье приводится обзор научной литературы по изучаемой теме, дается определение диалогическому дискурсу. Аргументация рассматривается как один из видов интенции коммуникантов (говорящего и/или слушающего). В качестве примера приводится диалог из художественного произведения на английском языке, на основе которого выделяется группа глаголов и выражений, которые могут являться маркерами аргументативного диалогического дискурса. В заключительной части статьи делается обобщающий вывод.*

***Ключевые слова:** дискурс; диалогический; интенция; аргументация; коммуникация; участники коммуникации.*

*М.А. Egorova, Irkutsk
N.V. Smetanina-Krushevsky, Irkutsk*

ARGUMENTATION AS ONE OF THE INTEGRAL PARTS OF A DIALOGUE DISCOURSE

***Abstract.** The communicative function of a language is most clearly manifested in a dialogue discourse. This article provides general view of the literature on the topic under study as well as it gives a definition of a dialogue discourse. Argumentation is supposed to be as one of the types of intention of the partners in the communication (speaker and / or listener). As an example, a dialogue is presented from a work of art in English, on the basis of which a group of verbs and expressions that can be the markers of argumentative dialogue discourse are singled out. A common review is drawn in the last part of the article.*

***Key words:** discourse; dialogue discourse; intention; argumentation; communication; participants of communication.*

Исследование диалогической речи как особого вида речевой деятельности привлекает сегодня все большее внимание ученых, становится одной из актуальных проблем теоретического и прикладного языкознания. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования (статьи, диссертации, монографии), посвященные ведущим аспектам диалогической коммуникации. Свой вклад в теоретические основы изучения диалога в отечественном языкознании внесли такие ученые как Л.В. Щерба, Л.Т. Якубинский, Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин и др. [1].

Коммуникативная функция, или функция общения признается одной из основных функций языка. Наиболее распространенным видом непосредственной устной коммуникации является диалогический дискурс [2]. Конкретные чувства и намерения можно объяснить намного легче при помощи устной речи, чем при помощи письменной.

Устная речь – это действенная форма общения. Устная речь не только действенный, но и самый эффективный способ выражения мысли [3]. Под связным диалогическим дискурсом понимается динамическая последовательность реплик, которыми обмениваются коммуниканты [4].

Опираясь на теорию речевых актов, можно сказать, что последовательность определенных речевых актов создает определенный диалогический дискурс (далее диалог) [5]. Диалог воспринимается как одна из необходимых форм существования речи. Диалог появляется для того, чтобы дать понять о том, что мы хотим, например, мысли, чувства, намерения, желания, волю, сообщить о чем-то другому участнику коммуникации, разузнать у него какую-либо информацию и разъяснить свою точку зрения, и ответить своему оппоненту.

Диалогическое взаимодействие гарантирует реализацию контакта людей в социуме. «Диалог существует как специфическая форма социального контакта, основанная на передаче информации посредством социального поведения и социальной связи между людьми» [6], т.е. диалог как ведущая форма социально-речевого общения играет особенную роль в процессе взаимодействия во всех сферах социальной деятельности человека.

В лингвистике на настоящий момент диалогическая коммуникация объясняется как «особый вид речевой деятельности, который позиционируется наличием двух или более коммуникантов, сменой реплик участников диалога, скоростью реакции, персональной направленностью, устной реализацией» [7]. Приоритетным признаком диалогической речи является ее адресованность, но следует отметить, что в диалогическом общении оба собеседника принимают активное участие в его реализации. Собеседник, который понимает сообщение иницирующего коммуниканта, принимает по отношению к этому высказыванию активную ответную позицию: не принимает или принимает то, что сказал первый коммуникант, делает дополнения или уточнения, показывает эмоциональное отношение к услышанному, делает то, что ему приказали или попросили. В то же самое время тот, кто инициировал диалог, ожидает какой-либо ответной реакции: «ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.п.» [8], следовательно, в данной ситуации происходит сменяемость ролей «говорящий – слушающий», «слушающий – говорящий».

Исходя из места диалога в диалого-синтаксическом единстве и обращая внимание на его структурно-семантические признаки, Г.В. Беркаш разграничивает реплики на 2 вида, называя их: *реплик-антецедент*, служащая смысловым и структурным стержнем диалога, и *реплика-консеквент*, т.е. «порожденная стержневой репликой, семантически и структурно зависимая от нее, которая уточняет, развивает или дополняет содержание реплики-антецедента» [9]. В ре-

плике второго типа С.С. Беркнер вычленяет «реплику-повтор» и «реплику-подхват». Такого рода реплики считаются очень распространенными экспрессивными средствами разговорной речи, способствующими структурно-семантической связанности диалога [10]). Н.И. Формановская называет реплику 1 как «иницирующую» и реплику 2 как «реактивную». Согласно Н.И. Формановской, реплика 1 служит, изначально, для выражения коммуникативного намерения (интенции) и эмоционального состояния говорящего, которое соответствует его социальной и психологической роли, и, имея общий со слушающим код, говорящий оказывает воздействие на своего оппонента, или же давая ему новые знания, изменяет его картину мира, или же толкает слушающего к совершению каких-либо действий, что в свою очередь также может изменить мировоззрение последнего и т.д. В то же время слушающий проводит сопоставление полученной информации от говорящего с той, что находится в его «банке данных», осознавая сказанное и определяя интенции говорящего, осуществляет операции когнитивного характера и продумывает ходы своих ответных действий для осуществления успешного или неуспешного диалогического дискурса [11].

В исследованиях, произведенных с позиций коммуникативной лингвистики, одной из главных ролей отводится толкованию понятия речевой интенции. Под термином «интенция» ученые понимают такие понятия, как «мотив», «замысел», «установка», «цель» и другое. Так, например, С.С. Кацаева пишет, что под речевой интенцией понимается установка на общий смысл последующего сообщения, побуждения речевого акта, возможный контекст сообщения, предполагаемый вектор для разрешения некоей языковой задачи взаимодействия, общая коммуникативная цель сообщения, «коммуникативное содержание» речевого поступка, соотношенность речевого высказывания с мотивами и целями говорящего и слушающего. Следовательно, речевая интенция является стимулом речевого акта, его основой и реализуется в интенциональном смысле [12].

С нашей точки зрения, аргументацию можно считать одним из типов интенции. А.Д. Белова называет аргументацию «формой деятельности человека, в которой он реализует себя как языковая личность» [13]. В данном случае мы подразумеваем логическую аргументацию, которая реализуется при помощи языка, не принимая во внимание другие аспекты диалогического взаимодействия, вплетающиеся в процесс убеждения. Как пишут Г.М. Костюшкина и Н.С. Барбина, аргументируя, говорящий, во-первых, как бы играет в некую игру «истинность – универсальность», а, во-вторых, пытается убедить слушающего принять его сторону о некоем суждении [14].

Аргументация является результатом совокупности различных компонентов, зависящих от интенции говорящего. Этот результат, полностью или частично, может быть выражен в форме диалогического дискурса (другими словами «интерлокутивная аргументация»), письменного или устного диалогического дискурса (другими словами «монолокутивная аргументация»). При помощи такого механизма построения диалогического дискурса, как аргументатив, можно осуществлять аргументацию в этих различных формах. Выделяют три части данного процесса: тезис, пропозиция и убеждение. Аргументатив выполняет

функцию организации пояснений и убеждений о картине мира [15].

Рассмотрим следующий диалогический дискурс между двумя исследователями-археологами, которые что-то обнаружили при раскопках и столкнулись с некоторыми трудностями:

– *What is it? Can't you trace the fault?*

– *There is no fault.*

– *You mean it's repaired?*

– *No. There never was any fault.*

– *Well, that's cheering. What went wrong then?*

– *That's what bothers me. Nothing went wrong.*

– *No? In that case, you know how deep you this thing is?*

– *Yes. It's as deep as the gauge showed. Two miles.*

– *Two miles. But that's quite a distance below the foundations of this hill. I mean... that kind of depth ought to take us down to archaean rocks.*

– *That depends. But I'm inclined to agree with you.*

– *Besides, if it's accurate about the depth, it's presumably accurate about the size of the blocks – seventy feet high. That sounds a trifle unlikely. Even the building blocks of the great pyramid aren't that size.*

– *My dear Austin, I agree with you completely. The thing is impossible. But I have checked every circuit in the machine. I don't see how I could be mistaken.*

– *There's only one way to find out – send a mole down.*

– *Which is what I was about to suggest. However, if it's really two miles down, the mole is of no use.*

– *Why?*

– *To begin with, because it was never intended to cut through rock – only through earth or clay. It's bound to encounter rock at that depth. Second, because even if there's no rock at that depth, the pressure of the earth would destroy the mole – it would be like being two miles under the sea. The pressure would be thousands of pounds to the square inch. And since the temperature rises by a hundred degrees to a mile, it could also be too hot for its electrical equipment [16].*

Предложенный диалогический дискурс представлен в виде смежных реплик, взаимосвязанных в структурном и смысловом отношении, которые образуют диалогическое единство. Большую часть этого диалога составляют реплики-подхваты. Следует также отметить присутствие реплицирования, что является отличительной особенностью любого диалогического дискурса. Как видно из иницирующей реплики первого говорящего (Г1), которая представлена в виде вопросов, его интенцией является получение информации о том, что разве не может его собеседник проследить ошибку (*What is it? Can't you trace the fault?*), на что второй говорящий (Г2) отвечает, что ошибки нет (*There is no fault*). Следующей репликой Г1 объясняет, что что-то было отремонтировано (*You mean it's repaired*), тем самым он сам аргументирует ответ на свой первый вопрос. Ответ Г2 (*No. There never was any fault*) побуждает Г1 снова запросить информацию о том, что же все-таки не в порядке и на какой глубине что-то (какая-то вещь)

находится (*What went wrong then? ... you know how deep this thing is?*). Г2, используя данные измерительного прибора, с уверенностью приводит цифру (*It's as deep as the gauge showed. Two miles*), что опять-таки является доказательством аргументации его краткого ответа (*Yes*). Последующая реплика Г1 (*But that's quite a distance below the foundations of the hill. I mean ... that kind of depth ought to take us down to archaean rocks*) выражает явную аргументацию, поскольку это доказывает ответная реплика Г2 (*...I'm inclined to agree with you*). Далее Г1 приводит исторические данные, чтобы подтвердить свои слова (*Besides, if it's accurate about the depth, it's presumably accurate about the size of the blocks – seventy feet high. Even the building blocks of the great pyramid aren't that size*), и тем самым он убеждает собеседника в правоте своих слов (*...I agree with you completely*). Отвечая на вопрос второго говорящего, Г1 дает исчерпывающий ответ, опираясь на известные научные факты (*To begin with, because it was never intended to cut through rock – only through earth or clay...*), что также служит примером аргументации.

Принимая во внимание семантическую сторону реализации аргументации, можно сказать, что участники диалога используют для доказательства своих мыслей такие глаголы, как *mean, agree*, вводные фразы *in that case, besides, however, to begin with, second*, а также союзы *but, if, because, since*. Такие предложения, как *There never was any fault, There is no fault, Well, that's cheering* имеют несколько ироничный оттенок, что определяет позицию говорящего к своей собственной аргументации. Позицию говорящего также отражает употребление безличных предложений, стирающих присутствие аргументирующего субъекта: *The thing is impossible, There's only one way to find out – send a mole down, It's bound to encounter rock at that depth*.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что диалогический дискурс, включающий аргументацию, играет большую роль в жизни человека. Поскольку человек не мыслит жизни без общения, то что-либо доказывать, объяснять или утверждать, заложено в его природе. И эта его особенность проявляется в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Беркаш, Г.В. Логико-грамматическая природа вопроса и ее реализация в вопросно-ответных структурах английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Г.В. Беркаш. – М., 1969. – С. 9–11.

[2] Дудучаева, Р.С. Структура неполнословных предложений английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Р.С. Дудучаева. – Тбилиси, 1966. – С. 5.

[3] Леонтьев, А.А. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1972. – С. 108.

[4] Бородина, Е.А. Экспозитивная функция речевых актов в диалогическом дискурсе и средства ее идентификации : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Бородина. – СПб., 1992. – С. 1.

[5] Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – № 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–30; Сёрль, Дж. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – № 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–195.

[6] Зайцева, Т.А. Иницирующие коммуникативные ходы в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Т.А. Зайцева. – Белгород, 1998. – С. 7.

[7] Диалогическая речь: Основы и процесс [Текст] // 1 Международный симпозиум, Йена (ГДР), 8–10 июня 1978 : докл. и выступления / ред. Г. Ешке. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1980. – 309 с.; Михайлов, Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Л.М. Михайлов. – М. : Высш. шк., 1994. – 256 с.; Чахоян, Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка [Текст] / Л.П. Чахоян. – М. : Высш. шк., 1979. – 167 с.

[8] Зайцева, Т.А. Указ. соч.

[9] Беркаш, Г.В. Указ. соч.

[10] Беркнер, С.С. Некоторые явления взаимодействия реплик английской диалогической речи [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.С. Беркнер. – М., 1960. – С. 16.

[11] Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н.И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – С. 159.

[12] Кащаева, С.С. Русский язык: Теория и методика [Текст] / С.С. Кащаева // Вестник ИГЛУ. Лингвистика. – Иркутск : ИГЛУ, 2001. – № 5. – С. 39–40.

[13] Белова, А.Д. Лингвистические аспекты аргументации [Текст] / А.Д. Белова. – Киев : КГУ, 1997. – С. 3.

[14] Костюшкина, Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности [Текст] / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 10–70.

[15] Костюшкина, Г.М. Современные направления во французской лингвистике (Теория высказывания и анализ дискурса) : учеб. пособие [Текст] / Г.М. Костюшкина. – Иркутск, 2003. – С. 155–177; Барбина, Н.С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – Тамбов : Общерос. обществ. орг. «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2012. – С. 5–12.

[16] Colin, W. The Mind Parasites [Text] / W. Colin. – М. : Менеджер, 1998. – С. 37.

Информация об авторах

Егорова Марина Алексеевна – кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: archermarina1@yandex.ru.

Egorova Marina Alexeevna – PhD in Philology, Associate professor of the Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: archermarina1@yandex.ru.

Сметанина-Крушевски Наталья Викторовна – старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: natty78@yandex.ru.

Smetanina-Krushevsky Natalia Viktorovna – senior teacher, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: natty78@yandex.ru.

УДК 811.111

А.С. Ишенина, Иркутск

АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ ВООБРАЖЕНИЯ ЧЕРЕЗ ИХ КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

***Аннотация.** Изучение воображения как способности говорящего создавать образы того, что ненаблюдаемо, представляет большой интерес для лингвистов. В современном английском языке данный ментальный процесс представлен репрезентативной группой глаголов, что свидетельствует о значимости данного явления в английской языковой картине мира. Для того, чтобы приблизиться к пониманию того, какие структуры знания стоят за глагольной номинацией и каким образом говорящий высвечивает тот или иной аспект ситуации, был произведен анализ данной группы английских глаголов-синонимов воображения с точки зрения их когнитивных характеристик. Было выявлено, что реализация одной и той же ситуации происходит с помощью различных языковых конструкций, в зависимости от того, что находится в фокусе внимания говорящего, а что является фоном.*

***Ключевые слова:** воображение, профилирование, конструирование, концептуализация, семантическая деривация.*

A.S. Ishenina, Irkutsk

ENGLISH VERBS OF IMAGINATION VIA THEIR COGNITIVE CHARACTERISTICS

***Abstract.** Studying the imagination process as the speaker's ability to form images, pictures in his mind is of particular interest to linguists. In modern English this*

mental process is verbalized by a representative group of verbs. That indicates the significance of this phenomenon in the English world view. In order to get close to understanding what knowledge structures are behind the verbal nomination and how the speaker highlights one or another aspect of the situation, an analysis of this group of English verbs-synonyms in terms of their cognitive characteristics was performed. The author comes to the conclusion that the construal of the same situation is shaped via alternative language forms, depending on what is in the focus of the speaker's attention and what is in the background.

Key words: *imagination, profiling, construction, conceptualization, semantic derivation.*

Лингвокогнитивный подход к исследованию внутреннего мира человека позволяет выявить собственно лингвистические аспекты протекания когнитивных процессов и тем самым является важным источником сведений о концептуальных структурах человеческого сознания. Говоря словами Ж. Фоконье, язык в данном случае является своеобразным «окном в разум» (*window into the mind*), заглянуть через которое не просто [1]. В частности, лингвистов, изучающих язык как источник сведений о когнитивных структурах сознания, интересует изучение глубокой связи между языком и когнитивным феноменом воображения [2]. В современных лингвистических исследованиях воображение трактуется как способность человека «создавать мысленные образы» [3], «воображать, творчески мыслить, фантазировать» [4], «мыслить образами» [5], «создавать образы того, что не наблюдаемо, что нельзя увидеть, что может существовать и быть наблюдаемым только в уме» [6]. Понимание воображения с лингвистических позиций коррелирует с исследованиями данного ментального процесса в психологии, где воображение рассматривается как ментальная деятельность, которая позволяет создавать и формировать образы, т.е. производить «репрезентацию в уме отсутствующего объекта или события» [7].

Исследование концептуализации воображения представляет особый интерес, поскольку позволяет «объективировать ментальную деятельность, вербализуя ее результаты, описывая ее в ословленном виде» [8]. Посредством языковых проявлений воображения представляется возможным приблизиться к пониманию сущности данного когнитивного процесса.

В английском языке воображение вербализовано репрезентативным числом глагольных номинаций: *conceptualize, picture, theorize, think of, think up, visualize, depict, devise, envisage, envision, fabricate, fancy, fantasize, feature, figure, form, frame, harbor, invent, nurture, perceive, plan, project, conceive, cook up, conjure up, see, scheme, dream about, perceive, create, dream, depict, run riot, anticipate.*

Большое число глагольных номинаций, означивающих процесс воображения, свидетельствует о значимости данного феномена в английской языковой картине мира. Для того, чтобы приблизиться к пониманию того, какие структуры знания стоят за глаголом, какой опыт взаимодействия с миром фиксируется в значении

того или иного глагола, какое ментальное содержание передается глаголом, необходимо проанализировать данную группу английских глаголов-синонимов воображения с точки зрения их когнитивных характеристик. Целью настоящей статьи является когнитивное описание английских глаголов воображения.

На сегодняшний день, в рамках когнитивного подхода, синонимы рассматриваются «как единицы одного ментального или концептуального пространства, но занимающие в этом пространстве разные места, а главное, соответствующие в нем разным образам обозначаемой или же описываемой действительности» [9]. Следовательно, употребление того или иного глагола в ситуации воображения зависит от того, какую специфическую информацию он несет в себе. Субъект ситуации воображения активизирует ту или иную глагольную номинацию через фокусировку отдельных ее значений.

Как отмечает Р. Лэнекер, «значения языковых выражений представляют собой функцию как от вызываемого в сознании концептуального содержания (content), так и от толкования (construal), которое накладывается на это содержание» [10]. Одним из параметров толкования содержания является выделенность. Рассматривая профилирование как один из видов выделенности, Р. Лэнекер выделяет такие понятия, как «база» (base) и «профиль» (profile). Исследователь практическими примерами подтверждает то, что языковое выражение вызывает в сознании определенную часть концептуального содержания (база), а в пределах базы языковое выражение выделяет отдельный элемент (профиль). Профилем языкового выражения является то, с чем соотносится данное выражение, или то, что оно обозначает в пределах своей концептуальной базы. Так, например, лексические единицы «радужная оболочка глаза» и «зрачок» будут профилировать различные элементы своего концептуального содержания, своей базы – человеческого глаза [11]. Таким образом, одна и та же ситуация действительности может восприниматься и интерпретироваться по-разному. Следовательно, можно предположить, что реализация одной и той же ситуации происходит с помощью различных языковых конструкций, в зависимости от того, что находится в фокусе внимания говорящего, а что является фоном, т.е. в определенных коммуникативных условиях субъект речи высвечивает, профилирует коммуникативно значимые аспекты ситуации воображения, что приводит к расширению круга ситуаций, категоризируемых конструкциями с одним модусным предикатом.

Так, например, в лексической семантике английских глаголов воображения отражается то, что создаваемый воображением образ дополняется дифференциальными (оценочными, модальными, эмотивными) признаками:

(1) *He fantasized about winning the Nobel Prize* [12];

(2) *Dieting always seems to conjure up images of endless salads* [13].

В данных примерах создание образов сопровождается эмотивно-оценочным отношением отдельного человека и социума к предмету обозначения. Формируемый образ может также иметь положительное эмотиогенное воздействие:

(3) *In your head, you can imagine yourself going through the day and smiling lots to everyone and everything, that's often when a happier life starts* [14].

В семантике английских глаголов воображения может присутствовать и модальный признак, а именно, «образ вероятной или желанной возможности в будущем» (a likely or desirable possibility in the future):

(4) *I envisioned a future of educational excellence* [15].

Ментальный образ может создаваться как с усилием, так и без какого-либо усилия со стороны говорящего. В английском языке признак контролируемости ситуации воображения выражается с помощью таких языковых единиц с семантикой приложения усилия, как *try, make an effort, it is difficult*:

(5) *We have to try to imagine a complex future in which different groups of the elderly will have different experiences from those of the present and from one another* [16];

(6) *Susan made an effort to imagine what it would be like to live a settled life with a partner she saw every day* [17];

(7) *It was difficult to imagine the room being used for dining, or indeed, for any purpose other than the admiring contemplation of the architect's romantic obsession with spatial surprise* [18].

Признак контролируемости ситуации воображения актуализируется также языковыми единицами с семантикой алетической модальности – *can, it is possible / impossible*:

(8) *I can visualize you three duelling many times till you inoculate yourselves against any trace of enmity* [19];

(9) *It is even possible to conceive of holding your own in a conversation in which all you do is repeat aspects of what the other person has just said* [20].

В каждом из примеров выше отображается усилие говорящего для формирования мысленного образа. Процесс непровольного, неконтролируемого воображения в английском языке репрезентируется с помощью глагольных номинаций *hallucinate, dream* (в значении *to have a dream while you are asleep*):

(10) *More difficult illusions require the subject to hallucinate objects or people in too rout of existence with his eyes open* [21];

(11) *I often dream about flying* [22].

В сознании говорящего воображаемое может сопровождаться как положительной, так и отрицательной оценкой. Признак оценочности выявляется в ситуациях, обозначенных глагольными номинациями *harbor, envisage, imagine, fabricate, dream something up, fantasize* в дефинициях которых присутствуют лексические единицы с оценочной семантикой или оценочными коннотациями (*shock, silly, unusual, good, deceive, very pleasant, bad*) [23]. Эмпирический материал позволил нам выявить следующие примеры, подтверждающие эту мысль:

(12) *I wonder if the fact that the BBC apparently shelved their plans to re-commence broadcasting the rest of the programmes was influenced by other viewers harbouring similar misgivings?* [24];

(13) *The changes have been greater than we ever envisaged* [25].

В контексте примера с глагольной номинацией *harbour* речь идет о выражении негативного отношения говорящего к воображаемому, тогда как в примере с глаголом *envisage* говорящий высказывает свое позитивное отношение к образу создаваемого предмета или ситуации.

Еще одним примером профилирования субъектом речи коммуникативно значимых аспектов ситуации воображения можно назвать степень красочности и живости воображаемого. Возникающие в сознании говорящего образы, которые репрезентируются с помощью глагола *picture* со значением ‘have clear, vivid image or idea that you seem to be able to see it’, всегда четкие и ясные:

(14) *Oh Me! It's just how I'd pictured it in my mind – just how I'd want it to be!* [26].

С помощью глагола *envision* со значением ‘picture in the mind’ субъект речи также может «рисовать» в своем сознании четкие, детальные образы:

(15) *I envision a world where all chickens will be free to cross roads without having their motives called in to question* [27].

Р. Лэнекер в своей работе «Основы когнитивной грамматики» указывает на то, что «значение языкового выражения не исчерпывается свойствами обозначаемого, но с необходимостью включает в себя то, как говорящий воспринимает и осмысливает соответствующую сущность или ситуацию» [28]. В свою очередь, и Р.И. Павиленис указывает на то, что говорящий порождает смыслы по ходу интерпретации мира, и эти смыслы возникают на основе того, «что индивид думает, воображает, представляет, знает об объектах мира» [29]. Поддерживая идею исследователей, Е.С. Кубрякова также говорит о том, что говорящий, анализируя определенный набор альтернативных средств выражения одной и той же мысли, данный ему языком, интерпретирует и выбирает то языковое средство, которое наиболее подходит в данной ситуации [30]. Таким образом, язык не только отражает действительность, он ее творит. Некое «конструирование мира» (*the construal of the world*) просматривается в каждом акте речи, как отмечает Е.С. Кубрякова. Данное конструирование отражается как в процессе категоризации предметных и признаковых сущностей ситуации, так и в выборе той перспективы, по отношению к которой характеризуется данная ситуация [31]. Творение, конструирование действительности происходит и в ситуации воображения. Среди английских глаголов воображения есть такие номинации, в семантике которых заложены признаки восприятия. Основными глаголами воображения с наличием перцептивного компонента являются *see*, первичное значение которого дефинируется как ‘notice someone or something using your eyes’ и *picture*, в первичном толковании которого есть отсылка к созданию образа ‘draw a picture, represent in a photograph or picture’. В их семантике четко прослеживается реакция органа зрительного восприятия на окружающую действительность, результатом которой является создание зрительного образа.

В результате семантической деривации перцептивное значение глагола *see* переходит в ментальное *view or predict as a possibility; envisage*, т.е. образ возникает без непосредственного воздействия внешних стимулов:

(16) *She sees her mother walking round and round as mallyard in a prison uniform, then sitting on an arrow bunkin abrickcell, or scrubbing the tiled floor of a prison toilet* [32].

В контексте данного примера речь идет о девочке, которая «рисует» в своем сознании образ своей находящейся в тюрьме матери и ее действия в заключении. Семантический переход перцептивного значения глагола *picture* в

ментальное оказывается возможным в силу того, что «участник Образ выявляет семантическое родство глаголов создания изображения с глаголами восприятия» [33]. Изображение понимается как частный случай Образа (образ может быть в сознании), т.е. глагол *picture* концептуализирует способность «рисовать» образ в сознании ‘to form or have a mental picture or idea of something’:

(17) *I had never met Graham but I pictured him as a pale, thin young man wear in glasses* [34].

Данный пример иллюстрирует возможность создания четкого мысленного образа без опоры на стимул извне.

Ряд глаголов реализует значение мнения в синтаксических структурах с придаточным изъяснительным:

(18) *Mary was always imagining that people were talking about her behind her back* [35];

(19) *He envisioned that training and contingency plans could be drawn out and that the center could be activated when help is needed* [36].

В данных примерах говорящие выражают свое мнение, языковой формой репрезентации которого является *that*-придаточное.

Таким образом, английские глаголы-синонимы, вербализующие ситуацию воображения, имеют свои когнитивные характеристики. Актуализация той или иной языковой единицы говорящим происходит в зависимости от того, какой аспект действительности находится в фокусе его внимания, а какой является фоном.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Fauconnier, G. *Methods and Generalizations* [Text] / G. Fauconnier // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. – N.Y., 1999. – P. 96.

[2] Падучева, Е.В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация [Текст] / Е.В. Падучева // *Вопросы языкознания*. – 2003. – №6. – С. 30–46; Муняева, Е.И. Анализ конструкций с глаголом *see* в свете теории концептуальной интеграции : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.И. Муняева. – Иркутск, 2007; Шерсткова, И.А. Семантическая модель английских глаголов воображения : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / И.А. Шерсткова. – Уфа, 2009.

[3] Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 140; Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е.В. Урысон. – М. : Языки славян. культуры, 2003. – С. 141.

[4] Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70000 слов [Текст] / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд. – М. : Рус. яз., 1990.

[5] Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: 2000 слов : в 2 т. [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. 2000. – 1209 с.

[6] Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Н.К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – С. 235–236.

- [7] Солсо, Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – С. 327.
- [8] Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – № 4. – М. : Наука, 1994. – С. 41.
- [9] Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 432.
- [10] Лэнекер, Р.В. Концептуальная семантика и символическая грамматика [Текст] / Р.В. Лэнекер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 15.
- [11] Лэнекер, Р.В. Указ. соч. – С. 19.
- [12] Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 29.04.2018).
- [13] Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition [Text]. – Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.
- [14] Bufferapp [Electronic resource]. – URL: <https://blog.com/the-science-of-smiling-a-guide-to-humans-most-powerful-gesture> (дата обращения 27.04.2018).
- [15] Longman Dictionary of Contemporary English. Op. cit.
- [16] British National Corpus [Electronic resource]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 01.05.2017).
- [17] British National Corpus. Op. cit.
- [18] British National Corpus. Op. cit.
- [19] British National Corpus. Op. cit.
- [20] British National Corpus. Op. cit.
- [21] British National Corpus. Op. cit.
- [22] Cambridge English Dictionary. Op. cit
- [23] Cambridge English Dictionary. Op. cit.; Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. [Text]. – Essex : Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.; English Oxford Living Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения 27.04.2018).
- [24] British National Corpus. Op. cit.
- [25] British National Corpus. Op. cit.
- [26] British National Corpus. Op. cit.
- [27] British National Corpus. Op. cit.
- [28] Langacker, R.W. Cognitive Grammar [Text] / R.W. Langacker // The Oxford handbook of cognitive linguistics / ed. D. Geeraerts, H. Cuycens. – New York : Oxford University Press, 2007. – P. 435.
- [29] Павиленис, Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – С. 280.
- [30] Кубрякова Е.С. (2004). Указ. соч. – С. 522.
- [31] Кубрякова Е.С. (2004). Указ. соч. – С. 522.
- [32] Darling J. The taxi driver's daughter [Text] / J. Darling // New York : Penguin Books, 2004. – P. 65.

- [33] Падучева Е.В. Указ. соч. – С. 35.
[34] Longman Dictionary of Contemporary English. Op. cit.
[35] Longman Dictionary of Contemporary English. Op. cit.
[36] British National Corpus. Op. cit.

Информация об авторе

Ишенина Анна Сергеевна – аспирант, старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025, e-mail: anna.ishenina@yandex.ru.

Ishenina Anna Sergeevna – post-graduate student, tutor, Department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Lenin Str., 8, Irkutsk, Russia, 664025, e-mail: anna.ishenina@yandex.ru.

УДК 81-00

Н.Н. Козлова, Чита

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОЛОРАТИВОМ В РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается фразеологическая единица, имеющая в своем составе цветонаименование. Даются общие понятия фразеологии как науки, фразеологизма, фразеологической единицы в целом и с колоративом в частности. Обосновывается различие фразеологизма и слова. Анализируется дискурсивный тип фразеологической единицы, выделяются дискурсивные смыслы, дается аксиологическая оценка, приводятся стратегии и тактики рассматриваемой фразеологической единицы.

Ключевые слова: концептуальная систематика, колоратив, фразеология, фразеологизм, характерные черты, классификация.

N.N. Kozlova, Chita

CONCEPTUAL SYSTEMATICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOR-TERMS IN SPEECH

Abstract. The article presents phraseological units with colour-terms. Phraseology, phraseological units and phraseological units with colour-terms are considered in the article. The difference between a phraseological unit and a word is investigated.

The type of discourse is analysed of a phraseological unit, its aceological avaluation is given, its strategies and tactics in speech are represented.

Key words: *conceptual systematics, colour-term, phraseology, phraseological unit, characteristic features, classification.*

Как известно, многие фразеологизмы включают в свой состав колоративы. Цвет выражает признак предмета. Цветонаименование является идентичным жизненно-необходимым понятиям. Например, у многих народов черный цвет – символ печали, смерти; белый – честности, а неопытности и незрелости – зеленый. Все эти факторы повлияли на возникновение и развитие фразеологизмов, в составе которых имеется колоратив.

Мировосприятие носителей разных языков воспроизводится во фразеологических единицах, где происходит воплощение концептов любой этнокультуры языковыми средствами. Национально-культурные особенности ярко проявляются колоративами в составе рассматриваемой единицы речи. Этническое сознание укрепляется, и новые поколения внедряются в этнокультурный континуум с возрастающим употреблением фразеологизмов в речи.

Общеизвестно, что раздел лингвистики, выходящий за рамки стилистики и лексикологии, изучающий фразеологические единицы, – фразеология. Сам термин «фразеология» (от французского *phraseologie*) ввел Шарль Балли, швейцарский ученый. По нескольким причинам он считается основателем теории фразеологии. Она из них – добавленная им глава в свой учебник по стилистике о фразеологии, а другая – систематизация словосочетаний в своих двух книгах: «Очерки стилистики» и «Французская стилистика» [1]. Ученым были выделены две кардинально различные группы сочетаний:

– свободные сочетания, которые лишены устойчивости и имеют тенденцию к распадению после их образования;

– сочетания, получившие название фразеологические единства, компоненты которых утратили свою самостоятельность, но неизменно употребляются в данных сочетаниях для выражения одной и той же мысли.

Также были названы факторы, которые указывали на различия между словом и фразеологической единицей, позднее определенные следующим образом:

1) представление о предметах, явлениях, чувствах в мышлении носителей языка основывает значение слова; воспроизведение данных явлений, предметов в определенных отношениях формирует значение фразеологической единицы;

2) совокупности морфем определяет значение слова, совокупности лексем – значение фразеологической единицы;

3) составные элементы слова (морфемы) в подчинительном ранге языковых единиц разных уровней языка являются частью слов (лексем), а элементы фразеологических единиц не входят ни в какой ранжированный ряд, они цельно-оформлены как структурно, так и семантически и могут иметь корреляцию лишь со словами-омонимами;

- 4) в некоторых случаях отдельные элементы фразеологизмов могут функционировать как отдельные самостоятельные единицы в качестве неологизмов;
- 5) семантическое разложение на семы фразеологических и лексических единиц далеко не равнозначно [2].

Кроме того, по мнению специалистов, изучающих фразеологические единицы, между словами лексическими единицами) и фразеологическими единицами существуют значительные расхождения в синтаксическом плане (невозможность менять позицию в структуре фразеологизма), фонетическом в плане ударения, стилистическом и др. [3].

Изучение фразеологических единиц и в настоящее время имеет свое развитие. Актуален вопрос о том, какие языковые единицы считать фразеологизмами, какие виды таких единиц можно трактовать в качестве фразеологизмов, что представляет собой «фразеологическое значение», какую роль играет фразеологизм в формировании смысла высказывания и др.

О богатстве и разнообразии формальных и содержательных особенностей фразеологизмов любого языка хорошо известно. «Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [4].

Особое внимание специалисты в области изучения фразеологизмов обращают их **устойчивость**, которая проявляется при их функционировании в воспроизведении в готовом виде, что влечет за собой невозможность варьировать ни лексический состав такой единицы, ни грамматический с постоянством ее морфологической структуры и синтаксической позиции своих компонентов [5].

Характерным является также **воспроизводимость** фразеологических единиц, ее возобновляемый функциональный потенциал в процессе формирования высказывания в речемыслительной деятельности говорящего как готовой к употреблению лексической формы. При этом ученые считают, что значение слова и значение фразеологизма является социально обобщенным отражением существенных свойств явлений, предметов, процессов, различного рода ситуаций в окружающей человека реальности.

Кроме того, фразеологизм отличает в обязательном порядке **экспрессивность**, проявляющаяся в реализации ее эмоциональной и оценочной функций в речи. И, наконец, на наш взгляд, одна из главных и значимых характеристик этой удивительной языковой единицы – это ее целостный характер, проявляющийся как в формальном плане, так и содержательном в виде единой формы и единого значения [6].

Анализ работ разных авторов по теории фразеологизмов позволяет выделить следующие признаки фразеологических единиц в целом и с колоративом в частности: известность, воспроизводимость в речи, грамматическая организованность, структурный состав (как минимум 2 слова), раздельнооформленность, устойчивость лексико-грамматического состава, особое ударение, выделяемость

по значению и семантическая цельность по значению фразеологической единицы в речевом потоке, синонимическая заменимость словом, семантическая идиоматичность. Далее следует отметить немотивированность / мотивированность, которая может быть представлена как аналитичность в значении определенного типа фразеологизма.

В речи фразеологизмы проявляют свою систематику, их системность обнаруживается в наличии / выделении определенных дискурсивных типов с присущими им дискурсивными смыслами, аксиологической оценкой, стратегией и тактикой, выражающих определенные концепты [7].

Приведем пример из нашей специальной работы по метафоризации прилагательных *green* / *зеленый* [8]. Например, фразеологическая единица *to look through green glasses* представляет концепты ENVY и JEALOUSY. Следует заметить, что концепты не имеют замкнутой концептуальной структуры, концептуальная семантика постоянно подвергается изменению, содержание то пополняется новыми признаками, то из концептуального пространства могут исчезать устаревшие признаки, что обусловлено самой жизнью. В этой связи структурная организация любого концепта не может иметь четких границ в его содержании, она безгранична, и его структура может быть внутренне организована лишь условно. Структуры концептов ENVY и JEALOUSY не являются исключением. Дискурсивные смыслы, которые находят отображение в составных компонентах ментальных образов данных концептах, реализуются при помощи рассматриваемого фразеологизма. «В данном случае может актуализироваться объект или причина зависти, ревности, какие-то их качественные характеристики. При этом основные дискурсивные смыслы данного фразеологизма будут касаться того, какую часть метафорического образа языковой единицы *green* «X is envious or jealous» имеет в виду говорящий» [9].

Концепты ENVY и JEALOUSY имеют общую область пересечения их ментальных пространств, они обладают одним и тем же концептуальным признаком «a feeling of grudging or somewhat admiring discontent aroused by the possessions, achievements, or qualities of another». Однако его речевая реализация различна для этих концептов. Концепт ENVY в речевой манифестации имеет в структуре дискурсивного смысла признак нежелания делить с кем-либо что-либо, то концепт JEALOUSY – признак желания обладать чем-то. Рассмотрим примеры:

(1) If we had an average of theatrical talent, we had also our quantum of stage jealousies; for who *looks through his green glasses* more peevishly than an actor when his brother Thespian brings down the house with applause [10].

Говорящий повествует о жизни актеров, в среде которых нередко можно встретить такое чувство, как ревность и зависть к таланту коллег, ревность к зрительской аудитории. В приведенном тексте речь идет о ревности к таланту коллеге. Автор использовал в данном случае стратегию презентации, имеющую манипулятивный характер, для реализации которой он применил «тактику разоблачения», уточняя при этом, что подобная ревность присуща лишь актерам. Автор не осуждает их, он их понимает и сочувствует. Тем самым происходит актуализация дискурсивного смысла «A man who is jealous doesn't want to share it with

others» [11]. Итак, фразеологизм *to look through green glasses* включает в своей семантике и прагматике в подобного рода высказываниях нейтральный модификатор, поскольку подобное поведение сложно оценить положительно или отрицательно.

Проанализируем высказывание (2):

(2) Do females *look through green glasses* at prettier females? Or can they admire other females' beauty if they are equal aged? [12].

Приведенное высказывание содержит дискурсивный смысл «A man who is envious wants to possess what others have» [13]. Как и в предыдущем примере, автор использует стратегию презентации, однако тактика меняется. Здесь происходит явное противопоставление типов женщин: 1) женщины, которые восхищаются другими, более успешными женщинами и 2) женщины, которые завидуют другим, более успешным женщинам. В этом примере фразеологическая единица включает в своем семантико-прагматическом потенциале отрицательный модификатор (со знаком «←»), оценивая отрицательно человеческую черту зависти и положительно – восхищения. Итак, данная фразеологическая единица может выполнять роль отрицательно заряженного модификатора (со знаком «←»), поскольку человек с отрицательными качествами ревности, зависти и под. представляет породу недостойных, низких людей.

Таким образом, фразеологические единицы с колоративами представляют собой сложный научный феномен, требующий детального и более внимательного изучения. Начиная с начала XX века и по сегодняшний день эта научная проблема неизменно находится в центре внимания ученых, прежде всего лингвистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 234 с.

[2] Гюльмагомедов, А.Г. О специфике фразеологического значения [Текст] / А.Г. Гюльмагомедов // Семантическая структура слова и фразеологизма. – Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 1980. – С. 40–46.

[3] Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / А.В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1986. – С. 14–17.

[4] БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – С. 559.

[5] Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 5-е изд., перераб. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2005. – XVIII, 1210, [4] с.

[6] БЛС – Стариченок, В.Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – С. 684–685.

[7] Козлова, Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале колоративов *green/зеленый*) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 [Текст] / Н.Н. Козлова. – Иркутск, 2010. – 186 с.

[8] Козлова, Н.Н. Указ. соч.

[9] Козлова, Н.Н. Указ. соч. – С. 133–135.

[10] Answer bag – Question from Answer bag by Fancy-Schmancy on April 11th, 2008 [Electronic resource]. – URL: http://www.answerbag.com/q_view/693788 (дата обращения 21.03.2010).

[11] Козлова, Н.Н. Указ. соч. – С. 134.

[12] DPF – Dictionary of Phrase and Fable [Electronic resource]. – URL: <http://www.bartelby.com/81/7577.html> (дата обращения: 20.03.2010).

[13] Козлова, Н.Н. Указ. соч. – С. 134.

Информация об авторе

Козлова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных связей, Забайкальский государственный университет, 672039, Чита, Александрo-Заводская, 30, e-mail: sparkle-07@mail.ru.

Kozlova Natalya Nickolaevna – PhD in Philology, Associated Professor, Department of International Law and International Relations, Zabaykalsky State University, 672039, Chita, Aleksandro-Zavodskaya, 30, e-mail: sparkle-07@mail.ru.

УДК 81.00

О.А. Косова, Уссурийск

«БАЛАНСИРОВАНИЕ» МЕЖДУ ЭКОЛОГИЧНОЙ И НЕЭКОЛОГИЧНОЙ ИНТЕРАКЦИЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИОННЫХ ФОРУМОВ О ЗДОРОВЬЕ)

Аннотация. Настоящая статья выполнена в русле нового и перспективного направления в современной лингвистике – лингвоэкологии. Предпринимается попытка изучить и исследовать, и в результате, более точно определить основные маркеры экологичности / неэкологичности сообщений дискуссионных форумов о здоровье и способов сохранения баланса между двумя полярными видами интеракции с помощью анализа эмотивной плотности текста. Переход из неэкологичной в экологичную интеракцию обусловлен намерениями говорящего, а также способами достижения «баланса», к которым причисляются ироничные стихи и креолизованные тексты.

Ключевые слова: интернет-пространство, жанр интернет-коммуникации, дискуссионный форум, лингвоэкология, ценность.

THE «BALANCE» BETWEEN THE ECO-FRIENDLY AND ECO-UNFRIENDLY
INTERACTION IN THE INTERNET-SPACE
(ON THE BASIS OF DISCUSSING FORUMS ABOUT HEALTH)

Abstract. *The article is based on the new tendency in the modern linguistics – linguistic ecology. It is an attempt to examine and to determine the main features of the eco-friendly and eco-unfriendly interaction in the internet-space from the point of view of the text's emotive density. The transformation of the interaction from the eco-unfriendly into the eco-friendly is possible according to the speaker's intentions and some means such as: ironic poems and creolized texts.*

Key words: *internet-space; genre of internet-communication; a discussing forum; linguistic ecology; value.*

Современный этап развития языка характеризуется рядом ученых наличием таких *негативных явлений в коммуникации*, как: агрессивность, конфликтность, вседозволенность, нарушение общепринятых норм и постулатов общения, отсутствие толерантности, «загрязненность языка разного рода спорадическими образованиями (нецензурной лексикой, словами-паразитами, безграмотностью пользователей языка, внутренним преобразованием языковой системы на всех ее уровнях» и т.д. [1].

В связи с этим на современном этапе развития науки о языке появляются новые перспективные тенденции и направления, среди которых едва ли не главенствующая роль отводится эмотивной *лингвоэкологии*, под которой В.И. Шаховский понимает «науку об охране здоровья языка, языковой среды, окружающей человека, как части природы и здоровья самого человека говорящего» [2].

Интересным является факт постановки знака равенства между такими явлениями, как: «здоровье языка» и здоровье человека. Мы считаем, что это обусловлено точкой зрения И.С. Ларионовой о том, что «ценностное содержание здоровья аккумулируется в отношении человека (социума) к своему состоянию, которое обеспечивает успешную (достойную, приемлемую для данных условий) жизнедеятельность. Вместе с отношением человека к здоровью выстраивается система его ценностных ориентаций, предпочтений, целей, без которых человеческое существование лишается смысла. В свое содержание здоровье как ценность включает множество субценностей, имеющих смысло-жизненное значение для человека. Здоровье – это и наслаждение, и польза, и слава, и красота, и добро, и счастье. И в этом отношении о здоровье можно говорить как об универсальной ценности» [3].

Следовательно, становится очевидным, что именно благодаря языку как коду индивид и может достичь славы, самореализации, представить себя в выгодном свете для достижения поставленных им целей, т.е. язык, как и его собственное здоровье, должен являться для него ценностью, включающей в себя

два компонента – объективный и субъективный, где *объективный* диктуется социумом, нормами и законами, а *субъективный* – отношением к своему здоровью, а значит и к языку, предпочтениями, мотивацией в поведении, в том числе и коммуникативном.

Т.Б. Радбиль высказывает точку зрения о том, что «ценность выступает как специфическая категория именно человеческого типа освоения действительности и заключается в значимости, особой выделенности (маркированности) каких-то вещей для нас – значимости любого рода: биологической или психологической, утилитарной или моральной, интеллектуальной или эстетической. Значимость определяется установлением специфического отношения к чему-либо в поле действия так называемой «шкалы оценочности»: *хорошо* – *нейтрально* – *плохо*.

Причем это именно трехчленная, а не двухчленная (только *хорошо* / *плохо*) шкала. Ведь специфика ценностного отношения человека к миру определяется значимостью или незначимостью для него чего-либо (последнее и есть значимый ноль в системе). А значимым как раз можно быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (тогда мы имеем дело с антиценностью, с «минус»-ценностью, которая тоже маркирована в сознании). Иными словами, *хорошо* и *плохо* противопоставлены ценностному «нулю». Поэтому три члена в шкале ценностей, так сказать, не рядоположены, а образуют иерархию» [4].

Если перенести шкалу ценностей на коммуникацию, то можно говорить также и о трансформации человека говорящего в сторону отрицательных характеристик, не способного контролировать и сдерживать свой эмоциональный фон. И, как следствие, все это и приводит к отсутствию гармоничности между человеком и окружающей его средой, и далее – к переходу от конструктивного к деструктивному общению с этой средой.

Мы полностью разделяем точку зрения В.И. Шаховского о том, что «говорящий зачастую не прикладывает достаточный усилий для того, чтобы поддерживать позитивную тональность общения, чтобы пойти на диалог не только с партнером по коммуникации, но и с самим собой, что выражается в отказе от рефлексии, импульсивности поведения. Речь является одним из наиболее заметных показателей трансформации в *Homo Debilis*. Объяснить данную тенденцию к ослаблению индивида может и анализ информационной / социальной среды, в которой он пребывает, и условий жизни, диктуемых современным обществом гиперпотребления. Таким образом, ослабленный человек, находящийся в негативно воздействующей на него среде, не способен и не намерен продуцировать «здоровые» высказывания» [5].

Следовательно, в рамках настоящей статьи мы ставим перед собой задачу провести анализ эмотивной плотности текста (по В.И. Шаховскому) сообщений на дискуссионном форуме о здоровье с целью выявления маркеров экологичности / неэкологичности, а также конструктивности / деструктивности, а также способов «балансирования» между этими двумя контрастными видами интеракции.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу фактического материала, остановимся на рассмотрении дискуссионного форума. В своих работах мы неоднократно пытались систематизировать наиболее характерные черты, присущие дискуссионным форумам как одному из основных жанров интернет-коммуникации, поэтому здесь мы обобщим полученные нами раннее результаты.

Итак, под *дискуссионным форумом* мы понимаем пространство интеракции, исконно сетевой жанр интернет-коммуникации как определенный спектр социальных ценностей, позволяющий всем желающим высказать свое мнение по интересующим их вопросам, способствующих реализации необходимых для жизнедеятельности индивида потребностей.

К *основным жанровым особенностям дискуссионных форумов* мы причисляем следующие: докоммуникативные лингвистически релевантные средства презентации форумчанина, его речевые и стратегические особенности коммуникативного поведения, нетикет, конфликтность / толерантность интеракции, использование невербальных и графических способов выражения эмоций (эмотиконов, смайликов, курсива, шрифтового выделения).

Но, на наш взгляд, в рамках данной статьи интерес для нас представляют понятия *речевой маски* как особого стиля поведения коммуникантов в интернет-коммуникации, характеризующегося целым набором лексических, графических, стилистических, синтаксических средств, а также коммуникативных стратегий и тактик, используемых этим коммуникантом в качестве отличительных черт его самоидентификации; *флейма* – сообщения неприятного содержания, выступающего маркером нетикета [6].

В качестве фактического материала мы используем сообщения, взятые с дискуссионного форума [7], на котором обсуждаются проблемы людей с лишним весом. Особенностью данного форума является структурирование сообщений, отличие которых друг от друга графически обозначено тире.

Так как анализ эмотивной плотности включает и количественный и качественный параметры, остановимся на рассмотрении количественного параметра. Необходимо отметить, что сообщения разделены на две большие ситуации, первая из которых включает 168 сообщений, а вторая – 99.

Количественный подсчет точек зрения с отрицательной и положительной коннотацией показал, что эти сообщения распределяются в соотношении 60 %: 40 %, причем даже построчное распределение очень наглядно – сообщения с отрицательной коннотацией превышают сообщения с положительной коннотацией в разы. Приведем примеры (табл. 1).

Таблица 1

Примеры положительных и отрицательных коннотаций

Отрицательная коннотация

(1) Знакомая рассказывает, что к ним в магазин за школьной формой приходят дети таких размеров, что в футболку какого-нибудь такого **жирного** 13-летнего мальчика три меня

Положительная коннотация

(2) Вот свекровь у меня. Очень больной человек. Я ни одной более или менее здоровой системы у нее не назову. И **эндокринка**, и **кардио**, и **суставы**. Толстая?

Отрицательная коннотация

влезло бы. И мамыши у них, естественно, соответствующих размеров. И считают, что это нормально, что это "кость широкая" и прочие **дебильные отговорки**. И начинают скандалить, почему их размера нет. Ну ты сам(а) **жируха**, х*** с тобой, но на хрен ты **такого же уroda жирного растишь?** Его сначала жалко, потому что он в детстве сам не может ничего решать, так как родители авторитеты и насаждают свое мнение. Но потом из них вот такие же **жиробасы** вырастают, которые ноют, какие все вокруг худые здоровые сволочи. Бесят!

Положительная коннотация

Да. За 100. Вызывает негатив? Нет. Поэтому, что она старается. Несмотря на свое состояние, пытается какие-то упражнения делать, соблюдать диету. И это видно. А описанное автором – совсем другое.

(3) Болеют все. Так что теперь не жрать? Внешность не выбирают.

(4) Да и вообще причина ожирения именно генетика, а не то, что жрут до фига и про спорт ничего не слышали

Следующим этапом работы предполагается анализ маркеров / параметров экологичного и неэкологичного общения.

В монографии В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» [8] эти параметры сгруппированы следующим образом.

К параметрам экологичного общения относятся: «доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок <...>, взаимную толерантность, сдерживание негативных эмоций, поощрение, поддержку через эмоциональные «поглаживания», этичность» [9].

К параметрам неэкологичного общения автор относит: «нанесение обид, оскорблений, пренебрежение <...>, использование негативных оценок, неуважительное отношение <...>, грубость, невежливость, излишнюю категоричность <...>, нетолерантность [10].

Здесь мы привели наиболее важные и значимые из предложенного автором списка параметров. Единственное отступление, на которое мы хотели бы обратить внимание, заключается в том, что В.И. Шаховский указывает на параметры, которые возникают между двумя коммуникантами в рамках их двунаправленного общения.

Но мы считаем, что эти же параметры могут быть использованы по отношению к интеракции на форуме, при которой все форумчане подразделяются на два «противоборствующих фронта» в высказывании точек зрения по одной общей тематике, т.е. группа форумчан с категоричной негативной оценкой вступает в полемику с группой форумчан с «поддерживающей / оправдательной» позицией, в нашем конкретном случае относительно людей с избыточным весом.

Остановимся на рассмотрении примеров сообщений, содержащих резкую, категоричную, негативную оценку людей с избыточным весом.

(5) Я страдаю от чужого веса. Я стройная, поэтому в общественном транспорте **всякие толстяки** постоянно садятся рядом со мной, так им места получается больше. Наваливаются на меня **своими потными вонючими**

*складками, липнут и растекаются. Мне жарко, тяжело и неудобно. Мне воняет потом, в конце концов! Поэтому я злобно пихаю этих **слонопотамов** локтем, если не помогает, то намекаяще тыкаю пальцем **в бочину**, если всё равно не доходит, то на весь вагон сообщаю, чтобы они свои складки на меня не клали.*

*(6) Только 10 % увеличенных людей имеют проблемы с обменом вещества. Остальные 90 **жирдяи**, которые **жрут**, что не приколочено, и **сидят на жопе ровно** перед телеком. Никакой жалости.*

Проанализируем приведенные выше примеры, в которых на 104 слова сообщений приходится 16 слов сниженной, грубой лексики, т.е. содержание грубой лексики / инвектив составляет 13 %, что указывает на высокую степень эмотивной плотности данных сообщений.

Если задаться вопросом, в чем же заключена сила негативного воздействия рассматриваемых сообщений, то здесь нельзя не согласиться с точкой зрения М.А. Лисихиной о том, что «сила негативного воздействия зависит как от качества оценок, содержащихся в высказывании, т.е. того, насколько серьезными, значимыми считаются подобные нарушения, отклонения от нормы в данном лингвокультурном сообществе, так и от стилистической характеристики слов. Употребление сниженной, ненормативной лексики <...> создает такой эмоциональный фон, который может быть воспринят слушающим / читающим как нанесение ущерба социальной привлекательности» [11], в нашем случае людей с избыточным весом.

Следовательно, доминирующими маркерами / параметрами неэкологичного общения выступают следующие: нанесение оскорблений, грубость, выдвигание в центр внимания собственного «я», нетолерантность:

*(7) А вот я тут в Америке работаю. Что такое Америка и количество **свиножиров** здесь я надеюсь никому объяснять не надо. Так нас заставляют целый курс толерантности к пациентам проходить. И нет у них заболевания "ожирение", а есть *obesity*, т.е. тучность или полнота. Блин, **жопа просто**.*

*(8) Вообще бесит эта толерантность долбаная!!! Нет, я не спорю, что надо уважать другие народы, другие культуры, что надо быть терпимыми к некоторым индивидуумам, потому что действительно есть случаи, когда у человека проблемы и его надо понять. Возьмите тех же колясочников или слепых. Меня в Германии поразило количество колясочников на улицах, думала, почему же у них столько инвалидов. Потом дошло, что и у нас столько же, только они из дома выйти не могут. Так что тут не поспоришь. Но когда эта толерантность превращается в тотальный маразм, в результате которого начинает страдать большинство, то тут уже извините. Да, есть нормальные негры, мигранты из бедных стран, которые реально что-то делают, чтобы интегрироваться. И их реально уважаешь. Но большинство откровенное быдло, которые на халяву лезут и еще свои порядки устанавливают. **Суки**.*

*То же самое с больными. По поводу ВИЧ-больных. Есть среди них ЛЮДИ, достойные уважения. А есть **мрази**, которые считают, что им весь мир должен, так как они, видите ли, больные. И **жиртресты** такие же, и **дауны**.*

В приведенных двух примерах речь идет о таком маркере неэкологичного общения, как: перенесение переживаний самого говорящего, следы от которых долго хранятся в эмоциональной памяти на весь окружающий мир, когда «под одну гребенку» начинают «стричь» людей совершенно разных групп, в примере № 6 – это люди с разного рода заболеваниями.

Далее рассмотрим примеры, в которых, на наш взгляд, содержатся маркеры экологичной ситуации:

(9) *А вообще, толстяков жалко. Это блин реально тяжело худеть.*

(10) *Нет, ну так тоже нельзя. Под эту категорию могут загрести тех, кто реально болен из-за гормонального сбоя или других болезней. Только вот как на деле их отличить от тех, кто сам виноват?*

(11) *Навещала по работе одну тетеньку с лишним весом. Кушает она давно очень мало (модели по сравнению с ней просто обжоры), но из-за тяжелых нарушений обмена веществ плюс склонности к отекам она выглядит необъятной. Страдает, но не уменьшается. Стоит ли всех полных под одну гребенку? Нет.*

(12) *Ну, так нужно эту обиду направить в конструктивное русло. «Не хочу, чтобы меня так называли! Не хочу такой быть! Я всем покажу!».* Человек может все. Просто у вас не достаточная мотивация. Вот если бы от этого зависела жизнь близкого человека? Съедаете булочку – он умирает. Да вы бы в жизни к ним больше не притронулись. Это, конечно, утрирую. Но суть та же. Нужно найти для себя достаточную мотивацию. Для кого-то, кстати, это бывает вот такой случай, когда они слышат что-то обидное и понимают «все, так больше не может продолжаться». Но зачем же полагаться на случай? Можно создать для себя мотивацию самой. Это индивидуально. Кто-то покупает абонемент в дорогой фитнес-клуб и жадность не дает ему прогуливать тренировки, за которые уже уплачено. Я вот, как небольшой стимул, купила себе платье, в которое влезала кое-как на выдохе, теперь оно отлично на мне сидит. Кто-то худеет на спор. К слову, я сейчас примерно на 10 кг легче, чем когда муж делал со мной приседы перед свадьбой.

Нужно найти черту, которая в вас превалирует и ею пользоваться. Выше: обидчивость, жадность, азартность. У меня вот, если откровенно признаться, зависть. Я тоже хочу покупать платья в этих магазинах, где нет больших размеров, тоже хочу хорошо в них выглядеть. Да, умом-то я понимаю, что мне следует похудеть для здоровья, для моего оперированного колена и т.д. и т.п. Но реально мне помогает не голос разума, а вот этот, казалось бы, мелочный порок. О как все извернулось-то.

Во всех приведенных примерах экологичного общения доминирующими маркерами выступают следующие: доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок, солидаризация, кооперативность, личностное переживание излагаемых фактов, поощрение и поддержку посредством советов, примеров из личного опыта.

Все эти сообщения условно можно разместить на шкале «хорошо – нейтрально – плохо», где срединную позицию занимают ироничные стихотворе-

ния (в количестве трех штук на две ситуации) и креолизованные тексты, включающие иконические и вербальные средства (в количестве семи штук). На наш взгляд, их использование нацелено на достижение «баланса» между отрицательными и положительными точками зрения в сообщениях, на «сглаживание наиболее острых углов», на снятие эмоционального «накала» и нивелирование наиболее резких и грубых оценок и высказываний. Приведем примеры (табл. 2).

Таблица 2

Примеры

(13) *Ей никто не давал сто тридцать,
Все сходились на сто двадцать пять.
Вот тогда и решила девица,
Что еще можно жрать да жрать*

(14) *Покупай два билета, жиртрест!!!*

Подводя итоги проведенного исследования, мы приходим к следующим выводам.

При неэкологичном общении *отличительными чертами «речевой маски» виртуальной личности* являются: стремление выйти за пределы институциональности, повышенная эмоциональность речи, насыщенность оценочно-рефлексивного отражения мира. Эта «речевая маска» позволяет потенциальным партнерам по общению воспринимать ее как личность эмоциональную, категоричную в суждениях, несдержанную, агрессивную, в речи которой преобладает сниженная, грубая лексика, большое число инвектив.

При экологичном общении *отличительными чертами «речевой маски» виртуальной личности* являются: доброжелательность, сдерживание негативных оценок и эмоций, отбор стилистических средств сообразно ситуации, аргументированность своей точки зрения.

Хотя наш фактический материал показывает, что неэкологичное общение незначительно преобладает над экологичным, тем не менее, в данном конкретном случае в наличии ряд способов «балансирования» между ними, т.е. способов эмоциональной разрядки – ироничные стихи и креолизованные тексты. Кроме того, здесь можно согласиться с точкой зрения В. И. Шаховского о том, что «экологичным является не такой текст, в котором выражены исключительно положительные эмоции, а такой, причиной создания которого является конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего» [12].

В рамках данной статьи нам удалось рассмотреть маркеры экологичной / неэкологичной интеракции из области устной коммуникации на область письменной коммуникации в интернет-пространстве; выявить способы «балансирования» между двумя контрастными видами общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шаховский, В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. С. 19.

[2] Шаховский, В.И. Указ. соч. С. 12.

[3] Ларионова, И.С. Здоровье современного человека как ценность [Электронный ресурс] / И.С. Ларионова. – URL: <http://genmir.ru/b/dok/larz.htm> (дата обращения 13.07.13).

[4] Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М. : Флинта : Наука, 2010. – С. 227.

[5] Шаховский, В.И. Указ. соч. С. 26.

[6] Косова, О.А. Сравнительный анализ «речевых масок» виртуальных личностей в интернет-коммуникации (на материале дискуссионных форумов о здоровье) [Текст] / О.А. Косова // В мире научных открытий. – Красноярск : Науч.-инновац. центр, 2014. – № 3.2 (51) (Социально-гуманитарные науки). – С. 1108–1119.

[7] Лишний вес, проблемы с лишним весом. Полные люди, Толстые люди на приеме у врача: в форуме: Личная жизнь. О своем, о женском [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.krasotulya.ru/love/forum12/topic4931> (дата обращения 13.08.2017).

[8] Шаховский, В.И. Указ. соч. – С. 41–42.

[9] Шаховский, В.И. Указ. соч. – С. 41.

[10] Шаховский, В.И. Указ. соч. – С. 42.

[11] Лисихина, М.А. Прагмалингвистическое исследование явления дискредитации в американской речевой культуре : дис...канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / М.А. Лисихина. – Хабаровск, 2008. – С. 90.

[12] Шаховский, В.И. Указ. соч. – С. 55.

Информация об авторе

Косова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры образования в области романо-германских языков, Школа педагогики Дальневосточного федерального университета (филиал в г. Уссурйск), 692519, Приморский край, г. Уссурйск, ул. Некрасова, 35, e-mail: olgakosova34@mail.ru.

Kosova Olga Alexandrovna – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of education of roman and German languages, School of Education, Far-Eastern Federal University, 692519, Primorsky Krai, Ussuriysk, Nekrasova Str., 35, e-mail: olgakosova34@mail.ru.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ФРАНЦУЗСКОГО СИМВОЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается понятие поэтического дискурса в рамках текстового пространства поэзии как особого вида вербального искусства. Обосновывается целесообразность рассмотрения широко обсуждаемых в современной теории дискурса институциональных критериев, которые представляются в оппозиции к личностным критериям и которые во многом определяют отнесенность поэтического дискурса к той или иной исторической эпохе и поэтическому направлению.

Материалом исследования послужила поэзия французского символизма, представители которого по-разному реализуют институциональные критерии высокой поэзии, заложенные в структуре александрийского стиха в зависимости от личностных критериев поэтической и языковой личности автора произведения.

Ключевые слова: поэтический дискурс, стиховая структура, языковая личность, институциональные критерии, поэтическое направление.

N.B. Popova, Chelyabinsk

POETICAL DISCOURSE:
INSTITUTIONAL FEATURES OF FRENCH SYMBOLISM

Abstract. The paper is devoted to analysis the notion of the poetic discourse in context of the poetic textual space as a particular type of verbal art. The article presents feasibility of a consideration widely discussing in modern linguistics discourse's conception the institutional and personal criteria, which determine the poetic discourse attribution to the one or another historical epoch and poetic school.

The research material serves the poetry of French symbolism which poets realize in different ways the institutional criteria of the high poetry and in particular in the structure of Alexandrian verse according to the personal criteria of poets.

Key words: poetic discourse, verse structure, linguistic personality, institutional criteria of poetical current.

В соответствии с антропоцентрической парадигмой лингвистики в XX веке осуществляется рассмотрение функционирования языка в рамках понятия «дискурс», терминологическое значение которого принадлежит Э. Бенвенисту. Сегодня этот термин является объектом лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Лингвистическое понимание дискурса активно рассматривается французской школой дискурса (П. Шародо, М. Пешё, П. Серио). Особая роль в исследовании дискурса принадлежит голландскому исследователю Т.А. ван Дейку, который рассматривает его как «завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия», включая «интерпретацию продукта реципиентами». Это может быть «тип вербальной продукции», «тип жанра», когда понятие дискурса «относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре» [1].

Определенный вклад в развитие лингвистического определения дискурса внесен отечественными лингвистами. Широко цитируется определение дискурса Н.Д. Арутюновой, как речи, «погруженной в жизнь» в совокупности с экстралингвистическими факторами [2]. Актуально определение дискурса как когнитивного процесса, связанного с речью, созданием речевого произведения и текстом как конечным результатом этого процесса в виде законченной и зафиксированной формы [3].

Как видим, понятие дискурса в современной науке достаточно неоднозначно и может рассматриваться с разных точек зрения: дискурс устный и письменный, дискурс монологический, диалогический и полилогический, дискурс по разным сферам человеческой деятельности (политический, юридический, судебный, спортивный, художественный, поэтический и др). То есть принципы, по которым классифицируется понятие дискурс в современной науке, весьма разнообразны.

Объектом нашего исследования является поэтический дискурс, который в свою очередь может интерпретироваться с разных позиций.

Поэтический дискурс может рассматриваться в рамках дискурса художественной речи, что осуществляется достаточно интенсивно в наши дни без учета особенностей поэзии и прозы. Однако до широкого проникновения понятия дискурса в современную филологию и в частности лингвистику поэзия и проза четко дифференцировались, каждая область имела свои особенности, проблемы и задачи. Одной из значимых особенностей поэзии, например, является ее способность передавать «большое количество информации по каналу малой пропускной способности» [4].

Действительно, поэтический текст, наделенный разнообразными формообразующими структурами ритма и рифмы, представляет собой сложное семантическое единство, в котором заложены возможности поэтических трансформаций и дополнительных смыслов, несущих обновленное информационное новое всему тексту. В середине XX века активно развивается лингвистика поэтического текста, в рамках которой осуществляется поиск механизма поэтической образности и подходы к интерпретации поэтического текста (Г.О. Винокур, В.Б. Шкловский, Б.А. Ларин, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон, Ю.Н. Левин, Ж. Коэн, Ю.М. Лотман и др.).

Несмотря на отход от перечисленных собственно «поэтических» проблем перед лицом бурно развивающейся теории дискурса, постараемся их объединить в целях уточнения понятия поэтического дискурса.

Перечисленные выше определения и характеристики понятия дискурс в общем и целом отражают основные положения и понятия собственно поэтического дискурса как дискурса поэзии. Поэтический дискурс включает поэтические тексты, созданные авторами разных социальных и исторических эпох, разных поэтических направлений, поэтический дискурс отражает и сам процесс интерпретации поэтических произведений читателями. При этом интерпретация поэтического дискурса как продукта предполагает учет социальных, эстетических и поэтических особенностей, которые работали на момент создания поэтических текстов, включая особенности языковой личности создателей поэтических произведений.

В рамках настоящего исследования рассмотрим поэтический дискурс с точки зрения критериев, которые ложатся в основу классификации дискурса В.И. Карасиком на институциональный и персональный (или личностно-ориентированный) [5]. Такое разграничение в рамках поэтического дискурса нам представляется возможным и даже необходимым для системного представления поэтического творчества в целом как вида искусства в его исторических, социологических, философско-эстетических, структурно-поэтических и собственно лингвистических аспектах.

Институциональный дискурс определяется В.И. Карасиком как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений». В области поэтического дискурса статусно-ролевые рамки определяются поэтической школой или направлением с их манифестами и особенностями формального и содержательного плана, куда обязательно включаются особенности стиховой структуры, кардинально отличающей поэзию от прозы.

Ярким примером институционального критерия французского поэтического дискурса может послужить творчество Жана Расина в рамках поэтического канона французского классицизма с его жесткими статусными рамками. Это деление жанров на высокие и низкие, соблюдение правил трех единств (места, действия, времени), построение речи и структурирование текста в целом согласно причинно-следственной связи картезианского силлогизма «тезис – антитезис – силлогизм». На уровне языка это использование приемов украшения речи в виде описательных оборотов и стандартных для XVII века перифраз. На уровне стихосложения – это александрийский размер, представляющий собой 2 стиха по 12 слогов, объединенных парной рифмой и цезурой на 2-м слоге.

При этом французский поэтический дискурс XVII века будет адекватно функционировать только при учете реципиентом 21 века всех особенностей периода создания поэтических произведений и, соответственно, передавать их информационную эстетическую значимость.

В дальнейшем, как показывает наше исследование информативности французского поэтического текста [6], при изменении исторических, социальных и эстетических факторов изменяется в основном содержание, тематика и лексическое своеобразие, а форма стиховой структуры практически остается неизменной до рубежа 19–20 веков. Хотя попытки введения разговорных эле-

ментов и разговорных интонаций способствует расшатыванию и ломке традиционной схемы французского стиха. И это долгий процесс, охватывающий многие поэтические направления и школы.

При романтизме, например, идет так называемая «эмансипация» стиховой структуры на фоне «отрицания рационалистического толкования мира, драматического восприятия существующей действительности и гипертрофии индивидуального сознания», что приводит к изменению «содержательных, композиционных и архитектурных структур поэтического текста». На уровне лексических форм перифразы и абстрактная лексика классицизма заменяются лексикой конкретной и эмоциональной в виде индивидуальных метафор, сравнений, гипербол и антитез, которые «служат передаче нового метафорического видения и субъективно-индивидуального переживания» [6, с. 96–97].

Французский символизм, к которому традиционно относят Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме с их субъективной оценкой действительности через лирическое «Я», достаточно «лично» разнообразно представлен в институциональной структуре французского стиха. Хотя двенадцатисложный размер, заданный классицизмом, широко используется практически всеми символистами.

Коренное изменение претерпевает план содержания, отражающий изменения социально-исторической обстановки и эстетики мировосприятия европейской культуры конца 19 и начала 20 веков. Символизм развивается в условиях кризиса буржуазного общества и, соответственно, культуры, а его представители с исключительной остротой переживают трагедию личности в обществе. Отсюда их крайний индивидуализм, протест против общества, облекающего личность на гибель, влечение к мистицизму, к «искусству для искусства», к крайнему субъективизму. Это есть то общее, что объединяет поэтов-символистов во взглядах на поэтическое искусство, при всем различии их индивидуального своеобразия.

Французский символизм начинается с Шарля Бодлера, который является реалистом по восприятию действительности, романтиком по внутреннему складу, классиком по композиции и архитектоники стиха. Бодлер воплощает и подытоживает в своем творчестве все тенденции искусства Нового времени. В сборнике стихов «Цветы Зла» Бодлер, как реалист, вводя новую тему города, описывает его уродство, что не типично для поэзии в принципе, облекая это содержание в строгие рамки александрийского стиха (12-сложный размер, с цезурой на 6-м слоге и исключительно парная рифма):

6-6 Une mer de brouillards // baignait les édifices, //

6-6 Et les agonisants // dans le fond des hospices //

6-6 Poussaient leur dernier rôle // en hoquets inégaux. //

6-6 Les débauchés rentraient, // brisés par leur travaux (Baudelaire. Les Fleurs du Mal, СIII) – пер. Рваный туман окутывал дома // Умирающие больные в глуши богаделен // Издавали последний хрип в предсмертной икоте // Уволенные возвращались домой, разбитые непосильным трудом.

Близки к поэтическим образам Бодлера гротески Артура Рембо, который рисует в багровых тонах кровавые наброски городского пейзажа в рамках 12-

сложника, напоминающего александрийский размер, но изменяет рифму с парной на перекрестную:

6-6 *Allez! On prévientra // les reflux d'incendie, //*

6-6 *Voilà les quais, voilà // les boulevards, voilà //*

6-6 *Les maisons sur l'azur // léger qui s'irradie //*

6-6 *Et qu'un soir la rougeur // des bombes étoila!* (Rimbaud. L'Orgie parisienne) – пер. *Смотрите! Что может остановить отливов пожара // Вот набережные, вот бульвары, вот // дома на фоне легкой лазури, которая уже полыхает, // И которая однажды вечером взорвется в небе кровавыми звездами.*

Неприглядно и зловеще передается тема города Полем Верленом в одном из наиболее горьких своих «песен»:

6-6 *L'omnibus, ouragan // de ferraille et de boues,*

6-6 *Qui grince, mal assis // entre ses quatre roues,*

6-6 *Et roule ses yeux verts // et rouges lentement,*

6-6 *Les ouvriers allant // au club, tout en fumant*

6-6 *Leur brule-gueule au nez // des agents de police,*

6-6 *Toits qui dégouttent, murs // suintants, pavé qui glisse,*

6-6 *Bitume défoncé, // ruisseaux comblant l'égout,*

6-6 *Voilà ma route – avec // le paradis au bout* (Verlaine. La Bonne Chanson. XVI) – пер. *Омнибус как ураган железа и грязи, // скрипит, криво сидя на четырех колесах, // И медленно рулит свои зелено-красные фары, // Рабочие, идущие в клуб, беспрестанно куря свою носогрейку в лицо полицейским, // Крыши, с которых течет, мокрые стены, липкая мостовая, // Разбитый асфальт, потоки сточной воды, – // Вот моя дорога с раем в конце тоннеля.*

Как видим, разговорная лексика и разговорная интонации даже у поэтов в рамках одного направления имеют тенденцию к усилению. У Верлена городская картина выглядит просто ужасающе. При этом институциональные рамки александрийского размера внешне полностью соблюдены: 12-сложный размер с исключительно парной рифмой (boues = roues, lentement = en fumant, police = glisse, l'égout = au bout). Стиховые переносы между полустихиями, нарушающие цезурную паузу, отмеченную знаком //, характерны в основном для Рембо и Верлена. Особенно ярко стиховые переносы выражены у Поля Верлена, когда предлог формально отделяется от существительного (avec // le paradis), прилагательное в форме причастия - от существительного (murs // suintants), делится сложное прилагательное зелено-красный (ses yeux verts // et rouges). В дальнейшем стиховые переносы, или анжамбеманы (enjambements), встречаются у Верлена даже и в позиции конца стиховой строки.

Таким образом, институциональные критерии организации стихового размера в рамках дискурса поэзии французского символизма имеют общую тенденцию к их нарушению.

Однако Верлен в этом отношении идет дальше. Он разбивает 12-сложный размер на две или даже три части, создавая тем самым короткие стихи под названием романсов и песен. Такой, в частности, является «Песнь дождя», написанная 6-сложным размером, который легко восстанавливает 12-сложный размер:

2-4 *Il pleure dans mon coeur* // 3-3 *Comme il pleut sur la ville*;

1-5 *Quelle est cette langueur* // 3-3 *Qui pénètre mon coeur?* (Verlaine. *Romances sans paroles*, VIII).

Еще более неожиданным и смелым является короткий метр «Осенней песни», состоящий из 4- и 3-сложных стихов, который восстанавливает не только 12-сложный размер, но и парную рифму александрийского стиха (l'automne = monotone):

2-2 *Les sanglots longs* // 0-4 *Des violons* // 0-3 *De l'automne*

1-3 *Blessent mon Coeur* // 0-4 *D'une langueur* // 0-3 *Monotone* (Verlaine. *Poèmes Saturniens*, XIII).

На фоне сохранения и развития институциональных критериев французского стиха отметим кардинальные изменения, поэтического содержания во французском символизме, которое отражает долгий путь поэтико-эстетической эволюции: от логики причинно-следственной связи до интуиции сознания и бессознательного.

Заимствуя все, что было идеалистического в романтизме и у парнасцев эстетика символизма создает поэзию наиболее идеалистическую, сравнимую с метафизическим знаком, символом, скрытым сравнением, как двойственная структура метафоры, которая становится через интуицию знаком коммуникации, символизирующей силой.

Так символизм Бодлера основывается на двух противоположных понятиях: реальности с отрицательным знаком (пропасть, порок, зло, страдания) и мира вдохновения, поэзии, прекрасного. Символом судьбы поэта у Бодлера, например, становится прекрасная в парении и нелепая на суше птица альбатрос. Это достаточно эксплицитный символ, тогда как в основном символ в эстетике символизма обладает многозначностью, неопределенностью, зыбкостью и постоянно меняющейся структурой, то есть импрессионистическими признаками.

У Верлена зыбкая структура символа просматривается в его «пейзажах души» через противопоставление двух планов метафорического сравнения: объективного плана природы и субъективного плана душевного настроения. При этом символ Верлена настолько размыт, что создается ощущение передачи смысла звуковыми ассоциациями, усиленными ритмом и рифмой. Эстетика символизма у Верлена реализуется через неопределенные импрессионистические характеристики символа как процесса суггестации (внушения), аллюзии, неопределенного намека. Примером может послужить уже цитированная «Осенняя песня», в которой поэт искусно разлагает 12-сложный размер на короткие стихи, усиливая тем самым семантическую функцию ритма и рифмы.

Наиболее последовательным теоретиком французского символизма является Стефан Малларме, создавший целую галерею символических образов, которые функционируют в рамках структуры александрийского размера, сдерживающего и одновременно формирующего многоплановое развитие метафизического осмысления символа.

Примером может послужить его стихотворение «Видение» (Apparition), которое представляет метафорическое развитие поэтического символа: через

ощущения лунного пейзажа – к воспоминаниям первого поцелуя и от воспоминаний – к зыбкому видению любимой в образе феи. Фея в шляпе из света, как отражении луны на мокром асфальте, выпускает из своих рук, словно снежинки, белые букеты ароматных звезд:

6-6 J'errais donc, l'oeuil rivé // sur le pavé vieilli

6-6 Quand avec du soleil // aux cheveux, dans la rue

6-6 Et dans le soir, tu m'es // en riant apparue

6-6 Et j'ai cru voir la fée // au chapeau de clarté

6-6 Qui jadis sur mes beaux // sommeils d'enfant gaté

6-6 Passait, laissant toujours // de ses mains mal fermées

6-6 Neiger de blancs bouquets // d'étoiles parfumées (Mallarmé. Poésies, 1887).

Стихотворение написано в рамках классического александрийского размера с четким соблюдением парной рифмы 12-сложных стихов: *la rue = apparue, clarté = gaté, mal fermées = parfumées*. Наложение четкой стиховой структуры на размытое ассоциациями содержание минорной тональности грусти и мечты, свойственное поэтике французского символизма, позволяет с одной стороны структурировать это содержание, а с другой – породить в процессе чтения дополнительные парадигматические смыслы параллельных формально-содержательных структур в семантическом пространстве конкретного поэтического произведения.

И это собственно есть та глубокая и содержательная часть общего понятия поэтического дискурса, который порождается и оформляется в сознании реципиента в процессе чтения произведения, либо после его прочтения на основе ассоциаций, возникших в результате эстетической деятельности внимательного и подготовленного читателя. Поэтическое искусство французских символистов предлагает широкое поле для дискурсивного восприятия внимательного читателя, эстетическая деятельность которого во много определяет понятие поэтического дискурса.

Исследование поэтического дискурса с точки зрения институциональных признаков, которые, так или иначе, опираются на личностные авторско-читательские особенности, представляется нам плодотворным и обогащающим интерпретационный процесс поэтического дискурса на этапе его адекватного и эстетически информационного восприятия. Исследования в области поэтического дискурса могут, в свою очередь, расширить методологию преподавания стилистического анализа в высшей школе и тем самым внести определенный вклад в дискурс педагогического типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 20.04.2018).

[2] Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – С. 136–137.

[3] Кубрякова, Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : докл. 7-й междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.

[4] Abernathy, R. Mathematical linguistics and poetics [Text] / R. Abernathy // Poetics. Poetyka. – 1961. – P. 563–569.

[5] Карасик, В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2> (дата обращения 20.04.2018).

[6] Попова, Н.Б. Информативность поэтического текста (диахроническое исследование на материале французской поэзии) [Текст] / Н.Б. Попова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 140 с.

Информация об авторе

Попова Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, 454001, ул. Братьев Кашириных, 129, e-mail: popova@csu.ru.

Popova Natalya Borisovna – Doctor in Philology, full Professor, Department of Roman and German languages and intercultural communication, Chelyabinsk State University, 129, Bratiev Kaschirinih, Chelyabinsk, 454001, e-mail: popova@csu.ru.

УДК 81-33

Ю.Г. Пушкарева, Улан-Удэ
А.А. Языкова, Улан-Удэ

ФУНКЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Авторы рассматривают индивидуальный характер имени собственного в процессе номинации товарных знаков на примере иноязычной рекламы. Имена собственные широко распространены в маркировке товаров, поскольку, как правило, в качестве имен брендов используется простая, несложная в произношении лексика, легко запоминаемая и воспроизводимая. Рассмотрены примеры наиболее известных иноязычных брендов. Авторы приходят к выводу, что имя собственное в названии торгового бренда помогает придать индивидуальный характер продукции, выделить его среди множества похожих товаров, а также свидетельствует о его качестве.

Ключевые слова: реклама, торговый знак, имя собственное, антропоним, ассоциация, номинация.

THE ROLE OF PROPER NAMES IN FOREIGN-LANGUAGE ADVERTISEMENTS

Abstract. *The article deals with the distinctiveness of proper names in the process of nomination which is exemplified by foreign brands. The authors find out proper names to be widespread in brands due to their characteristic features of awareness for the most of people, simplicity in pronunciation, registration and recall. The most famous foreign-language brands are studied. The authors come to the conclusion that proper names in brands have several functions: they give distinctive features to different goods and services, distinguish and emphasize them among similar products and guarantee the quality of these products.*

Key words: *advertisement, brand, proper name, anthroponym, association, nomination.*

Современная реклама вследствие своего постоянного присутствия в средствах массовой информации является не простым средством продвижения товара, а приобретает функцию воздействия на общественное сознание и поведение. Товарный знак как важная часть рекламы достаточно часто формируется за счет включения в его состав имени собственного. Собственные имена, получившие мировую известность, зачастую не имеют непосредственной связи с понятиями, но способны вызвать множество разнообразных ассоциаций, что и требуется для продвижения продаваемого товара.

Следует отметить определенную специфику использования имен собственных в рекламных текстах. По мнению А.А. Никитиной и Э.Р. Ясавеевой, к характерным чертам языка рекламы исследователи относят высокую выразительность текста вследствие широкого использования изобразительно-выразительных средств, простоту, краткость и конкретность изложения, смысловую емкость используемых лексических, грамматических и графических средств, ситуативность языка, компрессию информации в рекламных текстах, которая реализуется в рекламных текстах не только на семантическом и лексическом уровнях, но также и на фонетическом и синтаксическом уровнях [1]. Например, товарный знак косметических средств *Макс Фактор (MaxFactor)* – сокращенное имя основателя этой компании, американского бизнесмена, Максимилиана Факторовича, который до эмиграции в США из Российской империи в 1904 г. проживал в Одессе. Первый косметический магазин был открыт им в г. Рязани. Максимили-

ана Факторовича называют «отцом современной косметики». В наши дни название MaxFactor стало брендом¹, претерпев определенную компрессию имени собственного для простоты запоминания и краткости обозначения.

Имена собственные в составе товарных знаков образуют достаточно обширный слой естественной лексики – они отличаются по своему происхождению и применению [2]. По мнению А.В. Суперанской, в рекламном тексте используются имена с достаточной известностью, способные вызывать определенные ассоциации [3]. К ним относятся личные имена и фамилии знаменитых людей, имена мифологических персонажей, названия произведений литературы и искусства. Имена собственные широко распространены в маркировке товаров. Как считает Н.А. Стадульская, причиной этому является правило рекламного текста использовать в качестве имен брендов простую, несложную в произношении лексику, легко запоминаемую и воспроизводимую [4]. Приведем примеры самых известных англоязычных брендов, названия которых вызывают у потребителя особые ассоциации и ощущения:

МакДональдс (McDonald's) ассоциируется с быстрой и вкусной едой. В 1948 г. братья Ричард и Морис МакДональд (Richard and Maurice McDonald) открыли первый ресторан быстрого питания в Калифорнии [5].

Дисней (Disney) – занимательные и яркие мультфильмы. В 1923 г. вместе с братом Уолт Дисней (Walt Disney) организывает мультипликационную студию, которая получает название Walt Disney Picture [6].

Форд (Ford) – престижные, но доступные автомобили. В 1903 г. Генри Форд (Henry Ford) с одиннадцатью компаньонами основал компанию Ford Motor Company [7].

Жилет (Gillette) – одноразовые бритвенные системы. В 1901 г. Кинг Кэмп Жиллетт (King Camp Gillette) основал компанию по производству и продаже простых в использовании, одноразовых бритвенных станков [9].

Харлей-Дэвидсон (Harley-Davidson) – легендарные мотоциклы. В 1903 г. братья Уолтер и Артур Дэвидсон (Walter and Arthur Davidson) совместно с Вильямом Харлеем (William Sylvester Harley) создали свой первый уникальный мотоцикл [10].

Личные имена (антропонимы) наделяют товары характером, индивидуальностью и делает их привлекательными для покупателей. Так, например, парфюмерная линия популярной певицы Кристины Агилеры (Christina Aguilera) была создана в 2007 г. с выходом первого одноименного аромата *Christina Aguilera*, затем *Christina Aguilera by Night* (2009), *Christina Aguilera Royal Desire* (2010). Названия ассоциируются с женственностью и чувственностью, связанные со сценическим образом певицы.

Подобные маркировки товарных знаков полагаются на умственные ассоциации потребителей, на их причастность к мировой культуре. Информативность

¹ **Торговая марка (бренд)** – это визуальный образ, имя, данные производителем своей услуге, чтобы покупателю было легче отличить ее от услуг конкурентов. В настоящее время в экономической литературе встречается использование как названия бренда, так и торговой марки [8].

брендов определяется не столько языковым материалом, из которого они составлены, сколько общественным знанием определенных реалий, послуживших основанием для их создания и придания им определенных ассоциаций [11]. Например, товарный знак одежды *Киплинг (Kipling)* получило название от имени английского путешественника Редьярда Киплинга, считавшегося в свое время своеобразным «носителем» европейского стиля одежды; марка часов *Ньютон (Newton)* – от фамилии гениального английского физика Исаака Ньютона; одежда для мужчин *Биг Бен (Big Ben)* образовано от имени собственного часовой башни Вестминстерского дворца. Данные товарные знаки просты в запоминании и употреблении в языке, а для потенциальных покупателей подобная реклама достаточно информативна. По мнению Н.Г. Мордвиновой, такого рода знаки носят символический характер, активизируют мыслительную деятельность и воображение. Н.А. Стадульская уточняет, что информация, содержащаяся в товарных знаках, носит интеллектуальный и эмоциональный характер [12]. У потребителя возникает цепочка ассоциаций на основе сходства, иногда субъективных личных переживаний клиента, что обеспечивает не только восприятие, но и запоминание товарного знака, его аттрактивный потенциал, эмоционально-экспрессивную окраску.

При создании товарного знака рекламодатели подбирают особые имена, которые указывают на основные функции товара, учитываются привычки и вкусы возможных групп покупателей. Коммерческое название товара должно быть оригинальным, запоминающимся и неповторимым. Рекламуемый предмет представляется как ответ на ожидания потребителя. Таким образом, реклама стремится подчеркнуть «свою» марку среди множества других, отвечающих нуждам потребителей. Торговая марка отражает уникальность предмета, а ее название является символом рекламируемого предмета и призвано вызывать определенные ассоциации в сознании потенциального пользователя. Так, торговые марки *Прада (Prada)*, *Кристиан Диор (Christian Dior)*, *Луи Вьютон (Louis Vuitton)*, *Ив Сен Лоран (Yves Saint Laurent)* на подсознательном уровне символизируют престиж, успех и хороший вкус и связаны с предметами роскоши.

Многие PR-менеджеры убеждены, что название должно вызывать у потребителя положительные образы: данный факт увеличивает шансы рекламируемого товара быть замеченным, узнаваемым, а также повышает его потребительскую значимость. Так, например, название торговой марки *Nestlé* ассоциируется с образом дружной семьи, с домашним очагом; куриные кубики *Maggi* – с вкусной домашней едой; виски *Jack Daniel`s* – с американской мечтой; напиток *Coca-Cola* – с новогодними каникулами; чай *Chelton* вызывает чувство богатства и плодородия. Если реклама вызывает у потребителя положительные эмоции, то рекламодатель добился своей цели.

Как отмечает В.Г. Ковалев, имена собственные играют значительную роль в рекламе, они придают ей оттенок индивидуальности и некой таинственности. Ведь имена собственные по самой своей природе (мощные и исторически – эмоциональные контексты) довольно легко входят в рекламу [13]. И после того как брендовое имя установится на рынке рекламы, у покупателя с данной торговой

маркой прочно ассоциируется нужный рекламодателю образ товара, что позволяет заключить, что товарный знак обладает мощным суггестивным воздействием (от лат. *suggestio* внушение, намек; психологическое воздействие на чьи-либо мысли, подсознание или поведение).

Как показывает исследуемый материал, имя собственное помогает придать индивидуальный характер определенной продукции, выделяя его среди множества других. Цель рекламы – наиболее эффективно воздействовать потребителей, вызывая определенные ассоциации и стимулируя к приобретению данной продукции. Рекламный текст всегда ориентирован на достижение максимального прагматического эффекта, а современная рекламная деятельность ориентирована на нормы, стили и взгляды, систему поведения и ценностные ориентации, духовные и материальные запросы своего потенциального потребителя. Собственное имя наделяет товар социально-культурными, идеологическими, эстетическими ценностями. Торговая марка становится узнаваемой в результате объединенных единой целью и направленных на ее создание кампаний. Автомобильная марка *TVR*, основателем которой являлся английский инженер Тревор Уилкинсон (*Trevor Wilkinson*), производит легкие, мощные спортивные автомашины, но этот бренд мало узнаваем. Автомобили, которые прочно связаны в сознании с богатством и мощностью – это автомобили марки *Роллс-Ройс (Rolls-Royce)*. Создателями являются Чарльз Роллс и Генри Ройс. Брендное имя обеспечивает рекламируемому предмету выживание в безжалостной конкурентной среде, где оно становится символом, приобретая аттрактивные характеристики. Так, например, английская марка *Burberry* широко известна благодаря имени Томаса Бёрберри, получившему известность благодаря полученному патенту на производство нового вида ткани – габардина в 1888 г., а в 1909 г. было зарегистрировано имя «*Burberry*».

Реклама ориентирована на достижение максимального прагматического эффекта. Современная реклама ориентирована на нормы, взгляды и стили, систему поведения и ценностей, духовные и материальные запросы потенциального потребителя. Имя собственное помогает придать индивидуальный характер номинации определенной продукции, выделяя его среди множества других. В англоязычной культуре названия многих известных брендов включают имена собственные их основателей, что свидетельствует о качестве товара, имеет определенную историю и подчеркивает вклад первооснователей бренда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Никитина, А.А. Имена собственные (антропонимы) в языке англоязычной рекламы [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Никитина. – СПб., 1997. – URL: <http://cheloveknauka.com/imena-sobstvennye-antroponimy-v-yazyke-angloyazychnoy-reklamy> (дата обращения 28.03.2018); Ясавеева, Э.Р. Имена собственные в рекламном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Э.Р. Ясавеева. – Тверь, 2004.

[2] Мордвинова, Н.Г. Словесные товарные знаки алкогольных напитков: на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского,

немецкого и английского языков: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н.Г. Мордвинова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/slovesnye-tovarnye-znaki-alkogolnykh-napitkov-na-materiale-russkogo-chuvashskogo-frantsuzsko> (дата обращения 03.04.2018).

[3] Суперанская, А.В. Товарные знаки [Текст] / А.В. Суперанская, Т.А. Соболева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2009. – С. 85.

[4] Стадульская, Н.А. Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Стадульская. – Пятигорск, 2014. – URL: <http://docplayer.ru/29590782-Na-pravah-rukopisi-stadul'skaya-natalya-aleksandrovna-tovarnye-znaki-v-yazyke-i-vneyazykovoy-deystvitelnosti-velikobritanii-i-ssha.html> (дата обращения 29.03.2018)

[5] Энциклопедия брендов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/mcdonalds> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

[6] Энциклопедия брендов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/mcdonalds> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

[7] Энциклопедия брендов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/mcdonalds> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

[8] Жукова М.А. менеджмент в туристском бизнесе : учеб. пособие / М.А. Жукова. – М. : КНОРУС, 2006. – С. 79

[9] Энциклопедия брендов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/mcdonalds> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

[10] Энциклопедия брендов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brandreport.ru/mcdonalds> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

[11] Мордвинова, Н.Г. Словесные товарные знаки алкогольных напитков: на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков [Электронный ресурс] : дис. канд. филол. наук / Н.Г. Мордвинова. – URL: <http://www.dissercat.com/content/slovesnye-tovarnye-znaki-alkogolnykh-napitkov-na-materiale-russkogo-chuvashskogo-frantsuzsko> (дата обращения 03.04.2018).

[12] Стадульская, Н.А. Британские и американские товарные знаки как отражение ценностного отношения к окружающей действительности [Электронный ресурс] / Н.А. Стадульская // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 8 (часть б). – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32164> (дата обращения 04.04.2018).

[13] Ковалев, Ф.Г. Прецедентные имена в рекламе / Ф.Г Ковалев // *Вестник ВГУ. Сер. «Филология. Журналистика»*. – 2004. – № 1. – С. 158–164.

Информация об авторах

Пушкарева Юлия Геннадьевна – кандидат филол. наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, e-mail: rapouchkova@mail.ru.

Pushkareva Julia Gennadievna – Phd in Philology, Associate Professor of the Department of East and European languages, East Siberia State University of Technology and Management, e-mail: panouchkova@mail.ru.

Языкова Алина Андреевна – преподаватель кафедры восточных и европейских языков, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, аспирант Бурятского государственного университета, e-mail: alinayazykova@gmail.com.

Yazykova Alina Andreevna – tutor, Department of East and European languages, East Siberia State University of Technology and Management; postgraduate student of Buryat State University, e-mail: alinayazykova@gmail.com.

УДК 81'33

С.А. Рыбалко, Иркутск

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Рассматриваются особенности официально-делового стиля национального русского языка в диахроническом аспекте. Предлагается осмысление роли данного функционального стиля как фиксатора, с одной стороны, введения новых культурных концептов, с другой стороны, «ухода старых», уже неактуальных концептов, и смену одних концептов другими, что отражает социальные, политические и культурные изменения в обществе. Показываются преимущества изучения текстов официально-делового стиля в рамках изучения концептосферы этноса.

Ключевые слова: концепт, культура, функциональные стили языка, официально-деловой стиль.

S.A. Rybalko, Irkutsk

Abstract. The article studies the features of the official writing style of the national Russian language in the diachronic aspect. The author suggests that the official style could be considered as a reflection of, on the one hand, the introduction of new cultural concepts, on the other hand, the "abandonment of old", already irrelevant concepts, and the replacement of some concepts, which reflect certain social, political and cultural changes in society. The article points at some of the advantages of studying the texts of the official writing style in the framework of the study of the conceptual sphere of the ethnos.

Key words: concept, culture, functional styles of the language, official writing style.

Концепты – это строительный материал, которые используется нами для организации и упорядочивания человеческого опыта, для хранения знаний, для создания предметов второй природы, другими словами, для создания культуры. Проблемам категоризации и концептуализации опыта человека в его языке посвящено немало работ (см., например, [1]), в том числе работы, выполненные в русле концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [2], в которых под систематикой понимается не столько систематизация фактов, но в первую очередь выявление когнитивного системообразующего механизма, позволяющего исследователю построить систему изучаемого языкового / речевого явления [3].

В основе концептуализации и категоризации опыта лежат мыслительные операции, связанные с понятием концепта. А.К. Тентимишова определяет концепт как «культурный феномен хранения, разработки и накопления информации» [4]. Язык как «оперативная единица картины мира» [5] помогает нам вскрыть основные особенности культуры разных народов, понять то, как определенная культура организует свой мир. Многие исследователи отмечают, что по сравнению с другими элементами культуры, такими как отношения и ценности, язык очень пластичен и быстрее всего реагирует на изменения, происходящие в культуре общества и социуме в целом [6]. Именно в языке в первую очередь отражаются все изменения, культурные, социальные, и политические. Подчас бывают такие ситуации, когда общество все еще живет «старыми» устоявшимися ценностями, а исторические реалии уже кардинально изменились – и именно язык должен быстро среагировать и помочь представителям общества сориентироваться в новой ситуации, назвать то, что происходит, создать новые слова для обозначения иногда совершенно чуждых реалий.

Введение новых концептов, которые входят в язык через образование новых слов или заимствования, не сводится к простому усвоению значения слова, а «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом» [7]. Исходя из данной трактовки концепта, можно предположить, что одним из условий принятия концепта является то, насколько его значение будет созвучно личному и народному опыту принимающего этноса. Не всегда новое слово, как отражение нового культурного концепта, станет неотъемлемой частью принимающей культуры. Различия в ценностных и социальных ориентирах может вызвать последующее отторжение и как следствие незакрепление нового концепта (слова) в языке и культуре народа.

Тексты официально-делового стиля, созданные в разные исторические эпохи, дают нам возможность изучать культурные концепты, закрепленные в них. В качестве предмета изучения выступают те факты действительности, которые отражают социальные и политические процессы, происходящие в обществе. Таким образом, мы получаем дополнительную информацию об особенностях культуры и мирознания народа в тот или иной исторический этап его развития.

Рассмотрим особенности официально-делового стиля национального русского языка в диахроническом аспекте. По нашему мнению, именно официально-деловой стиль, по сравнению с остальными стилями, быстрее всего должен отразить социальные, политические и в какой-то мере культурные изменения, происходящие в обществе. Это обусловлено тем, что именно этот функциональный стиль используется в сфере административно-государственной жизни общества и призван организовывать изменяющиеся общественные отношения. В текстах официально-делового стиля можно обнаружить и зафиксировать, с одной стороны, введение новых культурных концептов, с другой стороны, «уход старых», уже неактуальных концептов, и смену одних концептов другими – все эти процессы отражают те или иные социальные, политические и культурные изменения в обществе.

До сих пор не существует одной общепризнанной системы периодизации развития официально-делового стиля. Тем не менее многие ученые сходятся на выделении следующих периодов: период первых официальных документов Древней Руси (X–XIV века); период приказного делопроизводства (XV–XVII века); период коллежского делопроизводства (XVIII век); период министерского делопроизводства (XIX век); период советского делопроизводства (начало XX века 80–90-е годы XX века), и период делопроизводства эпохи информационных технологий (конец XX – начало XXI века).

В период Древней Руси в языке закладывались традиции русской системы делопроизводства, обработки и хранения документов. Язык документов той эпохи, это прежде всего княжеские грамоты различного характера, отражали культурную ткань общества, властные отношения – элементы субординации, царившие в обществе. Например, такой элементарный компонент делового письма, челобитной, как подпись, может сказать очень многое о жесткой социальной иерархии в Древней Руси. Служилые люди должны были подписываться "холопами", посадские люди и крестьяне подписывались "сиротами" – как можно увидеть из семантики данных слов, которые должны были использоваться в челобитных, простые люди занимали явно низкую ступень в социальной иерархии государства. Слова имели уничижительный характер, призванный показать значимость великого князя и ничтожность социального положения его подданных.

Еще один пример того периода: в обращении к великому князю пишущий челобитную использует словосочетание "бью челом". Данная форма, официально признанная и закреплённая в использовании в данном виде документа, не является метафорой, как мы могли бы предположить, а социально признанной формой поведения по отношению к великому князю со стороны простых подданных. При обращении к великому князю простой человек должен был бить челом, опустившись на колени – это культурная реалья, существовавшая в повседневной жизни русичей долгое время и нашедшая четкое закрепление в шаблонном обращении в челобитной. На современном этапе заявления выполняют роль древних челобитных, и никому уже и в голову не приходит писать "бью челом" при обращении к высокопоставленному чиновнику. Как видно из такого простого примера, язык может не только формировать национальные концепты,

но и очень четко схватывать и закреплять существующие в обществе отношения, тонкие отношения между властью держащими и подданными, вырисовывая политические реалии государства.

Следующим интереснейшим этапом в развитии официально-делового стиля русского языка был 18 век, время безудержной европеизации в различных сферах жизни русского государства. Одной из главных задач Петра Великого было развитие России по европейскому пути, что предполагало заимствование огромного количества разнообразных культурных реалий, не свойственных российскому обществу. Изменения были настолько кардинальны и стремительны, что у языка фактически и не было времени создавать свои исконно русские слова, которые можно было бы использовать для наименования тех или иных заимствованных реалий. Например, в сфере лесного хозяйства Петр заимствует систему немецкого управления лесными ресурсами и вводит новую должность: вальдмейстер.

В русском языке, конечно, уже существовало слово лесник, но в своем значении оно не совпадало с немецким словом вальдмейстер, таким образом, на данном этапе развития культуры и русского социума в язык входит совершенно новое слово для обозначения новой культурной реалии. Служба вальдмейстеров существовала в России на протяжении всего правления Петра Великого, потом временно была упразднена и опять введена уже при Екатерине. Слово так и осталось с налетом иноязычности, оно используется только в рамках исторического курса по экологии России, и большинству современных носителей русского языка оно не известно. Можно заключить, что данный концепт был заимствован в определенный исторический этап развития России, так сказать в связи с насущной необходимостью, но поскольку сама служба впоследствии претерпела большие изменения, и сама система немецкого лесного хозяйства оказалась для России непригодной, то и слово, в конечном итоге, вышло из употребления.

Петровская европеизация России нашла свое отражение прежде всего в заимствованиях огромного пласта лексики латинского происхождения, воздействия стиля письменной речи европейских языков на стиль официально-делового русского письма (витиеватость, иноязычные образцы фразообразования и др.). Заимствованные культурные реалии, новые принципы этикета и отношений в обществе, новые административно-государственные структуры и многое другое – всё это требовало закрепления в языке либо с использованием исконно русских средств, либо иноязычных. Если культурная реалия продолжала оставаться актуальной, то иностранное слово постепенно русифицировалось (фонетически или с точки зрения словообразования), если же культурная реалия выходила из моды, то и слово достаточно быстро исчезало из употребления, что показывает значение языка как структурного элемента культуры, в котором в первую очередь и отражались все преобразования общества, все перипетии его развития.

После петровского периода развития российского государства, пожалуй, советский период, как никогда ярко выявил пластичность и адаптивность русского языка к новым историческим условиям. Но если в петровский период рус-

ский язык был нацелен вовне (расширение запаса концептов за счет заимствованных концептов из западно-европейских культур), то в советский период – вся история русского государства пошла по совсем другой траектории, кардинально отличной от западно-европейской, капиталистической стадии развития. Перед Россией стояла задача создания нового типа государства, без опоры на какие-то существующие образцы. Вследствие этого и язык меняет траекторию развития и замыкается на себе, уходит, так сказать, в глубину исконно русских концептов, языковых понятий и принципов.

Прежде всего в официально-деловом стиле языка находят отражения не только политические изменения, смена государственного строя, но и очень сложные социальные сдвиги, происходившие в послереволюционной России. В период после октябрьской революции из официального употребления в документах вышли такие слова, как Сенат, парламент, величайшее повеление, и многие другие. Одновременно было включено в использование: декрет, советы, комиссариат и др. Язык должен был достаточно оперативно определить те языковые средства, которые могли быть использованы для обозначения новых культурных, политических и социальных реалий. Кроме того, русский язык должен был использовать преимущественно собственные языковые резервы. Советский этап развития официально-делового стиля характерен всплеском словообразования новых слов, которые должны были называть новые культурные реалии: колхоз, совхоз, коллективизация и т.д.

Лексические изменения в языке отражали сдвиги в национальной концептосфере, в политической и культурной жизни государства. Социальные изменения проявлялись в изменениях речеобразования. Например, главной особенностью стиля советского делопроизводства являлась его явная ориентация на простоту и доступность изложения мысли. Можно спросить, как структура предложения может отражать социальные изменения в обществе. Дело в том, что в послереволюционной России произошла не только смена политической, но и социальной формации. Целевая аудитория советской власти были не представители аристократии, а пролетариата и крестьянства, которые в большинстве своем были малообразованы или не образованы совсем. Все основные документы советской власти (декреты) должны были быть написаны так, чтобы они могли восприниматься на слух, потому что прочитать их смогли бы немногие в силу объективных причин. Поэтому и стиль официально-делового письма в послереволюционной России был целенаправленно упрощен, приближен к разговорному стилю фразообразования. Так чисто языковая особенность стиля документов отражает всю глубину проходящих социальных изменений в русском государстве, смену социальных классов, разрушение культурной ткани дореволюционной России.

Упрощенный язык большинства документов советской эпохи был неотъемлемым структурным элементом советской культуры, он помогал создавать эту новую культуру и в то же время был ее воплощением. В понятийном пространстве, созданном этим языком, выросло не одно поколение советских граждан.

Концептосфера послереволюционной России была лишена очень многих исконно русских понятий и ценностей. Язык советской эпохи создавал совершенно другой тип социального деятеля со своими уникальными культурными особенностями, свойственными исключительно данному периоду.

Концептосфера, закреплённая и вербализованная в текстах официально-делового стиля, отражает те факты действительности, которые на тот или иной момент были свойственны укладу жизни и мировоззрению данной этнокультурной общности (властные отношения в обществе, положение простого человека в социальной иерархии, структурные и социальные изменения в обществе, смена политических формаций, и др.). Все эти элементы дают нам дополнительную информацию о культуре народа и жизни общества в целом.

Изучение текстов официально-делового стиля, терминов, синтаксических оборотов, помогает нам "уловить" тонкую социальную и культурную ткань жизни общества. Можно переписывать учебники истории, отражая ту или иную точку зрения на происшедшие события, но изменить оригинальные тексты документов не возможно. Именно они и дают нам "слепок с реальности", иногда не очень приятный, но правдивый. Смена старых концептов новыми, функционирование концептов в рамках официально-делового стиля дают возможность по-другому увидеть многие социально-, политико-культурные особенности жизни этноса, начиная от устоявшихся социальных норм до кардинальных изменений в жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Костюшкина, Г.М. Концептуализация и категоризация в языке : кол. монография [Текст] / Г.М. Костюшкина [и др.] ; под ред. Г.М. Костюшкиной // Вестник ИГЛУ. Сер. 1, Монографии. – Иркутск, 2006. – № 3. – 580 с.

[2] Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [Текст] : материалы 1 – У111 Всероссийских конференций / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – 2014; Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности [Текст] : материалы 1X Всероссийской научной конференции / под ред. Г.М. Костюшкиной. – Иркутск : Изд-во МГЛУ ЕАЛИ, 2015.

[3] Костюшкина, Г.М. Роль системообразующего механизма в системных исследованиях языка и речи [Текст] / Г.М. Костюшкина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 68–74.

[4] Тентимишова, А.К. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов [Электронный ресурс] / А.К. Тентимишова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 226–230. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46223.htm> (дата обращения 25.04.2018).

[5] Тентимишова, А.К. Указ. соч.

[6] Музычук, Т.Л. Интонация как объект лингвистического анализа [Текст] / Т.Л. Музычук // Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня : материалы X Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит. – СПб., 2003. – С. 57–64.

[7] Лихачев, Д.С. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста [Текст] / Д.С. Лихачев. – М. : Academia, 1997. – С. 320.

Информация об авторах

Рыбалко Светлана Александровна – Phd по массовым коммуникациям, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: sveta.rybalko@mail.com.

Rybalko Svetlana Alexandrovna – instructor, Department of Foreign languages, Baikal State University, Phd in Mass Communications, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: sveta.rybalko@mail.com.

УДК 8100

О.Ф. Семенова, Иркутск

АРГУМЕНТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация. Интерес к паремиям обусловлен их использованием для достижения цели. Их применение реализует функцию подкрепления своей мысли или позиции, осуществляя тем самым их аргументирующую функцию. В статье описывается применение пословиц и поговорок в политическом дискурсе на основе прагма-диалектической теории.

Ключевые слова: лингвистика, паремия, функционирование паремий, аргументирующая функция, политический дискурс.

O.F. Semenova, Irkutsk

THE ARGUMENTATIVE FUNCTION OF PROVERBS

Abstract. Proverbs are quite interesting phenomenon for studying as they perform argumentative function in the sphere of political communication. The purpose of the article is to describe issues for researching proverbs, analysis of the last ones in the process of argumentation, determining the argumentative function of the proverbs in political discourse.

Key words: linguistics, proverb, proverb functioning, argumentative function, political discourse.

Интерес к пословицам и поговоркам, наряду с другими средствами языка участвующим в процессе коммуникации, является одной из доминирующих черт современной лингвистики, в которой с конца 20 века произошел радикальный

поворот к «человеческому фактору». Значительное количество работ отечественных и зарубежных ученых посвящены многоаспектному изучению паремиологического фонда. В трудах В.Л. Архангельского, В.М. Мокиенко, Г.Д. Сидорковой и др. исследуются проблемы определения устойчивых выражений и их различных типов, трансформаций устойчивых сочетаний, сходства паремий в разных языках, использование последних в разных типах дискурса, и др. [1].

Цель данной статьи – проанализировать использование пословиц и поговорок в политическом дискурсе, описать их роль в процессе аргументации, тем самым определить их аргументирующую функцию.

В повседневной жизни аргументация – явление достаточно распространенное, с которым мы сталкиваемся при выражении определенной точки зрения, обосновывая позицию или действие, что подтверждается тезисом «Человек разумный есть человек аргументирующий» [2]. Обсуждение повседневных дел, участие в судебных разбирательствах, решение политических вопросов и т.п. – все это сфера функционирования аргументации как вида речевого поведения [3]. Применяя различные тактики для достижения желаемой цели [4], при этом умело используя в речи пословицы и поговорки, как известные всем языковые единицы, не требующие дальнейших пояснений, процесс аргументации приобретает более выразительный и оригинальный характер.

Пословицы и поговорки, имея определенную прагматическую установку, в своем функциональном статусе выступают как один из видов тактик (убеждение, подтверждение, совет, опровержение и т.д.) [5], реализуя при этом конкретную коммуникативную стратегию (эмоционального воздействия, разъяснения, информированности и др.) [6]. Наиболее ярко они реализуются в политических текстах, отличительной характеристикой которых является направленность на убеждение посредством манипулятивной техники.

Политический дискурс играет важную социальную роль в жизни общества. Для его определения мы используем формулировку, предложенную С.Б. Верещагиным «как жанр, целью которого является обсуждение поставленной темы посредством аргументированных высказываний, ограниченных рамками определенного контекста» [7]. Аргументация, оперирующая тактикой убеждения, трактуется как воздействие на картину мира в сознании адресата посредством языковых единиц, в соответствии с нормами убеждений, принятыми в обществе [8] для формирования целесообразной оценки в конкретной ситуации. Именно пословицы и поговорки, выражая мудрость и исторический опыт народа, выступают в роли авторитетного аргумента. В результате такого воздействия тексты политиков воспринимаются как объективное освещение событий. Чаще всего из современных российских политиков В.В. Путин применяет в своей речи пословицы и поговорки, будь то народная мудрость или заимствованные пословицы великих философов.

Для описания особенностей политического текста мы используем структуру аргументации – тезис, аргумент, основание [9] и прагма-диалектический анализ, выступающий инструментом реконструкции аргументативного дискурса

в рамках прагма-диалектической теории аргументации [10], который применяется сейчас для исследования аргументации в разных типах дискурса. Так, Н.С. Баребина применяет таковой по отношению к исследованию аргументации в контексте медиативной практики [11].

В нашем анализе используется специальная система нотации. Каждому аргументу присваивается номер тезиса, к которому он относится. Например, тезис имеет номер 1, аргумент, который его поддерживает, имеет номер 1.1, следующий аргумент в сочинительной аргументации имеет номер 1.2 и т.д. Если аргументация подчинительная, то аргументам присваиваются номера, 1.1, 1.1.1, 1.1.2 и т.д. Проанализируем речь президента с точки зрения аргументирующей функции паремий.

1. Ситуативный контекст 1. В.В. Путин отвечает на вопросы политического обозревателя газеты «Комсомольская правда»:

*«По поводу изменений. Известна поговорка **Все течет, все меняется.** И люди меняются, и ситуации меняются. Изменился я, конечно, к лучшему. Я же не буду говорить, что я к худшему изменился. Мне кажется, что это не очень корректно будет с моей стороны. Изменения, конечно, есть. Они связаны с увеличением и жизненного опыта, и профессионального. На меня (я в этом уверен) очень позитивно подействовала работа в качестве премьера. Причем в очень ответственный для страны период жесткого кризиса, когда напрямую приходилось брать на себя ответственность, и от нее никуда нельзя было увильнуть»* [12].

Структура аргументации данного примера выглядит следующим образом.

1. (Тезис) Я изменился.

1.1. (Аргумент 1) Люди меняются.

1.1.а. (Аргумент-подкрепление предыдущего аргумента) Все течет, все меняется.

1.2. (Аргумент 2) Работа премьера повлияла на то, что я изменился.

Основная мысль (тезис) в данном контексте – «Да, я – другой». Я изменился. В подтверждение своей мысли, президент приводит 2 аргумента: Аргумент 1 – Люди меняются, поскольку *Все течет, все меняется*. Использование пословицы выступает в роли аргумента. Аргумент 2 – Работа на должности премьера повлияла на то, что я изменился. Основание (вывод) Да, вы увидите другого президента, с большим жизненным и профессиональным опытом.

2. Ситуативный контекст 2. (Сочи, Октябрь, 2014, форум «Валдай») [13]: В.В. Путин говорит о роли России:

*«Помните замечательную фразу: **То, что позволено Юпитеру, не позволено быку.** Но мы не можем согласиться с такими формулировками. Может быть, быку и не позволено, но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Вообще он считается у нас хозяином тайги, и он не собирается, я знаю точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно».*

Смоделируем структуру аргументации в данном примере.

1. (Тезис) Россия – хозяин своей территории.

1.1. (*Аргумент 1*) Россия ни у кого разрешения спрашивать не будет

1.2. (*Аргумент 2*) **Не согласимся с формулировкой *То, что позволено Юпитеру, не позволено быку.***

Основание (вывод) Россия не нуждается в одобрении своих действий и будет поступать как считает нужным.

В данном примере мы видим аргументацию от противного: под Юпитером подразумевается Америка, а под быком – Россия. Пословица (аргумент 2) выступает в роли контраргумента, опровергающим аргумент 1. Здесь, использование пословицы подкрепляет позицию президента в намерении не отступить от своих намерений.

3. Ситуативный контекст 3. (В.В. Путин высказывается на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» [14]:

*«Теперь они рискуют потерять доверие как лидеры глобализации. Спрашивается — зачем это нужно было делать? Благополучие тех же Соединенных Штатов в огромной степени зависит от доверия инвесторов, зарубежных держателей доллара и американских ценных бумаг. Доверие явно подрывается. Признаки разочарования в плодах глобализации присутствуют сейчас во многих странах. На мой взгляд, наши американские друзья **режут сук, на котором сами сидят.** Нельзя смешивать политику и экономику, но именно это и происходит».*

Структура аргументации в данном высказывании выглядит следующим образом:

1. (*Тезис*) Нельзя смешивать политику и экономику.

1.1. (*Аргумент 1*) Благополучие зависит от степени доверия.

1.1.a. (*Аргумент – подкрепление аргумента 1*) Доверие явно подрывается

1.2. (*Аргумент 2*) Американцы режут сук, на котором сидят.

Основание (вывод) Америка рискует потерять доверие.

В данном примере пословица, как мы видим, содержится в одном из аргументов. Здесь, использование в речи паремии *Рубить сук, на котором сидишь* подкрепляет мнение российского лидера о бессмысленности действий руководителей страны, вводящей санкции против России [14]. Стратегия разъяснения посредством тактики запроса информации *Спрашивается – зачем это нужно было делать?* реализуется употреблением пословицы качестве одного из аргументов.

С содержательной точки зрения все проанализированные тексты выступлений являются аргументацией, составляющей стратегию убеждения, основой которой являются реальные события – введение санкций против России, события на Украине, выборы президента страны.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в текстах политического характера с целью осуществления убеждающего воздействия в качестве аргументов используются пословицы как языковые средства, обладающие авторитетом. Разумеется, аргументирующая функция пословиц и поговорок в разных речевых контекстах может проявляться по-разному и не всегда явным образом.

Изучения паремий как функционирующих языковых единиц, без сомнения, остается актуальной. Использование их в качестве аргументов делает политический текст более выразительным и оригинальным. Они выступают в роли авторитетных выражений, не требующих объяснений, тем самым реализуя свою аргументирующую функцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке [Текст] / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д., 1964. – 315 с.

2. Костюшкина, Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности [Текст] / Г.М. Костюшкина, Н.С. Барбина // Концептуальная систематика аргументации : кол. монография / науч. ред. Г.М. Костюшкина. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 9–54.

3. Колмогорова, А.В. Аргументация в речевой повседневности [Текст] / А.В. Колмогорова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 147 с.

4. Серёгина, М.А. Паремии как вербальные средства аргументации [Электронный ресурс] / М.А. Серёгина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-puti-razvitiya-otkrytoy-nauki-v-rossii> (дата обращения 15.05.2018).

5. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия [Текст] / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999.

6. Прохорова, А.Е. Особенность аргументации в стратегии убеждения (на материале русскоязычных высказываний бывшего посла Литвы на Украине Пятраса Вайтекунаса) [Текст] / А.Е. Прохорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Изд-во «Грамота», 2018. – № 5, ч. 2. – С. 389–392.

7. Верещагин, С.Б. Дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С.Б. Верещагин. – Тюмень, 2007. – 22 с.

8. Верещагин, С.Б. Указ. соч.

9. Куницына, Е.Ю. Оценка и ценности в структуре аргументации [Текст] / Е.Ю. Куницына // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. «Лингвистика». – 2005. – № 9. – С. 92–108.

10. Еемеерен, Ф.Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссии [Текст] / Ф.Х. Еемеерен, Гроотендорст Р. – СПб., 1994. – 240 с.

11. Барбина, Н.С. Контраргументация в дискурсе медиации [Текст] / Н.С. Барбина // Концептуальная систематика аргументации : кол. монография / ред. Г.М. Костюшкина. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2013. – С. 124–193.

12. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения 21.12.2017).

13. Форум Валдай, г. Сочи [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/2392819.html> ИА REGNUM (дата обращения 15.09.17).

14. Форум Валдай. Указ. соч.

Информация об авторе

Семенова Ольга Фиофановна – аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: SemOlg1971@rambler.ru.

Semenova Olga Feophanovna – post-graduate student, tutor, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: SemOlg1971@rambler.ru.

УДК 81.27

Л.В. Топка, Иркутск

АДАПТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема исследования адаптивной функции гендерно обусловленного категоричного речевого поведения. В ней также затрагивается феномен коммуникативной андрогинии, коррелирующий со статусно-ролевыми признаками участников общения, обеспечивая им преимущество при выборе определенных структур поведения в когнитивной области взаимодействий для овладения бóльшим спектром реализуемых ими социальных ролей, способствуя повышению их (участников) адаптивного потенциала.

Ключевые слова: адаптивная функция, речевое поведение, категоричность, гендер, коммуникативная андрогиния.

L.V. Topka, Irkutsk

ADAPTIVE FUNCTION OF CATEGORICAL SPEECH BEHAVIOR

Abstract. The article deals with the problem of studying the adaptive function of categorical speech behavior. It also touches on the phenomenon of communicative androgyny, which correlates with social parameters of the participants in communicative interaction, giving them an advantage in choosing certain patterns of behavior in the domain of cognitive interactions to master a broad spectrum of social roles they perform, contributing to the increase of their (participants') adaptive capacity.

Key words: adaptive function, speech behavior, categoricity, gender, communicative androgyny.

В процессе эволюции необходимым условием выживания живых организмов является приспособление к среде своего обитания. Естественный отбор, наследственность, способность к изменениям – механизмы, гарантирующие это выживание, обуславливают адаптацию живого организма к данной среде.

По мере своего развития человечество как совокупность живых организмов определенной структурной единицы биологической систематики (*homo sapiens*) обеспечивает себе все большую безопасность и комфорт. Для приспособления к жизни в обществе человек изобретает различные способы самосохранения, улучшающие ее (жизни) качество и помогающие не просто выжить, но уверенно чувствовать себя в окружающем мире, которые охватывают как предметы материальной культуры, облегчающие существование, так и средства, удерживающие индивидов от взаимного уничтожения: законы, традиции, ценности, институты власти, социальные нормы.

Человеку как живому организму присуще стремление выживать при любых условиях своего существования, другими словами, успешно взаимодействовать со средой. Одной из важнейших функций, обеспечивающих приспособление человека к ареалу его обитания, является адаптивная функция языка.

С точки зрения концепции биологической теории познания, по мнению ученого-когнитивиста А.В. Кравченко, «языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею» [1]. Познавая окружающий мир, преумножая опыт успешного взаимодействия со средой своего обитания, человек сохраняет себя как вид. Данное взаимодействие совершается посредством речевого поведения.

Ситуация, где выживает сильнейший, то есть более приспособленный к среде индивид, диктует определенную модель речевого поведения – категоричного. Категоричное речевое поведение определяет человека уверенного, наделенного внутренней силой, обладающего решимостью в совершении определенного действия, часто грубого и бестактного. Маскулинное речевое поведение традиционно считается категоричным, отличающимся высокой эгоцентричностью, поскольку мужчинам в целом свойственны и твердое выражение своего мнения, и безапелляционность высказывания, а также присутствие тактик прямого воздействия на коммуникативного партнера.

При исследовании эмоциональной стабильности индивида выделяют разные значения фактора категоричности: низкое значение связано с неуверенностью человека в себе, его инерционностью, неоднозначностью высказывания, неумением принимать конкретные решения; высокое значение этого фактора можно наблюдать у людей, которые не обладают гибкостью и тактичностью, неспособных идти на уступки, зачастую бросающихся из крайности в крайность, то есть истеричных.

Фемининное речевое поведение вообще, а также в потенциально конфликтных или непосредственно конфликтных ситуациях коммуникативного взаимодействия в частности, в отличие от маскулинного, считается некатегоричным, поскольку женщинам в целом свойственно поддерживать отношения кооперации с собеседником. Являются ли эти предположения справедливыми для

большинства культур, в целом называемых западными, или каждая культура обладает только ей присущим собранием гендерных стереотипов – вопрос отдельного изыскания.

По мнению исследователей-гендерологов, в речевом поведении представительниц различных культур наметилась тенденция к увеличению степени его категоричности. Во Франции было зафиксировано стремление француженок к использованию сниженной лексики для того, чтобы выразить свое эмоциональное состояние или отношение к чему-либо, которое свидетельствует об огрублении женской речи, «способствует уменьшению гендерных различий в языке, и приводит к тому, что сниженные наименования закрепляются в языке, делая языковую норму менее строгой» [2].

Результаты гендерных исследований современного немецкого языка также указывают на разрушение «резких, “непроходимых” границ между репликами неодобрения мужчин и женщин в немецком языке», хотя и подчеркивают, что обнаруженные изменения в их речевом поведении «зависят как от гендера участников диалогического общения, так и от особенностей их психического склада, характера, профессии, статусно-ролевых характеристик, прагматической ситуации общения» [3]. Это значит, что сниженная и обценная лексика утрачивают статус безэквивалентного атрибута представителей маскулинной гендерной группы.

Социокультурная среда взаимодействия индивидов определяет как виды деятельности мужчин и женщин, так и психологические признаки моделей их поведения в большей степени, чем их биологический пол. Из этого следует, что гендер как совокупность социальных и культурных норм, предписываемых обществом индивидам для реализации в зависимости от их биологического пола, подчеркивает «не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [4].

Гендерные стереотипы проявляются и в американском варианте английского языка, где женщинам свойственны тактики кооперации в коммуникативном взаимодействии, а мужчинам, в свою очередь, агрессивность и желание доминировать. Более того, в потенциально конфликтных и непосредственно конфликтных ситуациях при нисходящем статусном векторе мужчина более категоричен с адресатом женщиной, чем с адресатом мужчиной (см. подробнее: [5]).

Гендерные стереотипы, свойственные патриархальным культурам, к которым следует отнести и американскую культуру, отображают и сохраняют главенствующую роль мужчины в социуме, где речевое поведение участников общения строго регламентировано и обусловлено их социальным статусом, что является главным показателем в объяснении причин возникновения новых тенденций в реализации маскулинного и фемининного речевого поведения в контексте американского варианта английского языка.

Например, в ситуации открытого коммуникативного противостояния увеличение степени категоричности женской речи: использование обценной лексики, становится характерным признаком, свидетельствующим о нарушении гендерной коммуникативной нормы:

«Who you call in a bitch?» Juicy stops in her tracks and stands looking through the fence right at Shaheed.

«Ain't but one bitch standin here. Maybe two»
«Nigga, where yo mamma? I don't see that one-tooth bitch»
«What, you gon talk bout? »
«Jus shut the fuck up! » Juicy says (N. Santora).

Исследование эмпирического материала современного английского языка выявляет устойчивую тенденцию к возрастанию категоричности фемининного речевого поведения при оспаривании социального статуса мужчины, например в потенциально конфликтной ситуации упрека, где целью адресанта становится воздействие на эмоциональную сферу адресата с целью внушить ему чувство вины или стыда, что скорее демонстрирует склонность женщины к эмоциональному лидерству, чем к лидерству инструментальному, типичному для мужской поведенческой модели. Следовательно, данный тип коммуникативного поведения нельзя считать в полной мере мужским, а, скорее, андрогинным, по аналогии с психологической андрогинией [6], что, в терминах Генри Тайфеля [7], репрезентирует стратегию ассимиляции.

Использование женщиной данной стратегии для достижения гендерного равенства и заимствования ценностей подавляющего большинства или части общества индивидов с более высоким, как ей представляется, статусом (в данном случае мужское сообщество), при помощи обценной лексики, самоуверенного стиля общения, ведет, на наш взгляд, к переоценке женской модели поведения с точки зрения мужских ценностей и, следовательно, самообесцениванию. Вместе с тем андрогинное речевое поведение предоставляет женщине приоритет выбора комплекса психологических реакций на определенную ситуацию для овладения более широким диапазоном реализуемых ею социальных ролей как в обществе вообще, так и в современном американском обществе в частности, повышая ее адаптивный потенциал.

Это согласуется с высказыванием Й. Златева о том, что «биологически предопределенные, врожденные ценностные системы» «адаптируются в процессе эволюции под вознаграждающие формы социального взаимодействия – такие как имитация». Поскольку внутренне присущая ценность связана с эмоциями и чувствами, где индивид переживает отрицательную ценность как негативные эмоции и положительную ценность как эмоции позитивные, что, по мнению исследователя, прототипически восходит, соответственно, к боли и удовольствию [8], ощущение уверенности в своих силах, эмоциональное доминирование как положительная ценность обуславливают изменение фемининного речевого поведения в направлении увеличения его категоричности.

Нельзя не согласиться с исследователем, что «будучи приобретенной, система социальных условностей берет на себя роль расширенной ценностной системы, дополняющей врожденную ценностную систему при оценке физических и социальных событий и, таким образом, оказывающей сильное влияние на последующее научение и поведение» [9].

Явление коммуникативной андрогинии, на наш взгляд, не просто набор индивидуальных социально-психических качеств, репрезентирующих женщину или мужчину и сближающих фемининный и маскулинный стандарты поведения,

но также и характеристика самого речевого поведения, лишённого четких гендерных показателей. Возможности, позволяющие снять социальные, гендерные различия, выявляют биологическую характеристику индивида – доминировать, чтобы выжить, поскольку выживает сильнейший.

Гендерные различия устраняются и в том числе благодаря улучшению социальных условий: в цивилизованных странах высокий уровень технического прогресса способствует психологической и, следовательно, коммуникативной андрогинии, пол уступает натиску гендера, биологическое трансформируется под воздействием социального, с другой стороны, в странах, далеких от благоприятной экономической ситуации, стирающей грани между маскулинным и фемининным поведением, говорить об оспаривании статуса мужчины, и, тем более о гендерном равноправии не приходится. Это косвенно подтверждает тезис Й. Златева [10] о ценностных системах, как врожденных, так и приобретенных, имеющих главное значение в распознавании ценности или экологичности окружающей среды для организма, играющих роль контролирующих систем, направляющих и оценивающих поведение организма и его адаптацию.

Но если эволюция человека как вида обусловлена его способностью каким-то образом воздействовать на среду своего обитания, то изменение в фемининном речевом поведении должно привести к изменению и в маскулинном поведении. Ибо в этом и есть, словами А.В. Кравченко, оказание одним организмом ориентирующее воздействие на другой организм с целью модификации его поведенческой реакции для оптимизации взаимодействия первого организма со средой, то есть, для его выживания (см. подробнее: [11]).

Считается, что поведение женщины эмоциональнее поведения мужчины, и она чаще подвержена эмоциональным перепадам. Гендерный стереотип о природном преобладании у женщин эмоций над разумом, обуславливающим их нестабильное эмоциональное состояние вообще, и состояние истерии в частности (см., например, [12]), не теряет своей актуальности, тогда как умение держать под контролем свое эмоциональное состояние в ситуации возникающей опасности считается сугубо мужским личностным атрибутом, являющим чувство уверенности. Однако анализ эмпирического материала современного английского языка констатирует возникновение феномена истерии в маскулинном речевом поведении при эмоциональной нестабильности индивида, например, вызванной эмоцией страха: *His voice was rising into hysteria, and suddenly he burst voluptuously into tears. «I don't want to sleep in the dorm. Somebody might try to kill me. I'm afraid. I'm so... afraid» (R. Barnard).*

Изменение маскулинного речевого поведения в сторону его феминизации – повышению эмоциональности, диссонирует с данными энциклопедических источников современного английского языка, непосредственно указывающими на гендерную принадлежность этого явления: *hysteria – emotional outburst associated with disturbance of the uterus and its functions*, да и само значение лексемы *hysteria* от *hystera (womb) – матка* [13], непосредственно обозначает состояние, а priori присущее лишь женщинам в силу их физиологических особенностей.

Еще в начале двадцатого века чисто женское естество явления истерии было поставлено под сомнение австрийским философом Отто Вейнингером, утверждавшим, что «есть и истеричные мужчины, хотя значительно реже: ибо среди бесконечного числа различных психических возможностей мужчины есть одна, а именно – это обратиться в женщину, а вместе с тем и – в истеричку» [14]; и если физиологическая предопределенность данного феномена была упразднена, его социальная сущность как явления сугубо женской природы осталась без изменения.

Это «обращение» в женщину происходит через изменение речевого поведения в процессе взаимодействия с окружающей действительностью и поскольку человек как живой организм является неотъемлемой составляющей этой действительности (мира), его адаптивное с ним взаимодействие «есть кругообразный процесс: взаимодействуя с себе подобными существами как частью мира, человек влияет на их поведение, меняя, тем самым, структуру мира и образующие эту структуру каузальные связи. Это, в свою очередь, влияет на его собственное поведение, так как необходимо учитывать все время возникающие изменения среды, и так до бесконечности» [15].

«Андрогинная модель речевого поведения мужчины лишает его внешней формальной мужественности, обнажая его истинную содержательную суть, свободную от навязываемых социумом гендерных стереотипов. Данная тенденция в эпоху толерантности представляется закономерным явлением, репрезентирующим терпимое отношение к невыполнению приписываемых обществом требованиям к маскулинному и фемининному типу поведения» [16]. Истерика как характеристика маскулинного речевого поведения, также свидетельствующая о феномене коммуникативной андрогинии, заставляет пересмотреть традиционную бинарную оппозицию «маскулинность» – «фемининность» для представления полного спектра психосоциальных ролей, наблюдаемых в современной действительности как недостаточную, расширяя ее до тернарной.

Существование психосоматической индивидуальности не исключает сближения гетерогендерных стандартов речевого поведения, нивелирующего разницу между полом (биологическое) и гендером (социальное) и показывающего важность половой разновидности как фундамента для классификации индивидов и их дистрибуции в политической, экономической или общественной иерархии. Женщина, которая репрезентирует себя через категоричное речевое поведение, стремится к гендерному доминированию, примеряя модель инструментального лидера, мужчина, проявляющий свою эмоциональную неустойчивость, повышает свой адаптивный потенциал через увеличение эмоциональной гибкости или, другими словами, приспособляемости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 190.

[2] Купина, Н.И. Эмоционально-окрашенная сниженная лексика как фактор реализации тенденции к огрублению женской речи на страницах прессы

[Текст] / Н.И. Купина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 2 (9). – С. 100.

[3] Джандалиева, Е.Ю. Гендерная специфика неодобрительных высказываний на материале немецкого языка [Текст] / Е.Ю. Джандалиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 2 (9). – С. 72.

[4] Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер и язык / Моск. гос. лингвист. ун-т, Лаборатория гендер. исслед. – М. : Языки славян. культуры, 2005. – С. 8.

[5] Топка, Л.В. Гендерный аспект исследования речевого поведения [Текст] / Л.В. Топка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 10 (52) : в 2 ч. Ч. 2. – С. 158–162.

[6] Bem, S. Sex Role Adaptability: One Consequence of Psychological Androgyny [Text] / S. Bem // Journal of Personality and Social Psychology, 1975. – № 42. – P. 155–162.

[7] Tajfel, H. Social identity and intergroup behavior [Text] / H. Tajfel // Social Science Information/Information sur les Sciences Sociales. – 1974. – № 13 (2). – P. 65–93.

[8] Златев, Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения [Текст] / Й. Златев / пер. с англ. Т.Л. Верхотуровой и А.В. Кравченко // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 317.

[9] Златев, Й. Указ. соч. – С. 325.

[10] Златев, Й. Указ. соч. – С. 316.

[11] Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1», 2001. – С. 321.

[12] Фрейд, З. Исследования истерии [Текст] / З. Фрейд // Собрание сочинений в 26 т. Т. 1 / пер. С.С. Панкова. – СПб., 2005. – С. 293.

[13] Chamber Dictionary of Etymology. – London [Text] : Chamber Harrap Publishers Ltd., 2010. – С. 502.

[14] Вейнингер, О. Пол и характер [Текст] / О. Вейнингер. – М. : ТЕРРА, 1992. – С. 293.

[15] Кравченко, А.В. Указ. соч. – С. 22.

[16] Топка, Л.В. Гендерная дифференциация категоричного речевого поведения [Текст] / Л.В. Топка // Общественные науки. – М. : Международный исслед. ин-т, 2016. – № 6. – Т. 2. – С. 258.

Информация об авторе

Топка Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: lavtop@list.ru.

Topka Larisa Vladimirovna – Phd in Philology, Associate Professor, the English Philology Department; the Faculty of Foreign Languages, the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, 8, Lenin str., Irkutsk, 664025, e-mail: lavtop@list.ru.

УДК 81.432.1-51

И.Р. Ханнанова, Иркутск

ИНТЕНЦИИ АРГУМЕНТАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Аннотация. Статья посвящена экспликации интенций политических высказываний Д. Трампа. Рассматривается фактор адресата в аргументирующей деятельности. Проводится пропозициональный и концептуальный анализ аргументативного дискурса Д. Трампа, представленного в его сообщениях в твиттере, с целью описания особенностей аргументации в них. Было установлено, что построение концептосферы и введение концептуальных метафор играет особую роль в трансляции адресантом его собственного видения реальности.

Ключевые слова: аргументация; интерпретация; концептуальный анализ; пропозициональный анализ; интенция высказывания.

I.R. Khannanova, Irkutsk

INTENTIONS OF DONALD TRUMP'S ARGUMENTATIVE UTTERANCES

Abstract. The article aims at the explication of Donald Trump's political speech intentions. The addresser's role in the argumentative activity is discussed. Propositional and conceptual analysis of D. Trump's Twitter messages is used in order to describe their argumentative peculiarities. It has been found that the conceptosphere and conceptual metaphors introduction plays a particular role in the process of transferring the addressee's own view of the reality.

Key words: argumentation, interpretation, conceptual analysis, propositional analysis, intention.

Целью статьи является рассмотрение интенций аргументативных высказываний в политическом дискурсе президента США Дональда Трампа. Интенция высказывания является частью прагматического компонента содержания языковой личности [1], куда также входят вербально-семантический и когнитивный

компоненты. Анализируя говорящего как языковую личность, исследователь акцентирует внимание как на целевых установках дискурса, так и на особенностях мышления субъекта. В условиях аргументативного дискурса интенция высказывания сводится к оказанию воздействия на адресата, убеждению его в той точке зрения, которой придерживается адресант. Взаимодействие коммуникантов в рамках аргументативного дискурса есть взаимодействие картин мира: «Аргументация есть сложный речевой акт, в ходе которого осуществляется коррекция точки зрения, и шире – картины мира адресата» [2]. Необходимость аргументации, как правило, обусловлена несопадением стилей мышления коммуникантов и их ценностной картиной мира: «Причиной аргументации можно считать когнитивный или аксиологический диссонанс между участниками коммуникативного акта, конфликтность в широком смысле слова, понимаемая как несоответствие между объемом пропозиций, знаний, которыми они обладают» [3]. В связи с этим одним из необходимых условий аргументативного дискурса считается ориентация говорящего на адресата. Фактор адресата служит причиной вариативности приемов аргументации, которые выбираются в зависимости от представленной аудитории.

Все события, включая коммуникативные акты, подвергаются интерпретации в сознании человека. Понятие интерпретации подробно описано Н.Н. Болдыревым: «это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [4]. Он пишет, что интерпретация субъективна по своему характеру, то есть зависит от концептуальной системы, в пределах которой мыслит субъект. Однако адресат политического дискурса – носитель коллективного знания, коллективной интерпретации событий.

Задача политика – заранее задать в умах множества людей такую оценку реальности, которая совпадала бы с его собственной, была бы полезна и выгодна ему. Коллективное видение определенного фрагмента действительности – например, личности политика, может быть негативным. В таком случае адресанту необходимо приблизить коллективную интерпретацию к своей собственной индивидуальной интерпретации: он вынужден влиять на слушателей, применив стратегию аргументации.

Материалом к статье послужили записи в твиттере президента США Дональда Трампа 2018 года. Представленная в статье методика анализа интенций политической аргументации будет включать концептуальный и пропозициональный анализ. Данные методы позволяют обнаружить имплицитные смыслы политического высказывания, выявить скрытые в нем интенции и раскрыть особенности его аргументации. Чтобы решить эту задачу, необходимо обратиться к терминам концептосфера и концептуальная метафора. Концептуальные метафоры помогают познать сущность предмета посредством через свойства другого предмета. Будучи инструментами к познанию мира, концептуальные метафоры прочно закрепляются в нашем сознании, проникают из языка в нашу жизнь – формируют не только образ нашего мышления, но и принципы поведения. Мы

также прибегнем к понятию концептосферы, сформулированному Д.С. Лихачевым: «Концептосфера – это совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка» [5]. В процессе аргументации адресант оперирует концептами, чтобы выразить свое миропонимание и закрепить некоторые образы в умах слушателей, внести изменения в их картину мира. Рассмотрим следующий пример:

(1) *I never said “give teachers guns” like was stated on Fake News @CNN & @NBC. What I said was to look at the possibility of giving “concealed guns to gun adept teachers with military or special training experience – only the best. 20 % of teachers, a lot, would now be able to*

...immediately fire back if a savage sicko came to a school with bad intentions. Highly trained teachers would also serve as a deterrent to the cowards that do this. Far more assets at much less cost than guards. A “gun free” school is a magnet for bad people. ATTACKS WOULD END!

...History shows that a school shooting lasts, on average, 3 minutes. It takes police & first responders approximately 5 to 8 minutes to get to site of crime. Highly trained, gun adept, teachers/coaches would solve the problem instantly, before police arrive. GREAT DETERRENT!

...If a potential “sicko shooter” knows that a school has a large number of very weapons talented teachers (and others) who will be instantly shooting, the sicko will NEVER attack that school. Cowards won’t go there... problem solved. Must be offensive, defense alone won’t work! [6].

Главная пропозиция высказывания **отрицание** представлена эксплицитно: она содержится в начальном предложении и выражена наречием с негативным значением *never*. Цель сообщения: доказать необходимость выдачи оружия, проведения курсов по обращению с оружием для работников школ – не только охранникам, но и учителям. Выявленная пропозиция подкрепляется введением концептуальных метафор и концептуальных оппозиций. Так, на первый план выходит концептуальная оппозиция РАЗУМ / СУМАСШЕСТВИЕ: *talented teachers, adept teachers, only the best/a savage sicko, sick oshooter*. Эта оппозиция подчеркивается и концептуальной метафорой: *a “gun free” school is a magnet for bad people*. «Злоумышленники» словно оказываются не в состоянии преодолеть свое влечение к причинению вреда невинным людям, для них – это настоящее искушение, что также может говорить о несоответствии их психического здоровья норме.

Предложенная Трампом мера по обучению персонала школ сравнивается с финансовыми активами – вложениями в бизнес: *farm or assets at much less cost than guards*. Таким образом, адресант не только обсуждает необходимые, по его представлению, меры предотвращения подобных трагедий, но и вводит читателей в область экономики и подчеркивает выгодность данного решения.

Главный концепт высказывания мы определяем как GUN-FREE SCHOOL. Именно вокруг этого концепта выстраивается обсуждение – традиционная школа, в которой нет оружия. Параллельно ему развивается противоположный концепт DETERRENT – школа, в которой учителям разрешено владеть оружием,

а значит, они могут служить «средством сдерживания». Адресант обращается к военной метафоре, таким образом, приближая ситуацию к военным действиям, когда учителя выполняют не только свои непосредственные обязанности, но и играют роль солдат, готовых к борьбе с врагом: *Highly trained teachers would also serve as a deterrent to the cowards that do this; teachers would now be able to immediately fire back*. Данная метафора подразумевает перенос признака «устрашение» с одной области на другую, так как потенциальные жертвы и преступники должны поменяться местами: *Must be offensive, defense al one won't work!*

Адресант наполняет концепт GUN-FREESCHOOL негативными смыслами – «магнит для преступников», «недостаточная защищенность». Наблюдается попытка подчеркнуть предлагаемые позитивные изменения статуса объекта – учителей, которые в случае опасности не способны дать отпор: из жертв они могут перейти в категорию нападающих, что может дать шанс на положительную оценку высказывания, и, следовательно, на достижение необходимого прагматического эффекта. Однако следует учитывать тот факт, что создаваемый политиком образ школьного учителя как солдата резко контрастирует со сложившимся в обществе взглядом на школу как на социальный институт, и на то, каким должен быть учитель.

Помимо концептуального наполнения дискурса, используется ряд лингвистических стилистических приемов усиления аргументации. Во-первых, это восклицательные эллиптические предложения, записанные прописными буквами: *ATTACKS WOULD END! GREAT DETERRENT!* Во-вторых, адресант активно вовлекает аллюзии – с целью опровергнуть утверждения оппонентов, а также выстроить стратегию приклеивания ярлыков: *Fake News @CNN& @NBC*. Слово *fake* – это ярлык, который навязывается аудитории адресантом через многократное повторение. У адресата формируется стереотип, когда одно слово вызывает немедленную ассоциацию с другим: *news + fake, media + fake*. Нужно отметить, феномен фейков или фейковых новостей, определяемый как «сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [7], прочно укоренился в современной медийной культуре.

Следующая аллюзия также служит скорее целям психологического воздействия, нежели логического: *History shows ...* Людям свойственно доверять истории (в данном случае историческое выражено в статистических данных, которые отображают относительно регулярное явление, имеющее определенную протяженность): если какое-то событие произошло в прошлом, значит, оно может служить серьезным доказательством, на его основе можно сделать анализ и вывести определенную модель поведения.

Концепт МЕКСИКА приобретает категориальный признак «ПАРАЗИТ» через экономические метафоры *cash cow* – дойная корова, *the big drug and people flows* – поток наркотиков и людей. Областью цели является Америка, областью источника – корова. Метафора помогает сопоставить нам образ страны и животного: молчаливая, покорная, трудолюбивая корова, которую можно использовать для собственной выгоды, характеризует Америку как жертву – страну, чье

население подвергается несправедливой эксплуатации со стороны соседей. Иллокутивная интенция высказывания выражена в конечном предложении: NEED WALL!, смысл которого определяет направленность всего дискурса в целом: убедить граждан в необходимость постройки стены, из чего выводится центральная пропозиция – **аргументация**.

(2) *Mexico is doing very little, if not NOTHING, at stopping people from flowing into Mexico through their Southern Border, and then into the U.S. They laugh at our dumb immigration laws. They must stop the big drug and people flows, or I will stop their cash cow, NAFTA. NEEDWALL!* [8].

Еще один пример полемики с медиа направлен на убеждение аудитории в эффективности сотрудничества президента с правительством. Центральный концепт высказывания CHAOS опровергается адресантом. С его точки зрения перемены в правительстве не являются показателем несогласия, неорганизованности или перемен к худшему. Он пытается обосновать свои решения по замене правительственных служащих стремлением улучшить правительство, поставить на высшие должностные посты компетентных кандидатов. На замену метафоре хаоса вводится метафора энергии.

(3) *The new Fake News narrative is that there is CHAOS in the White House. Wrong! People will always come & go, and I want strong dialogue before making a final decision. I still have some people that I want to change (always seeking perfection). There is no Chaos, only great Energy!* [9].

В метафоре *dangerous & violent criminal aliens set free to prey on innocent Americans* областью источника являются «хищники», которые охотятся за добычей, областью цели – иммигранты. Автор рисует образ животного мира с целью передать суть отношений между иммигрантами и населением США. Необходимость отмены законов, принятых в Калифорнии, аргументируется опасностью, исходящей от иммигрантов:

(4) *California's sanctuary policies are illegal and unconstitutional and put the safety and security of our entire nation at risk. Thousands of dangerous & violent criminal aliens are released as a result of sanctuary policies, set free to prey on innocent Americans. THIS MUST STOP!* [10].

Метафора *leakin' monster of no control* помогает выразить критическое отношение к тому, кому она применяется – роль источника выполняет слово «монстр», как некое воплощение опасного, неуправляемого существа. Хотя пропозиция *Thank you Adam* – это выражение благодарности, главный смысл высказывания заключен во фразе: *Obama knew of the threat, and did nothing*. Таким образом, высказывание можно классифицировать как **обвинение**, доказательством к которому является апелляция к чужому мнению:

(5) *Finally, Liddle' Adam Schiff, the leakin' monster of no control, is now blaming the Obama Administration for Russian meddling in the 2016 Election. He is finally right about something. Obama was President, knew of the threat, and did nothing. Thank you Adam!* [11].

Интенция высказывания в политическом дискурсе может определяться посредством выведения центральных концептов и пропозиций высказывания. В

случае если смысл высказывания заключается в аргументации или в одной из ее форм – опровержении, отрицании, объяснения, подтверждения и т.д., наблюдается явное стремление адресата к изменению коллективной интерпретации событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения : вступ. ст. [Текст] / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.

[2] Казыдуб, Н.Н. Стратегический инструментарий дискурсивного пространства [Текст] / Н.Н. Казыдуб // Magister Dixit. – 2011. – № 2. – С. 126.

[3] Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты [Текст] / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

[4] Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 33. – С. 11.

[5] Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 8.

[6] Твиттер Дональда Трампа / [Электронный ресурс]. – URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (дата обращения 22.03.2018).

[7] Суходолов, А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве [Текст] / А.П. Суходолов // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1. – С. 89.

[8] Твиттер Дональда Трампа. Указ. соч.

[9] Твиттер Дональда Трампа. Указ. соч.

[10] Твиттер Дональда Трампа. Указ. соч.

[11] Твиттер Дональда Трампа. Указ. соч.

Информация об авторе

Ханнанова Ирина Рашитовна – магистрант, факультет иностранных языков, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: irina.khannanova@yandex.ru.

Khannanova Irina Rashitovna – undergraduate student, The Foreign languages department, The Institute of philology, foreign languages and media communications, Irkutsk State University, 8, Lenin str., Irkutsk, 664025, e-mail: irina.khannanova@yandex.ru.

ЧАСТЬ 3

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМАТИКИ

(ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ПЕРЕВОДА,
ЛЕКСИКОГРАФИИ, ЛИНГВОДИДАКТИКИ)

УДК 800:37

О.И. Бабтракинова, Иркутск

К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Аннотация. В статье дается определение понятия «неологизм», его происхождение и основные характеристики, освещается история его появления в английском языке. Рассматривается «цепочка неологизации» объекта. В данной статье представлена классификация неологизмов русского лингвиста В.И. Заботкиной. Также предлагается ряд упражнений для освоения и тренировки некоторых наиболее употребимых неологизмов современного английского языка и небольшой тест.

Ключевые слова: английский, неологизмы, лексика английского языка, словарный состав языка

O.I. Babtrakinova, Irkutsk

TO THE PROBLEM OF MASTERING ENGLISH-SPEAKING WORDS OF MODERN COINAGE BY STUDENTS OF NON-LINGUISTIC INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

Absrtact. The article presents a definition of the concept of neologism, its origination and characteristics, the history of its appearance in the English language. In the article, it is given a classification of neologisms according to the Russian Linguist V. I. Zabotkina and “the neologization chain of the object”. In addition, a number of exercises are offered for mastering and training some of the most commonly used neologisms in modern English and a small test.

Key words: the English language, the words of modern coinage (neologisms), English vocabulary

В последнее время в России произошли огромные общественно-политические и социально-экономические изменения. Наша страна активно сотрудничает

с другими странами в области науки, экономики и культуры. Владение иностранным языком становится все более и более востребованным, является неотъемлемым компонентом подготовки специалиста любого профиля, поэтому значительно повышается мотивация его изучения.

Цели и задачи курса иностранного языка в неязыковых вузах определяются **коммуникативными и познавательными** потребностями студентов и затрагивают различные аспекты преподавания языка [1].

Большую часть знаний мы черпаем из Интернета, что является нормой для нашего информационного века. Мы можем получать знания без особых затрат из Телевидения, радио, СМИ, которые также являются сильными информационными каналами. Но проблема в том, что 80 % информации – на английском языке.

В мире науки английский – основной рабочий язык. Свыше 2/3 научной литературы – на английском языке. Более миллиарда веб-страниц в интернете на английском. Книги, написанные на иностранных языках, переводятся в первую очередь на английский. Именно англоязычные новостные агентства передают первые новости со всего мира.

Наш мир настолько быстро меняется, что те, кто не поспевает за требованиями, которые он предъявляет, оказываются на обочине жизни. Поэтому современный человек обязан обладать все большими знаниями, умениями, навыками, особенно в области иностранных языков.

Одной из проблем в изучении иностранного языка на современном этапе является освоение новой лексики, в частности, неологизмов.

Неологизм (др.-гр. *neos* – новый, *logos* – речь, слово) – слово, значение слова или словосочетание, недавно появившееся в языке [2].

Неологизмы появились очень давно. Зарождение многих из них приписывают Вильяму Шекспиру. Хотя понятие «неологизма» как термина впервые появилось в 1755 году во французском языке, откуда после 1800 года оно было заимствовано в английский язык в значении «употребление новых слов, инновации в языке, а также новое слово или выражение».

Самым востребованным в настоящее время является английский язык. Английский — язык международного общения. Поэтому в данной статье рассматриваются англоязычные неологизмы.

В современном английском языке развитие лексического состава происходит очень интенсивно. Все изменения, происходящие в жизни людей, находят естественное отражение в словарном составе языка. Появление неологизмов свидетельствует о жизнеспособности языка, прогрессе цивилизации и стремлении передать человеческие знания.

Благодаря развитию языка, культуры и общества, неологизмов стало так много, что попытка сосчитать их не представляется возможной. Таких слов с каждым днем все больше и больше. Пройдя обязательные стадии одобрения общества и закрепление в лексиконе, они становятся общедоступными словами и выражениями.

Т.В. Попова условно предлагает «цепочку неологизации» объекта действительности представить следующим образом (рис.).

Человек, создающий новое слово (originator)

Социализация слова (принятие его в обществе)

Лексикализация слова (закрепление его в языковой системе) [3]

Существует множество классификаций неологизмов. Например, русский лингвист В.И. Заботкина подразделяет неологизмы на фонологические, заимствования, семантические и синтаксические. Можно выделить еще два типа выходящих из выше перечисленных это морфологические и фразеологические типы. Морфологические еще подразделяются на аффиксальные (суффиксальные и префиксальные), словосложение, конвекция, сокращение [4].

Для студентов неязыковых вузов специальностей освоить огромный пласт англоязычных слов, под названием неологизмы, представляет проблему. Хотя их знание в наше время крайне необходимо. Для того, чтобы помочь студентам в изучении новых слов был составлен ряд упражнений (5–11).

Задания построены по принципу от простого к сложному. В начале предлагается соотнести понятие с подходящим значением на *русском языке* (см. Exercise 1, 3). Затем упражнения помогают разобраться со значением того или иного неологизма, предлагая *англоязычную трактовку* понятий (см. Exercise 5–8). В данных заданиях необходимо соединить слово с подходящим к нему по смыслу значением. Данный прием отвечает познавательной и речемыслительной деятельности студентов и тесно связан с другими умственными действиями, такими как узнавание, выбор, сравнение, логическая группировка [12].

Exercise 1. Match the words having the same meaning:

№ п/п	Слово/выражение	Значение
1.	Password fatigue –	a. объятия двух мужчин (дружеские).
2.	To vape –	b. кипа вещей, хранящаяся на полу.
3.	Barbie dream –	c. что-то бессмысленное и бессодержательное, «ничто».
4.	To binge-watch –	d. смотреть программу по телевидению, которая не нравится, с целью покритиковать ее или пошутить над ней.

№ п/п	Слово/выражение	Значение
5.	To hate-watch –	e. стресс или чувство неудовлетворенности, которое вызвано необходимостью запоминать множество разных паролей.
6.	Nothing burger –	f. «розовая мечта», то есть идеализация кого-то или чего-то, свойственная наивной девушке.
7.	A hot mess –	g. огромное желание иметь хороший загар.
8.	A bro hug –	h. вдыхать и выдыхать пары электронной сигареты.
9.	A floordrobe –	i. «33 несчастья», «катастрофа» (человек или вещь).
10.	Tanorexia –	j. смотреть телесериалы «запоем», одну серию за другой

Следующее упражнение представляет собой предложения с вышеизложенными неологизмами *на английском языке*, которые необходимо перевести на русский язык, что способствует тренировке и закреплению новых слов (см. Exercise 2).

Exercise 2. Translate from English into Russian using neologisms:

1. I *hate-watch* some TV shows because it really helps me to relax at times.
2. I hope to buy another wardrobe soon as I don't like a *floordrobe* in the corner of my bedroom.
3. Every time I create a new account I feel kind of *password fatigue*.
4. She never leaves a tanning salon – I think she is a victim of *tanorexia*.
5. When I happen to have a free evening, I indulge in *binge-watching* my favourite soap opera.
6. We always greet each other with a *bro hug* because we are the best friends and have known each other for ages.
7. This squeezer is a true *hot mess*– I am going to take it back to the shop!
8. He used to be a heavy smoker but now all he seems to be doing is *vaping* all day long.
9. What have you handed in recently? It is not a report, it is a *nothing burger*!
10. Do not ask me about George, I am not dating him anymore! He was no more than a *Barbie dream* of mine.

Exercise 3. Match the words having the same meaning:

№ п/п	Слово	Значение
1.	Meh	a. Дружеская беседа, в которой люди подшучивают друг над другом
2.	Interweb	b. Незнакомец, который ведет себя странно или подозрительно

№ п/п	Слово	Значение
3.	Retweet	с. Пожертвовать деньги в поддержку чьей-то деятельности
4.	Hardwired	d. Влезть в кадр
5.	To photobomb	e. «Мужская еда», то есть еда, которая предположительно больше подходит мужчинам
6.	Totes = totally	f. Поделиться сообщением в Твиттере с кем-то
7.	Banter	g. Бывший муж
8.	To mansplain	h. Абсолютно, полностью
9.	Rando	i. Неискоренимый
10.	Grey gapper	j. Скучный и неинтересный
11.	Wasband	k. Мужчина объясняет что-то женщине так, будто он знает больше только потому, что он мужчина
12.	Dude food	l. Пенсионер, который решил поменять привычный уклад жизни и отправился путешествовать на длительное время
13.	To crowdfund	m. Интернет (юмористично)

Следующее упражнение представляет собой предложения с примерами вышеизложенных неологизмов *на русском языке* для их тренировки и закрепления (см. Exercise 4).

Exercise 4. Translate from Russian into English using neologisms:

1. Эта программа – такая *скука*.
2. Он весь вечер просидел в *Интернете*.
3. Я *поделюсь* с тобой последними новостями от Рианны *по Твиттеру*.
4. Его упрямство *неисправимо*.
5. Терпеть не могу, когда *кто-то влезает в кадр*.
6. Она *абсолютно* помешана на идеальной фигуре.
7. По утрам мы всегда *шутим друг над другом* с моим соседом по комнате.
8. Мой муж стал моим *бывшим мужем*, потому что он постоянно *объяснял мне то, что я уже знаю*.
9. *Какой-то незнакомец* попросил меня показать дорогу до улицы Пикадилли.
10. Она решила бросить дом и сад и *отправиться в длительное путешествие*.
11. Мой *бывший муж* снова женится и приглашает меня на свою свадьбу.
12. Все мои друзья любят «*мужскую еду*»: хот-доги, гамбургеры и жареную картошку.
13. Он говорит, что *пожертвования* в чью-то пользу – это его хобби, но его мама думает, что это просто причуда.

В следующих упражнениях для удобства вся лексика была разделена на следующие темы: People, Love, relations, beauty, fashion, Work and leisure, Social life. В этих упражнениях предлагается поработать с англо-английскими определениями и также соединить слово с подходящим к нему значением (см. Exercise 5–9).

Exercise 5. Match the words having the same meaning:

People

№ п/п	A word	Meaning
1.	bloggerati - /ˌblɒɡər'ɑ:tɪ:/	a. someone who is young, earns a lot of money, and lives in a city in a style that is too expensive for most people
2.	Cougar - /'ku:gə(r)/	b. someone who is sexually attracted by another person's intellect
3.	himbo (a male bimbo)	c. a child grown among computers, digital native
4.	grey nomad	d. someone who is not interested in religion
5.	helicopter parent	e. an older person who spends a lot of time travelling around in a motorhome
6.	sapiosexual	f. an attractive older woman who has a sexual relationship with a much younger man
7.	bridezilla - /ˌbraɪd'zɪlə/	g. people who write successful and popular blogs
8.	yuppie - /'jʌpi/	h. someone who is supposedly a friend, although both parties know you don't really like each other
9.	skuppie	i. a very strict mother who makes her children work particularly hard and restricts their free time so that they always achieve the highest grades as well as achieving in other areas such as sport and music.
10.	apatheist	j. someone who has recently started to do something
11.	newbie - /'nju:bi/	k. a woman who is planning her own wedding in such a thorough and enthusiastic way that her behaviour seems extreme and unreasonable to other people
12.	tiger mother - /'taɪgər ˌmʌðər/	l. an insulting word for an attractive but not very intelligent young woman
13.	frenemy	m. a person who is unable to let go of their adult child(ren) and continues to monitor them and intervene inappropriately in their lives

№ п/п	A word	Meaning
14.	screenager	n. socially conscious upwardly mobile person. He wants to increase social status.
15.	downager	o. one who directs someone how to drive
16.	stress eater	p. an old person living like a young man
17.	harassenger	q. All the time having snacks, when a person has a problem

Exercise 6. Match the words/expressions having the same meaning:

Love, relations, beauty, fashion

№ п/п	A word	Meaning
1.	recession chic	a. the tendency of haute couture based on style of streets wear
2.	cosmetic under-class	b. [UNCOUNTABLE] the practice of sending sexual images or messages to someone's mobile phone
3.	trickle-up trend	c. In relations with a girl, it is worse than "You are like a friend for me"
4.	mommy make-over	d. maintaining a young look by making plastic operations
5.	makeover	e. a set of changes intended to make a woman look better after giving a birth to a baby
6.	sexting - /'sekstɪŋ/	f. saving your natural beauty, as there is no possibility to make plastic operations, or negative attitude to it
7.	brother zone	g. 1 [COUNTABLE] a very close friendship between two men 2 [UNCOUNTABLE] the feelings or behavior of two men who have a very close friendship
8.	bromance - /'brəʊmæns/	h. a surgical operation on the vocal cords which is designed to make a person's voice sound younger
9.	voice lift	i. effective, not expensive clothes
10.	perma-youth	j. a set of changes intended to make a person or thing look much better

Exercise 7. Match the words/expressions having the same meaning:

Work and leisure

№ п/п	A word/expression	Meaning
1.	eternal leave	a) a holiday in which you stay at home and visit places near to where you live, or a holiday in your own country
2.	casualization	b) a kind of sport ending on the word "ball"

№ π/π	A word/express- sion	Meaning
3.	deskfast (desk + breakfast)	c) a list of the things you want to do before you reach a certain age, or before you die
4.	staycation - /steɪ'keɪʃ(ə)n/	d) a day on which employees are not allowed to wear informal clothes to work
5.	a fat job	e) a day on which employees are allowed to wear informal clothes to work
6.	bucket list – /'bʌkɪt ,lɪst/	f) a very long maternity leave or quitting a job because of parently
7.	dress-up day	g) breakfast at desk (on workplace)
8.	dress-down day	h) the process by which employment is changing from full-time and contract positions to casual positions
9.	fatimal (fat + animal)	i) a very profitable business or a very good work place
10.	sports ball	j) a fat pet

Exercise 8. Match the words having the same meaning:

Social life

№ π/π	A word/expression	Meaning
1.	humble brag /'hʌmb(ə)l ,bræg/	a. It is a life philosophy – If you cannot do it for five minutes, you shouldn't do it at all
2.	facepalm or face-palm or face palm	b. the practice of returning a garment to a shop after you have worn it
3.	mouthgasm	c. alcohol
4.	microwave mentality	d. when you cannot get down to work realizing its endless quantity
5.	dead week	e. a statement on social media in which you pretend to be modest but which you are really using as a way of telling people about your success or achievements
6.	muckraking – /'mʌk ,reɪkɪŋ/	f. 1 the action of covering your face with your hand to show that you are embarrassed, annoyed, or shocked about something 2 used in emails, social networking sites, etc. to show that you are embarrassed, annoyed, or shocked about something
7.	wardrobing	g. a pleasure that you get after eating delicious things
8.	work paralysis	h. the practice of looking for and publishing evidence that a famous person has done something wrong

№ п/п	A word/expression	Meaning
9.	dancing juice	i. an allowance from a wife to go fishing
10.	kitchen pass	j. a week before exams

В следующем упражнении предлагается перевести с русского на английский язык небольшой диалог, используя вышеизложенные новые слова и выражения (см. Exercise 9).

Exercise 9. Translate a Dialogue into English using new words and expressions:

- Здравствуй, Саманта! Как дела?
- Здравствуй, Крис! Все хорошо, я просто устала.
- И почему же?
- Ну, во-первых, моя сестра скоро выходит замуж, и со всеми этими приготовлениями превратилась в настоящего **монстра!**
- Она имеет полное право, это ее время.
- А я хочу **времени для себя** наконец! К тому же мой сын собирается снова жить со мной, потому что у него денег и его друг не может ему помочь. Вот тебе и **мужская дружба!** Так что мой сын теперь официально **ребенок-бумеранг**.
- Я могу тебе чем-нибудь помочь?
- Нет, но спасибо за предложение.

В заключение предлагается пройти небольшой тест на употребление некоторых вышеизложенных неологизмов. Удачи!

Test

Complete the sentences using the new words and expressions from the box:

*casualization a voice lift voice lift bromance a face palm casualization
voices newbie voice bromance newbie face palmed frenemy tiger moms*

1. I am a relative ____ in the world of bookselling.
2. These trees are perfect for the _____ gardener.
3. The team leader does _____ after the team geek makes a particularly dorky statement.
4. I just _____ so hard I nearly broke my nose.
5. Sally has been my _____ for years.
6. Could a budding _____ be forming between Justin Bieber and Kanye West?
7. Some would say that _____ is an entirely new phenomenon.
8. A new study has claimed that _____ are actually contributing to the children's low self-esteem and high levels of depression.
9. Marc Kabat, 68, credits a _____ with restoring his _____.
10. "Some people my age could care less about their _____. I'm not retiring. I want my _____," he said.

11. Measuring _____ is important because it can negatively affect job security and has certain flow-on effects that influence other aspects of social life, such as the capacity to purchase property, engage in further education, support superannuation, or afford private health insurance.
12. _____ may be linked to under-employment.

Очевидно, что знание иностранного языка в наше время, заполненного проводами и паутиной интернет сетей, крайне необходимо. Студенты читают в интернете очень много информации, смотрят видео на английском языке или ведут переписку с носителями языка, работают в иностранных компаниях.

Изучение иностранного языка неразрывно связано с изучением новой лексики, новых языковых явлений и понятий. Неологизмы являются неотъемлемой частью языка. Для того, чтобы не потеряться в мире новых слов и выражений, для студентов были составлены специальные упражнения, которые особенно актуальны для студентов неязыковых вузов, где количество часов, отводимых на предмет «иностраный язык», весьма ограничено.

Таким образом, предложенные задания помогут студентам:

- 1) освоить некоторую часть англоязычных слов, под названием неологизмы;
- 2) проследить и прочувствовать всю красоту современного английского языка, на примере неологизмов;
- 3) будут способствовать адаптации к современному миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Музычук, Т.Л. Невербальный дискурс в преподавании русского языка и литературы [Текст] / Т.Л. Музычук // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2007. – № 3. – С. 13–19.

[2] <http://www.Wikipedia.org>.

[3] Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие [Текст] / Т.В. Попова. – М. : Флинта : Наука, 2005.

[4] Сырескина, С.В. Неологизмы в современном английском языке [Текст] / С.В. Сырескина, И.В. Щелкунов // Молодой ученый. – 2017. – № 42. – С. 207.

[5] Козырев, В.А. Словари неологизмов [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Очерки о словарях русского языка. – СПб., 2000.

[6] Намитокова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект [Текст] / Р.Ю. Намитокова. – Ростов н/Д., 2003.

[7] Трофимова, З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке [Текст] / З.С. Трофимова // Dictionary of New Words and Meanings. – АСТ, Восток-Запад, 2006.

[8] Green, J. Bloomsbury Dictionary of New Words [Text] / J. Green. – М. : Вече : Персей. 2000.

[9] Linguistics, New words in English [Text]. – Rice University, 2006.

[10] The Oxford Dictionary of New Words (Paperback) by Sara Tulloch [Text]. – Elizabeth Knowles, Julia Elliott, 2006.

[11] Urdang, L. Dictionary of Difficult Words [Text] / L. Urdang. – М. : Вече : Персей, 2006.

[12] Колесникова, И.И. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранного языка [Текст] / И.И. Колесникова, О.А. Долгина. – СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ : Cambridge University Press, 2001. – С. 137.

Информация об авторе

***Бабтракинова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Babtrakinova@yandex.ru.*

***Babtrakinova Olga Ivanovna** – instructor, Department of Foreign languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: Babtrakinova@yandex.ru.*

УДК 378.016:811.133.1

В.А. Зыкова, Иркутск

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

***Аннотация.** Применение новейших компьютерных технологий и технических средств обучения в преподавании иностранных языков для общих и профессиональных целей позволяет сформировать у учащихся способность к самостоятельному анализу и правильному выполнению индивидуальных внеаудиторных заданий. Технические средства изучения иностранных языков помогают студентам совершенствовать умения и навыки иноязычной деятельности; снимают речевой барьер неуверенности и повышают успеваемость учащихся.*

***Ключевые слова:** преподавание иностранных языков, самостоятельная работа студентов, использование новейших компьютерных технологий, интернет-ресурсы.*

THE PROCESS OF STUDENTS' SELF-STUDY AND MODERN TECHNOLOGIES USAGE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING PROCESS

Abstract. *Using of the newest computer technologies and technical tools in teaching foreign languages for general and special purposes makes available autonomous learning, forming students' ability to critical reflection, analysis, independent activity, making right decisions. Complex of technical support in foreign languages learning allows students to improve skills of verbal and cogitative activity, overcome scare and uncertainty of language barrier, increase learning of information.*

Key words: *teaching foreign languages, students' self-study, using of the newest computer technologies, internet-resource*

В пакете документов, разработанных экспертной группой Совета Европы по совершенствованию преподавания иностранных языков, и получившего наименование «Европейский языковой портфолио» («European Language Portfolio»), отмечается, что в условиях изменения геополитической ситуации «европейское сообщество» становится все более интерактивным, поскольку жители Европы в целом и студенчество в частности все активнее участвуют в мобильностях с целью обогащения как своего профессионального и образовательного уровня, так и личностного опыта. Во всех материалах нового образовательного проекта акцент переносится на *самостоятельную работу по изучению иностранного языка*, поскольку на первое место в ряду качеств будущего полноценного члена европейского демократического сообщества выдвигается «*способность к самообразованию с целью повышения большей независимости и уверенности в своих стремлениях, основанных на таких личностных качествах, как высокое самосознание, самостоятельность мышления и социальная ответственность*» [1].

В этом контексте особое значение приобретают идеи развивающегося обучения с использованием современных технологий, главной целью которого является формирование личностной активности обучаемых. Последнее, в свою очередь, должно сформировать у обучаемых как активное отношение к получению знаний, так и систематичность, и настойчивость в учебном процессе, являющимися залогом к достижению положительных результатов и успешному непрерывному образованию [2].

В данном контексте особое значение приобретает внедрение в учебный процесс новых компьютерных технологий (web-сервисы, образовательные web-ресурсы), что позволяет организовывать процесс обучения так, чтобы обучаемые активно, с интересом и увлечением работали как на занятиях, так и индивидуально, анализируя результаты своего труда и имея возможность самостоятельно их оценивать. Безусловно, использование компьютера на занятиях по изучению иностранных языков позволяет сделать процесс обучения мобильным, строго

дифференцированным и индивидуальным. На сегодняшний день широкое распространение для организации индивидуального подхода в обучении студентов с учетом их личностных особенностей и уровня подготовки получили мультимедийные курсы, интерактивные методики и электронные словари. Кроме того, в учебном процессе активно используются возможности, предлагаемые Интернетом, которые хорошо вписываются в имеющиеся в арсенале преподавателя методические комплексы.

Учитывая то обстоятельство, что процесс изучения иностранных языков является многоплановым и направленным на развитие всех видов иноязычной речевой деятельности и мышления, начиная с устной коммуникации и заканчивая развитием навыков, направленных на работу с письменным текстом любой сложности, следует заметить, что результаты совместной деятельности обучающего и обучаемого во многом зависят от организации как аудиторной, так и самостоятельной работы самого обучаемого. Известно, что при аудиторной работе более активен преподаватель, а студенты выполняют более или менее пассивную роль, в то время как самостоятельная работа требует от самого обучаемого активной мыслительной деятельности, целью которой является как получение новых знаний, так и формирование навыков иноязычной деятельности. Именно поэтому не всякая самостоятельная работа, по сути, является самостоятельной, а лишь та, которая очень хорошо подготовлена преподавателем и направлена на то, чтобы у обучаемых был сформирован интерес к работе и разработаны объективные формы контроля, либо самоконтроля. И этому в полной мере отвечают множественные мультимедийные сайты, представляющие богатейшие ресурсы для изучения иностранных языков. В нашем случае речь идет об интернет-ресурсах по изучению французского языка, как например мультимедийные платформы

Le point du FLE: <http://www.lepointdufle.net>, *7 jours sur la planète* : <http://www.tv5.org/>, *Lexique FLE* : <http://lexiquefle.free.fr/>, *Dicofle le dictionnaire du français* : <http://www.dicofle.net/>, *Bonjour de France*: <http://www.bonjourdefrance.com/> и др.

Поскольку специфической особенностью овладения иностранным языком является, с одной стороны, изучение лингвистической структуры, а с другой – развитие речи, возникает вопрос о разработке оптимальных методов обучения с учетом индивидуальных психологических факторов развития речи и осознанного овладения структурами языка.

Учитывая то обстоятельство, что язык является средством общения, а речь – способом организации коммуникации, то овладение необходимыми приемами и способами его изучения возможно лишь при создании условий коммуникативно-направленных учебных ситуаций. Именно поэтому необходимо четко различать занятия, где обучаемый осваивает использование этих средств в системе тренинга и где он пользуется этими средствами для решения тех или иных коммуникативных задач без помощи преподавателя.

Процесс обучения общению и коммуникации на иностранных языках – это процесс взаимодействия с преподавателем в рамках коммуникативно-направлен-

ного учебного сотрудничества. Подготовительную работу к такому взаимодействию и выполнению индивидуальных заданий лучше осуществлять в виде внеаудиторной работы, ибо языковые средства должны усваиваться только в контексте самостоятельно организованной деятельности. Преподавателю же необходимо в этом случае подготовить условия для работы студентов учебной аудитории. Именно поэтому, и в том и ином случае, для овладения языковыми средствами и лингвистическими структурами самым удобными становятся компьютерные программы. Говоря о преимуществах работы студентов с лицензионными программами, можно еще раз назвать их бесспорные достоинства: индивидуализированный подход, наличие обратной связи, большие возможности наглядного предъявления языкового материала, объективная оценка полученных результатов и интерактивная работа с аутентичным материалом. Студент при этом работает на персональном портале и имеет объективную форму контроля собственных действий. Кроме того, работающие с интернет-ресурсами оказываются в условиях большего эмоционального комфорта, попадая в реальную языковую атмосферу и адекватную коммуникативную ситуацию, получая при этом возможность стать активным участником общения на иностранном языке, и лишь от него самого зависти успех его участия.

С другой стороны, использование компьютера позволяет проводить и аудиторные занятия в режиме активной коммуникации, передающие полноценное человеческое общение, где средствами иноязычного общения становится не только речь на иностранном языке, но и реалии, отражающие культурные традиции страны изучаемого языка. Следует, однако, подчеркнуть, что компьютерные программы не должны быть случайными, а должны быть включены в общий контекст практических и коммуникационных задач и ситуаций, запланированных и проработанных студентами с преподавателем. К примеру, в курсе изучения французского делового языка на факультете «Мировая экономика» тема предприятия изучается с представлением как общих сведений о компании «Fiche de renseignements», так и подробным представлением всех структурных подразделений и отделов с указанием лиц, которые их возглавляют «Organigramme». И проработав учебный материал на занятии с преподавателем на примере лишь одной компании, студентам предлагается подготовить самостоятельно основные сведения уже на компанию, реально существующую на российском рынке, и выбранную ими самостоятельно.

«Портфолио», о котором мы говорили в начале нашей статьи, призван помочь студентам, изучающим иностранные языки, самостоятельно определить их уровень, наметить дальнейшие стратегии в изучении языка и более активно участвовать в учебном процессе. Преподаватели же могут использовать его в качестве дополнительного средства мотивации студентов, поскольку именно «портфолио» признается идеальным средством правильной организации внеаудиторной работы, а отдельные его разделы так называемого языкового «dossier» позволяют представить личностные стратегии изучения языка в систематизированном виде [3].

В заключение можно резюмировать выше изложенное таким образом:

– логическим развитием технологической системы обучения иностранным языкам является *обязательное использование Интернета в учебном процессе*, что позволяет студентам совершенствовать умения и навыки на иностранном языке; снимает речевой барьер, повышает уровень запоминания материала и расширяет их индивидуальные возможности обучения;

– применение новейших компьютерных технологий и интерактивных курсов в преподавании иностранных языков для специальных целей (иностраннный язык т.н. FOS) активно способствует применению личностного подхода к обучению иностранных языков, формируя у студентов способность к критическому анализу, индивидуальному подходу и принятию самостоятельных решений.

Вместе с тем индивидуальная работа студентов, выполненная в учебной лаборатории с применением компьютерных программ, носит контролируемый характер. Контроль осуществляется преподавателем с целью:

– помочь студенту методически правильно осваивать теоретический и практический материал и приобретать навыки решения поставленных задач;

– обнаружить недостатки в подготовке студента и преодолеть их.

В качестве критериев оценки результатов самостоятельной работы учитываются:

– степень усвоения студентом учебного материала и умение использовать полученные теоретические и практические знания при выполнении внеаудиторных заданий;

– получения положительных результатов внеучебной деятельности;

Оценка самостоятельной работы студента выставляется по результатам работы за определенный контрольный период по накопительной 100 бальной системе.

Выполнение самостоятельных заданий, является обязательным при выставлении оценки при промежуточном контроле.

Самостоятельная работа студента по изучению иностранного языка охватывает: усвоение лексики и правил словообразования во французском языке, понимания и применения основных грамматических правил, чтение текстов на французском языке вслух в соответствии с правилами чтения, понимание прочитанных текстов, восприятие на слух аутентичных текстов и понимание на слух содержания последних; построение вопросов и ответов к текстам; перевод на русский язык (устный и письменный).

При активном использовании информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков создаются условия для оптимизации и эффективности учебного процесса, появляется возможность качественно улучшить подготовку студентов по иностранному языку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] European Language Portfolio. Proposals for Development [Texte]. – Council of Europe, Strasbourg, February 1997. – P. 3.

[2] Зыкова, В.А. Многоаспектность организации самостоятельной работы студентов на факультете «Мировая экономика» [Текст] / В.А. Зыкова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы 12-й Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–15 июня 2007 г. – Иркутск, 2007. – С. 325–329.

[3] European Language Portfolio. Op. cit. – P. 7.

Информация об авторе

Зыкова Валентина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Vzykova@gmail.com.

Zykova Valentina Anatolievna – PhD in Philology, Associate professor, Department of foreign languages, Baikal State University, 11, Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: Vzykova@gmail.com.

УДК 800:37

И.Ю. Лидина, Иркутск

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования профессиональных компетенций иностранных студентов-лингвистов в процессе преподавания теоретических лингвистических дисциплин. Определяется роль и место данных дисциплин, анализируются основные трудности их усвоения. Предлагаются пути преодоления трудностей, а также система их преподавания, в том числе и с опорой на авторские пособия. Рекомендуются к использованию некоторые современные педагогические технологии.

Ключевые слова: компетентностно-ориентированный подход, компетенция, терминология, теоретическая грамматика, лексикология, языкознание.

I.Y. Lidina, Irkutsk

REALISATION OF A COMPETENCE APPROACH IN EDUCATION OF FOREIGN STUDENTS LINGUISTS

Abstract. The article reviews the problems of formation of professional competences of foreign students-linguists in a process of teaching theoretical linguistic subjects. The place and role of these subjects is determined and the major difficulties of

their assimilation are analyzed. The ways of overcoming difficulties and the system of their teaching are suggested, including author's methodics. Some of modern teaching technologies are recommended.

Key words: *competence-oriented approach, competence, terminology, theoretical grammar, lexicology, linguistics.*

Компетентностно-ориентированное профессиональное образование – это требование времени, ответ всей современной системы образования на изменившиеся социально-экономические условия, которые предъявляют новые требования к выпускникам вузов. Как известно, компетентностный подход – это «приоритетная ориентация образования на его результаты: формирование необходимых общекультурных и профессиональных компетенций, самоопределение, социализацию, развитие индивидуальности и самоактуализацию» [1]. Среди иностранцев, изучающих русский язык в российских вузах, особую категорию составляют филологи и лингвисты. Русский язык для них является не только средством общения, но и рабочим инструментом, объектом профессионального интереса. В обучении русскому языку данной категории студентов важную роль играет формирование профессиональных лингвистических компетенций.

Согласно образовательным стандартам, компетенция – это способность применять знания, умения и проявлять личностные качества для успешной деятельности в определенной области, т.е., помимо традиционных составляющих (теоретические знания, умение анализировать языковые факты, практические навыки и умения оперирования изученным материалом), компетенции включают в себя умения решать конкретные профессиональные задачи. Важную роль в формировании профессиональных компетенций будущих лингвистов играет блок теоретических дисциплин, таких как «Основы теории первого иностранного языка», «Основы языкознания», «Теоретические основы грамматики русского языка» и др. Именно эти дисциплины позволяют сформировать такую важную профессиональную компетенцию как «владение системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей» [2].

Как правило, контингент студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика» неоднороден. Он включает в себя студентов, которые начали изучать русский язык на подготовительных факультетах и подготовительных отделениях российских вузов, студентов, обучающихся по программам двойного дипломирования и начинающих изучать русский язык на родине, а также студентов включенных форм обучения, приезжающих на различные сроки и проявляющих интерес к изучению теоретических дисциплин. Эти категории студентов имеют различную подготовку по русскому языку, различный лингвистический опыт и

неодинаковую мотивацию. Все это создает определенные трудности для преподавателей и требует выработки определенной системы в преподавании лингвистических теоретических дисциплин.

Знакомство со стилевой дифференциацией языковых средств начинается для иностранцев на подготовительных курсах или факультетах. Оно идет по линии книжные – разговорные ресурсы. На первом курсе студенты получают представление о функциональных стилях русского языка и начинают изучать язык специальности, т.е. основы научного стиля, лингвистическую терминологию.

Как известно, основу лексики научного стиля составляют термины. Часть терминов интернациональна, например, значительная часть терминологии такой дисциплины, как «Лексикология»: синонимы, метафора, доминанта, антонимы, паронимы, полисемия, омофоны, омографы и др. Данные лексические единицы не представляют трудности для европейских и американских студентов, но непонятны китайским студентам, т.к. они не владеют интернациональной терминологией. Некоторые термины имеют дуплеты: заимствованный и исконно русский варианты, но это явление нерегулярно (многозначность – полисемия, приставка – префикс, окончание – флексия, номинативный – назывной, но только суффикс, корень). Большинство терминов русской грамматики имеют ярко выраженную национальную специфику, т.к. не интернациональны, а являются кальками с латинского и греческого языков. Они в большинстве своем трудны для произношения и формообразования. Это названия частей речи (имя существительное, глагол, наречие, причастие, предлог и т.д.), название членов предложения (подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство). Много терминов представляет собой сложные прилагательные (односоставный, сложноподчиненный, неопределенно-личный). Усложняет картину одновременное функционирование в терминологии и интернациональных терминов (субъект, объект, предикат), поскольку данные термины не являются синонимами таких терминов, как подлежащее, сказуемое, дополнение. Необходимо обращать внимание студентов на различие их семантики, связанное с особенностями русской грамматической системы. Так, в предложении *Нам понравилась экскурсия на Байкал.* подлежащим является слово экскурсия (объект с точки зрения семантики), а дополнением – слово нам (семантический субъект).

Следует отметить, что традиционная терминологическая система иногда излишне усложнена и называет похожие грамматические явления разными терминами, что создает дополнительные трудности при освоении лингвистической терминологии. Так, в словосочетании мы квалифицируем определенные отношения между главным и зависимым словом как объектные (читать книгу, вспоминать о доме). В простом предложении второстепенный член предложения, выступающий в роли объекта действия, называется дополнением (Девочка читает книгу. Студенты часто вспоминают о доме.) В сложноподчиненном предложении роль объекта играет придаточное предложение, которое называется изъяснительным (Студенты часто вспоминают о том, что дома их ждут близкие.) Такое обилие терминов мешает успешному понима-

нию и усвоению языкового материала. При этом в лучшем положении оказываются те студенты, которые начали изучать русский язык в российском вузе, так как первичное знакомство с терминологией начинается для них на практических занятиях по русскому языку.

Таким образом, работа над терминами должна, по нашему мнению начинаться на уроках практического курса русского языка и на занятиях по дисциплине «Язык специальности» (или «Русский язык профессиональный»). В рамках последней дисциплины студенты под руководством преподавателя могут работать над составлением терминологического лингвистического словаря. При этом необходимо обсуждать вместе со студентами, какие термины можно просто перевести на родной язык, а какие нуждаются в дополнительном комментировании, т.к. отражают национальную специфику языковых явлений. Чтение лекций по теоретическим дисциплинам должно предваряться знакомством с терминами соответствующего раздела или их повторением. Такая работа способствует лучшему пониманию и усвоению теории русского языка.

Кроме терминов научный стиль содержит большое количество общенаучных слов и сложных синтаксических конструкций, в которых основная семантическая нагрузка ложится на имена существительные, а десемантизированные или с ослабленной семантикой глаголы служат грамматическими связками. Все эти лексические единицы, относящиеся к абстрактной лексике, запоминаются и опознаются в речи значительно хуже, чем слова с конкретным значением. Как нам кажется, преподаватель, читающий лекции иностранным студентам, должен помнить об этом и по возможности адаптировать свою речь, разумеется, не в ущерб ее содержанию.

Многолетний опыт преподавания теоретических лингвистических дисциплин иностранным студентам-лингвистам заставил нас задуматься о том, в какой форме должны читаться лекции и как должно выглядеть учебное пособие, помогающее студентам самостоятельно осваивать учебную дисциплину и приобретать соответствующие компетенции. Нами было подготовлено два учебных пособия «Изучаем лексикологию» и «Изучаем грамматику» [3]. Принцип построения данных пособий одинаков. Каждое пособие делится на разделы, соответствующие основным темам дисциплины. Теоретический материал каждой темы дан в краткой и доступной форме и содержит только основную информацию (в идеале – определение, классификация, примеры). Каждый раздел включает большое количество практических заданий на выбор, трансформацию, анализ изучаемых языковых единиц и явлений. Кроме того, в каждом уроке представлен неадаптированный текст научного характера, относящийся к теме данного раздела. Это фрагмент статьи или параграфа из учебника, предназначенного для российских студентов, т.е. неадаптированного. Текст предназначен для поискового или ознакомительного чтения. Это задание представляется нам достаточно важным, т.к. оно готовит студентов к чтению большого объема текстов научного характера и поиску в них информации, необходимой для написания курсовых работ и выпускной квалификационной работы. При этом необходимо варьировать виды

чтения. Это может быть просмотрное или поисковое (поиск необходимой информации), ознакомительное (выделение и понимание главной информации), изучающее (полный охват информации с ее последующим усвоением). Помимо теоретического материала и практических заданий каждый урок включает основные вопросы по теме, что позволяет студентам сконцентрировать свое внимание на основном содержании. В конце пособия есть разделы, включающие задания для самостоятельной работы и итоговые тесты. В течение нескольких лет мы проводили апробацию данных пособий в группах студентов-лингвистов ИГЛУ и пришли к выводу, что студенты более успешно осваивают соответствующие дисциплины. При этом нами применялась такая обучающая технология, как опережающая самостоятельная работа. Студенты должны были ознакомиться с кратким изложением теоретического материала до прослушивания в аудитории соответствующей лекции.

Следует отметить, что переход к компетентностно-ориентированному обучению меняет определенным образом акценты в образовательном процессе и расширяет поле самостоятельной деятельности студента. Для того чтобы превратить студента из объекта преподавательской деятельности в равноправного студента, надо повысить его мотивацию. Понятно, что выполнение традиционных видов домашней работы не может способствовать этому в полной мере. Для повышения интереса студентов к изучению теоретических дисциплин преподавателю необходимо применять различные современные педагогические технологии. Особую роль здесь может сыграть применение IT-методов (знакомство с соответствующими интернет-ресурсами, например, *gramota.ru*, различными словарями, размещенными в интернет-пространстве, выполнение с их помощью различных заданий, например, на установление этимологии слов, в том числе и терминов, подготовка мультимедийных презентаций и т.д.). Можно использовать метод создания портфолио – накопление собственных учебных достижений (участие в конкурсах, олимпиадах, конференциях, публикация тезисов и статей, возможно в соавторстве с преподавателем). Перед преподавателем, читающим иностранным студентам лекции по теоретическим лингвистическим дисциплинам также стоят особые задачи: сделать процесс обучения интересным, современным, мотивировать студентов, ставя перед ними конкретные практические задачи, связанные с их будущей профессиональной деятельностью. При этом надо постоянно подчеркивать важность междисциплинарных связей, опираться на лингвистический опыт, который студенты приобрели при изучении других дисциплин.

Таким образом, мы сделали попытку описать определенную систему обучения иностранных студентов-лингвистов специальным теоретическим дисциплинам, формирующим их профессиональные компетенции. В заключении хочется отметить, что при оценке уровня сформированности определенной компетенции следует учитывать не способность студента пересказать прослушанный теоретический материал, а знание специальной терминологии и умение решать конкретные практические задачи, связанные с анализом языкового материала,

распознаванием изучаемых языковых единиц, умением применить полученные знания в будущей профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Троянская, С.Л. Основы компетентностного подхода в высшем образовании : учебное пособие [Текст] / С.Л. Троянская. – Ижевск : Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 12.

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика [Текст] : утв. приказом М-ва образования и науки Рос. Федерации от 7 авг. 2014 г. № 940. – С. 23.

[3] Лидина, И.Ю. Изучаем лексикологию : учебное пособие [Текст] / И.Ю. Лидина. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – 63 с.; Лидина, И.Ю. Изучаем грамматику : учеб. пособие [Текст] / И.Ю. Лидина, О.Г. Хребтова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 80 с.

Информация об авторе

Лидина Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковой подготовки русско-китайского факультета, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: lidina@bk.ru.

Lidina Irina Yurjevna – PhD in pedagogics. Associate Professor, Department of Language Training of the Russian-Chinese Faculty, Baikal State University, 11, Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: lidina@bk.ru.

УДК 800:37

Г.И. Махтина, Иркутск

ПИСЬМО КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ИЗУЧАЕМОГО МАТЕРИАЛА

Аннотация. В статье рассматривается один из методов активизации изучаемого материала в преподавании русского языка как иностранного. В ней говорится о положительном влиянии письменных упражнений на улучшение и усвоение активизируемых языковых единиц на примере изучения предложно-падежных форм. Описывается опыт изучения дательного падежа иностранным студентам подготовительного факультета. Рассматриваются примеры грамматических упражнений, которые помогают снимать трудности в процессе чтения и понимания текстов, а в дальнейшем и к составлению монологических высказываний.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, предложно-падежные формы, падежная система русского языка, подготовительный факультет, дательный падеж, письменные упражнения.

G.I. Makhtina, Irkutsk

THE LETTER AS A MEANS OF ACTIVATING THE STUDY MATERIAL

Abstract. *In the article one of the methods of activating the studied material in teaching Russian as a foreign language is considered. It speaks about the positive effect of written exercises on the improvement and assimilation of activated linguistic units on the example of the study of prepositional and case forms. The experience of studying the dative case for foreign students of the preparatory faculty is described. Examples of grammatical exercises are considered that help to remove difficulties in the process of reading and understanding texts, and in the future also in the compilation of monologic utterances.*

Key words: *Russian as a foreign language, methodology, prepositional and case forms, case system of the Russian language, preparatory faculty, dative case, written exercises.*

Термин «письмо» в данной работе рассматривается как вид речевой деятельности, который предполагает владение графическими и орфографическими навыками, как метод упражнений, который формирует эти навыки. Говоря об обучении письму на начальном этапе овладения русским языком как иностранным, следует, на наш взгляд, определить, для чего же иностранные студенты изучают русский язык в условиях речевой среды и каковы их коммуникативные потребности. В методической литературе накопилось достаточно работ, освещающих эту проблему.

В настоящее время в методике обучения иностранным языкам и русскому как иностранному преобладающим методом обучения стал устный метод, при котором предполагается многократное употребление учащимися активизируемого материала в их собственных высказываниях. Но у нас не всегда есть условия дать каждому обучаемому возможность многократно употреблять весь языковой материал в устной речи на аудиторных занятиях. Кроме того, как показывает практика, навыки употребления языкового материала в речи, выработанные на занятиях, быстро утрачиваются, если они не подкрепляются письменными упражнениями.

В теории и практике обучения русскому языку как иностранному доказана необходимость обучения каждому виду речевой деятельности (чтению, говорению, письму) посредством упражнений. В настоящее время наблюдается замечательное сближение устной и письменной речи в плане использования языковых средств, что позволяет применять печатные тексты для обогащения активного словаря студентов как в письменных, так и в устных формах работы.

Положительное влияние письменных упражнений на улучшение и усвоение языкового материала возможно потому, что при этом работают зрительные, слуховые и кинетические анализаторы. Благодаря этому разнообразию достигается более прочное и быстрое усвоение языковых единиц.

Письменная работа требует большой активности, большего внимания и волевых усилий как со стороны учащегося, так и со стороны преподавателя. В устной речи нередко ошибки учащегося остаются неисправленными. В письменной речи они фиксируются, что позволяет преподавателю проверить, проанализировать и оценить речь обучаемого гораздо строже. В этом смысле письменная работа дисциплинирует, корректирует речь учащегося, помогая выявить проблемы и в его устной речи.

Из всего разнообразия видов письменных упражнений необходимо использовать только те, которые бы соответствовали целям и условиям обучения на данном этапе и на конкретном материале. Такие упражнения предлагается расположить по степени их трудности. Обучение графическим и орфографическим средствам языка не вызывает никаких споров и сомнений. На начальном этапе обучения (подготовительный факультет) необходимо отрабатывать навыки техники письма (графический, орфографический, написание строк слева направо), которые формируются в начале обучения русскому языку в социально-бытовой и учебной сферах. Более подробно в данной статье хочется остановиться на опыте изучения падежных форм, которые представляют определенную трудность у иностранных студентов особенно на начальном этапе изучения языка. Предложно-падежная система – это ключевая позиция в методике РКИ.

Исследователи (Н.Д. Кирсанова, О.И. Москальская, В.С. Ермаченкова и др.) отмечают, что основные трудности в изучении падежных форм и падежных значений возникают у учащихся не в процессе запоминания падежных окончаний (ведь заучить флексии учащийся способен и без помощи преподавателя): учащийся затрудняется определить, в каком случае необходимо употребить то или иное падежное значение. То есть студенту-иностранцу зачастую непонятно, почему в одном случае нужно использовать форму дательного падежа, а в другом – родительного. Существует мнение, что эта проблема решаема при правильной последовательности изучения падежной системы русского языка. Одни авторы учебников рекомендуют начинать обучение с винительного падежа (Л.В. Московкин, Л.В. Сильвина), другие – с предложного (С.А. Хавронина, А.И. Широченская). А.М. Ковалева считает, что иностранный студент начинает грамматически правильно говорить по-русски только после того, как преподаватель знакомит его с перечнем ситуаций, в которых употребляется каждый из падежей [1].

В учебниках и учебных пособиях чаще всего предложно-падежная система представлена линейно, то есть предлагается одновременно несколько значений одного падежа, закрепляются окончания, затем дается комплекс упражнений устных и письменных на закрепление материала. Так подается материал в учебнике русского языка «Дорога в Россию» часть II [2]. И уже после этого дается следующий падеж.

В данной статье мы хотели бы остановиться на изучении дательного падежа на уроках русского языка подготовительного факультета. Основным учебником, используемым на этом этапе, является учебник русского языка «Дорога в Россию» часть I и II. Дательный падеж в данном учебнике располагается после изучения винительного падежа в значении прямого объекта, начиная с 13 урока. Основные значения дательного падежа в I части (элементарный уровень) – направление движения к какому-либо лицу (вопрос к кому?); в сочетании с глаголами рассказать, показать, звонить (кому?) и обозначение возраста (Анне 19 лет) [3].

Основные значения дательного падежа, выносимые на занятиях преподавателем РКИ в базовом уровне (II часть), следующие:

- 1) адресат (*передай привет моему русскому преподавателю*);
- 2) выражение необходимости (*мне нужно позвонить домой*);
- 3) выражение состояния, чувства (*этой студентке будет интересно*);
- 4) направление (*к нашему декану*);
- 5) место движения (*идти по родному городу*);
- 6) определение объекта (*экзамен по русскому языку*). Дательный падеж во второй части учебника вводится в уроке четвертом.

Упражнения вводятся сначала на материалах имен существительных, затем – личных местоимений и в конце на прилагательных.

На кафедре языковой подготовки Русско-китайского факультета БГУ были разработаны учебные пособия «По дорогам русской грамматики» для студентов подготовительного факультета в 2 частях [4], которые являются приложением к основному учебнику «Дорога в Россию». Их целью является закрепление лексико-грамматического материала, развитие письменной и устной речи. Письменные упражнения могут быть использованы и для самостоятельной работы. Таким образом компенсируется недостаточное количество аудиторных занятий для усвоения темы: самостоятельно обучающийся еще раз закрепляет и углубляет тему урока.

Ниже приводятся примеры упражнений по теме «Дательный падеж».

I. Адресат

А) 1. Я дала свой учебник (преподаватель). 2. Вчера я позвонила (подруга). 3. Он рассказал о своей болезни (врач). 4. Студент хорошо отвечал (профессор) на экзамене. 5. Отец купил подарок (дочь).

Б). 1. Дети помогают (старые родители). 2. Я купил билеты в кино (мои друзья). 3. Дети помогают (старые родители). 4. Мы пригласили на вечер (наши преподаватели). 5. Антон рассказал (мы) последние новости.

В) Напишите, что они сделали?

Антон, *передай* привет своим родителям!

Антон *передал* привет своим родителям!

Саша, дай, *пожалуйста* учебник своему соседу!

Лиля, *отнеси* контрольную работу преподавателю!

Коля, *расскажи* своей подруге о Байкале!

Боря, *позвони*, *пожалуйста*, нашей новой студентке.

II. Выражение необходимости

А) (Иван) надо поехать (Виктор), потому что он хочет посмотреть фотографии.

(Саша) надо пойти к (декан), потому что он хочет поехать домой.

(Мария) надо пойти (врач), так как она плохо себя чувствует.

(Борис) надо поехать (подруга), потому что она пригласила в гости.

(Алеша) надо пойти к (преподаватель), так как он хочет сдать зачет.

Б) Закончите предложения

Мне нужно... Тебе надо... Ему надо...

Нам нужно... Вам нужно... Им нужно ...

III. Выражение чувства

Ответьте на вопросы

Кому хорошо? Другу хорошо.

Лиля скучает. Ей грустно

Борис смеется. Ему весело.

Саша читает. Ему интересно.

На улице – 30. Нам холодно.

Летом + 30. Всем жарко.

IV. Направление

К кому вы идете в гости? (мои друзья, наши родственники, иностранные студенты, иркутские актеры, известные художники).

К кому вы летите в гости? (школьные друзья, мои старые знакомые, родители, иркутские студенты).

Б) напишите по-другому

Я был у своих родителей в Пекине.

Я ездил к своим родителям в Пекин.

Мы были в гостях у нового студента.

Больной был в поликлинике у врача.

Преподаватель был у своих студентов в общежитии.

Антон был у Анны.

V. Место движения

Мы любим гулять по (берег Ангары).

В воскресенье мы целый день катались по (наш город).

Чтобы попасть в БГУ, нужно идти по (улица Карла Маркса).

Студент опоздал и ходил по (коридор).

Вы уже гуляли по (снег)?

VI. Определение объекта.

Ответьте на вопросы.

Раз в неделю студенты занимаются фонетикой. Какой семинар бывает у студентов раз в неделю?

Студенты изучают русский язык. Завтра они будут писать контрольную работу. Какую контрольную работу они будут писать завтра?

Иностранные студенты, изучая значения дательного падежа сталкиваются со многими трудностями. Особенно при употреблении предлогов: пойти в общежитие, пойти к декану, подъехать к вокзалу, гулять по улице и контрольная по

русскому языку. Поэтому, чтобы предотвратить ошибки, связанные с использованием того или иного падежа, необходимо изучать их не оторвано от контекста, а в соответствии с определенной ситуацией общения.

Для подтверждения того, что письменные упражнения помогают активизации изучаемого материала, одна группа подготовительного факультета была поделена на две части. Одна часть группы изучала материал (в данном случае только тему «Дательный падеж») по учебнику без привлечения дополнительных письменных упражнений, а вторая часть группы получала дополнительный материал в виде письменных работ. Обучающиеся выполняли эти работы на уроке, но большую часть заданий было предложено для самостоятельной работы. Заключительный тест показал: результаты второй группы были выше на 37%.

Итак, можно сделать вывод, что письменные упражнения приносят ощутимые результаты при условии, если им предшествует тщательная устная проработка, соблюдается продуманная система и последовательность в работе, обеспечивается его повторяемость в системе домашних и аудиторных занятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ковалева, А.М. Обучение предложно-падежной системе РКИ на элементарном уровне : практикум для студентов бакалавров III курса по направлению 050100.62 «Педагогическое образование», профиль «Русский язык как иностранный». Факультет: филологический [Текст] / А.М. Ковалева ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2012. – 58 с.

[2] Антонова, В.Е. Дорога в Россию : учеб. рус. яз. (Базовый уровень). Ч. 11 [Текст] / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, А.А. Толстых. – СПб. : Златоуст, 2010. – 344 с.

[3] Антонова, В.Е. Дорога в Россию : учеб. рус. яз. (Базовый уровень). Ч. 1 [Текст] / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова, А.А. Толстых. – СПб. : Златоуст, 2009. – 256 с.

[4] Дудакова, Л.Н. По дорогам русской грамматики : учеб. пособие : в 2 ч. [Текст] / Л.Н. Дудакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – Ч. 1 : Элементарный уровень. – 104 с.; Журавкова Г.Ф. По дорогам русской грамматики : учеб. пособие : в 2 ч. [Текст] / Г.Ф. Журавкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – Ч. 2 : Базовый уровень. – 196 с.

Информация об авторе

Махтина Галина Ивановна – старший преподаватель, кафедра языковой подготовки, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: mahtinagi@mail.ru.

Makhtina Galina Ivanovna – tutor, Department of language training, Baikal State University, 11, Lenin Str., Irkutsk, e-mail: mahtinagi@mail.ru.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТУРИЗМ»

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме формирования социокультурной компетенции студентов вузу специальности «Туризм» на занятия английского языка, совершенствованию умения строить свое языковое и неязыковое поведение адекватно этой специфике. В статье предлагаются рекомендации по использованию национально-регионального компонента по подготовке заданий в разделе самостоятельной работы студентов и приводится схема видов коммуниктивно-этнографического подхода к обучению иностранному языку и культуре как страны изучаемого языка и своего родного края.*

***Ключевые слова:** коммуниктивно-этнографический подход, межкультурная компетенция, национально-региональный компонент, национально-культурные особенности.*

E.G. Trotsenko, Irkutsk

THE REGIONAL COMPONENT AS A TOOL OF CREATING
SOCIAL-CULTURAL COMPETENCE FOR STUDENTS
STUDYING «TOURISM»

***Abstract.** The article deals with the problem of creating social-cultural competence for students of the higher school studying “Tourism” in English, improving their skills of communication in foreign language according specific situations. The article offers some recommendations of using national-regional component for student’s self-study works. The table of some communicative and ethnographic approaches in learning foreign language is given to use it for studying culture and its people.*

***Key words:** communicative-ethnographic approach, intercultural competence, national-regional component, national-cultural specification.*

В настоящее время целью обучения иностранному языку в высшей школе является формирование коммуникативной компетенции, которое включает в себя как языковую, речевую, так и социокультурную компетенцию, которая подразумевает изучение истории, традиций, культуры страны изучаемого языка. На занятиях английского языка «социокультурная компетенция является инструментом воспитания международно-ориентированной личности и предполагает усвоение студентами социального опыта, традиций (не только страны изучаемого языка, но и своего родного), учет таковых в процессе взаимодействия, а

также преодолению негативного отношения по отношению к другим культурам. Социокультурная компетенция неотделима от процесса обучения самому языку (то есть от формирования лингвистической компетенции) [1].

В процессе обучения студенты сталкиваются с миром родной и иноязычной культуры, и речь идет об осмысленном понимании менталитета родного народа, что считается чрезвычайно важным в процессе становления личности, формировании мировоззрения в культурном развитии [2]. Это справедливо и для занятий со студентами специальности «Туризм».

При обучении иностранному языку особое внимание уделяется не только на красоты и достопримечательности других государств, но и на их проблемы, на положительные и отрицательные реалии повседневной жизни, которые в условиях глобализации одинаковы для этих стран и России. Таким образом, в Байкальском государственном университете на занятиях английского языка (профессионального) со студентами специальности «Туризм» мы используем материалы регионального содержания, которые помогают рассуждать о реалиях своей страны и региона на иностранном языке, сравнивать их с реалиями других стран, находя в них сходство и различие.

Например, один из вопросов об обычаях и традициях своего края было задание составить рассказ с презентацией о том, какие особенности культуры, обычаи нашей страны могли бы шокировать иностранца. В группах студентов есть представители малых народов нашей области, буряты, эвенки, тувинцы и татары. Их рассказы были интересны своими деталями, историей и связью с современностью. Пересказ легенд, былин и историй названий деревень и рек требовал от студентов большой работы по переводу. В конце этой работы студенты показали свои разработанные маршруты по этим местам. Эта методика хорошо представлена в таблице виды коммуникативно-этнографического подхода к обучению иностранному языку и культуре:

1. Дифференциация и индивидуализация обучения.

А) Необходимость учитывать индивидуальные способности, интересы и потребности студентов в области языкового и социокультурного образования.

2. Погружение в языковую среду:

А. В процессе обучения студенты выполняют роль исследователей-этнографов, наблюдающих и изучающих явления языка и культуры англоговорящих стран и России.

3. Методическая составляющая – использование методов этнографии.

А. На занятии студенты используют методы этнографии. Такие формы как опрос, наблюдение, анкетирование и интервью выступают как основные виды работы. Дополнительно используются и другие виды проблемных культуроведческих заданий: поисково-игровые, познавательно-поисковые, познавательно-исследовательские.

4. Контекстное обучение.

А) Студенты изучают явления языка и культуры в различном контексте: социальном и культурном в диахроническом или синхроническом аспектах;

5. Коммуникативное обучение.

А) Эта форма обучения подразумевает исследовательскую работу студентов на основе методов проблемного обучения. Принципы речевой направленности и функциональности идет через непосредственное общение на иностранном языке с носителем языка;

Б) На занятиях иностранного языка необходимо постоянно менять приемы и методы этнографического исследования, форм работы и разнообразные задания, направленных на овладение не только иностранным языком, но и культуры;

В) Задачей педагога является изменение содержания обучения с необходимостью принятия во внимание индивидуальных потребностей и интересов студента;

Г. Разнообразие лексического и стилистического речевого высказывания изучается в связи с ситуациями формального и неформального общения.

6. Социокультурное образование.

А) В высшей школе одной из задач является изучение систем ценностей и норм разных культур, где рассматриваются доминирующие ценности по территориальным, этническим, социальным и религиозным признакам).

Б) Региональный компонент выступает основным при изучении культуры этноса во взаимосвязи с региональной культурой (например, рассмотрении культуры и образа жизни религиозных общин России и Сибири, Африканских стран и Америки);

В) Речевое поведение представителей англоговорящих стран дает представление о национально-специфических социальных особенностях и характере культуры народа;

Г) На занятиях в процессе обучения изучается образ и стиль жизни страны изучаемого языка и влияния культурной принадлежности учитывая территориальный, социальный, экономический, религиозный признаки;

Д) Необходимость формирования межкультурной компетенции студента.

7. Поликультурное образование.

А) На современном этапе развития необходимо изучать различные виды культуры по конкретным аспектам (социальному, этническому, религиозному);

Б) Особое внимание должно уделяться осознанию студентом себя в качестве представителя родной культуры с многогрупповой принадлежностью (Сибирский край, Республика Тыва, Бурятия и другие регионы по религиозным, территориальным, социальным, политическим и другим аспектам):

В) Сопоставительный анализ полученных данных, сравнительные таблицы и использование языкового, речевого и социокультурного материала дает возможность изучить культуру страны изучаемого языка и родного края;

Г) Рефлексия обучающихся;

Д) Формирование межкультурной компетенции обучающихся. [3].

Таким образом, мы говорим о формировании социокультурной компетенции, то есть знаний студентами национально-культурных особенностей стран изучаемого языка, умений осуществлять речевое поведение в соответствии с этими знаниями, а также готовности и способности жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире.

Важным фактором формирования социокультурной компетенции является применение новых технологий обучения.

Одним из возможных направлений повышения эффективности учебного процесса, и развития в нем личности, может быть реализация национально-регионального компонента в ходе самостоятельной работы студента (СРС).

Проектную методику считают очень продуктивной, так как она создает уникальную возможность для личностного роста студента, ориентирует его на раскрытие творческого потенциала и развитие познавательных интересов.

Тематика проектных работ может иметь социокультурное и культуроведческое звучание в аспекте контрастно-сопоставительного характера. Презентация проекта зависит от выбора и интересов студента и может быть в виде газетной статьи, репортажа, экскурсии на английском языке, плаката, видеоролика и так далее.

В качестве примера можно привести краткое описание проекта: “Welcome to Siberia!”. Целью последнего является изучение региона и существующих в нем достопримечательностей, связанных с культурой и традицией. Эта работа предполагает ряд этапов.

Первый этап – подготовка проекта. Студентам предлагается собрать необходимую информацию, разбив ее на несколько направлений:

- география Сибири;
- достопримечательности;
- традиции и быт бурятского и русского народов;
- Иркутская область;
- культурная жизнь Иркутской области.

После того как студенты составляют план, они начинают самостоятельно работать в группах. Они собирают материал на родном языке. Далее материал обсуждается в группах, и студенты приступают к выполнению письменного английского варианта. Преподаватель на этом этапе выступает в роли консультанта. Самостоятельная работа студентов состоит в представлении отчета о том, какие задания они выполняли, с какими словами и выражениями познакомились.

На следующем этапе студентам предлагается составить рассказ о результатах своих поисков. Преподаватель оценивает грамматическую и лексическую правильность выполнения заданий.

Таким образом, проектная работа дает студентам возможность больше узнать о своей малой родине, активнее вникать в процесс общения на английском языке.

На основе краеведческого материала можно моделировать вполне реальные коммуникативные ситуации: беседа своей стране, о ее столице, о своем родном городе или деревне представителем другой страны, проведение экскурсий для туристов на английском языке и т.д.

В целях формирования и развития социокультурной направленности, которая представляет собой коммуникативную компетенцию, наиболее эффективными считаются те уроки, которые имитируют профессиональную деятельность гида и работников туристических агентств: путешествие, экскурсия, презентация туристических проектов.

Реализация национально-регионального компонента в процессе обучения во время уроков английского языка является не только средством, с помощью которого можно формировать социокультурную компетенцию обучающихся. Это имеет большое воспитательное значение. Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культуры; это предусматривает не только усвоение культурологических знаний, но и способность и готовность понимать особенности менталитета носителей языка тех стран язык которых изучается, а также умение представлять свою страну, свой родной край.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей [Текст] / Е.Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2003. – С. 8–9.

[2] Музычук, Т.Л. Информационное топонимическое пространство сибирского города: манипуляция сознанием [Текст] / Т.Л. Музычук // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5, № 1. – С. 143–153. – DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).143-153.

[3] Сысоев, П.В. Коммуникативно-этнографический подход к обучению иностранному языку и культуре: новые задачи и новые возможности в XXI веке [Текст] / П.В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2015. – № 1. – С. 18–19.

Информация об авторе

Троценко Елена Геннадьевна – старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: trotsenkoe@yandex.ru.

Trotsenko Elena Gennadievna – tutor, Department of Foreign languages, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: trotsenkoe@yandex.ru.

Научное издание

**Проблемы концептуальной систематики речи
и речевой деятельности**

Материалы X Всероссийской научной конференции

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 30.05.18. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.